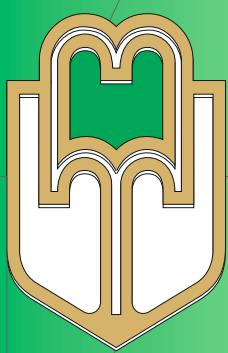
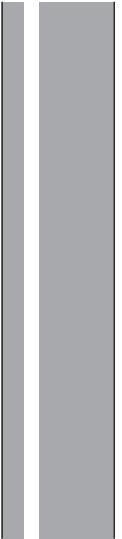


ISSN 2078-1024



**ВЕСТНИК
МАЙКОПСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА**

Том 17 №4 2025

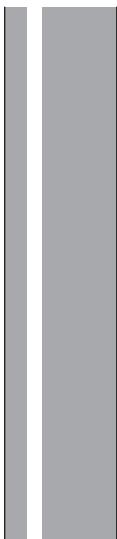


ВЕСТНИК МАЙКОПСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Том 17 № 4 2025

<i>История издания журнала:</i>	Журнал издается с 2009 года
<i>Наименование:</i>	Вестник Майкопского государственного технологического университета Том 17, № 4 2025
<i>Периодичность:</i>	4 выпуска в год
<i>Префикс DOI:</i>	10.47370
<i>ISSN:</i>	2078-1024
<i>Свидетельство о регистрации средства массовой информации:</i>	Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство ПИ № ФС77-85521 от 04 июля 2023 г.
<i>Условия распространения материалов:</i>	Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
<i>Подписка на журнал «Вестник Майкопского государственного технологического университета»:</i>	Подписку на журнал «Вестник Майкопского государственного технологического университета» можно оформить по индексу 66022 в электронном каталоге УРАЛ-ПРЕСС https://www.ural-press.ru/
<i>Учредитель / издатель:</i>	Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Майкопский государственный технологический университет» 385000, г. Майкоп, ул. Первомайская, 191
<i>Редакция:</i>	Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Майкопский государственный технологический университет» 385000, г. Майкоп, ул. Первомайская, 191, тел.: 8(8772) 52 30 03 e-mail: vestnik@mkgtu.ru http://vestnikmkgtu.ru/
<i>Типография:</i>	Индивидуальный предприниматель Кучеренко Вячеслав Олегович 385008, г. Майкоп, ул. Пионерская, д. 403, офис 33 e-mail: slv01@yandex.ru
<i>Дата публикации:</i>	29.12.2025
<i>Тираж:</i>	500 экз.
<i>Стоимость одного выпуска:</i>	Цена свободная

16+



**VESTNIK
MAJKOPSKOGO
GOSUDARSTVENNOGO
TEHNOLOGIČESKOGO
UNIVERSITETA**

Volume 17 No. 4 2025

<i>Journal publishing history:</i>	The journal has been published since 2009
<i>Title:</i>	Vestnik Majkopskogo gosudarstvennogo tehnologičeskogo universiteta Volume 17, No. 4 2025
<i>Frequency:</i>	4 issues a year
<i>DOI prefix:</i>	10.47370
<i>ISSN:</i>	2078-1024
<i>Mass media registration certificate:</i>	Registered with the Federal Service for Supervision in the Sphere of Communications, Information Technology and Mass Media (Roskomnadzor). Certificate PI № FS77-85521, July 04, 2023
<i>Content distribution terms:</i>	Content is distributed under Creative Commons Attribution 4.0 License
<i>Subscription to «Vestnik Majkopskogo gosudarstvennogo tehnologičeskogo universiteta» journal:</i>	You can subscribe to «Vestnik Majkopskogo gosudarstvennogo tehnologičeskogo universiteta» journal o in the electronic catalog of the Ural Press under the 66022 index https://www.ural-press.ru/
<i>Founder / Publisher:</i>	Maykop State Technological University 385000, Maikop, 191, Pervomayskaya str.
<i>Editorial office:</i>	Maykop State Technological University 385000, Maikop, 191, Pervomayskaya str. tel.: 8(8772) 52 30 03 e-mail: vestnik@mkgtu.ru http://vestnikmkgtu.ru/
<i>Printing house:</i>	Kucherenko Vyacheslav Olegovich sole proprietorship 385008, Maykop, 403 Pionerskaya str., office 33 e-mail: slv01@yandex.ru
<i>Publication date:</i>	29.12.2025
<i>Circulation:</i>	500 copies
<i>The cost of one issue:</i>	Free price



МЕЖДУНАРОДНАЯ РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор:

Тхакушинов Асланчериי Китович, доктор социологических наук, профессор, действительный член (академик) Российской академии образования, президент ФГБОУ ВО «МГТУ», заведующий кафедрой философии, социологии и педагогики ФГБОУ ВО «МГТУ»

Зам. главного редактора:

Овсянникова Татьяна Анатольевна, доктор философских наук, профессор, проректор по научной работе и инновационному развитию

Члены редакционной коллегии:

Бадмаев В.Н., доктор философских наук, профессор (ФГБОУ ВО «КалмГУ им. Б.Б. Городовикова», г. Элиста, Россия);

Нехай В.Н., доктор социологических наук, доцент (ФГБОУ ВО «АГУ», г. Майкоп, Россия);

Азашиков Г.Х., доктор философских наук, профессор (ФГБОУ ВО «МГТУ», г. Майкоп, Россия);

Хагуров Т.А., доктор социологических наук, профессор (ФГБОУ ВО «КубГУ», г. Краснодар, Россия);

Сиухова А.М., доктор культурологии, доцент (ФГБОУ ВО «МГТУ», г. Майкоп, Россия);

Кудаева С.Г., доктор исторических наук, профессор (ФГБОУ ВО «МГТУ», г. Майкоп, Россия);

Сефербеков Р.И., доктор исторических наук, профессор (ФГБУН ИИАЭ ДФНЦ РАН, г. Махачкала, Россия);

Мусхаджисев С.-Х.Х., кандидат исторических наук, доцент (ФГБОУ ВО «МГТУ», г. Майкоп, Россия);

Поддубная Т.Н., доктор педагогических наук, профессор (ФГБОУ ВО «КГУФКСТ», г. Краснодар, Россия);

Алиева С.И., доктор исторических наук, профессор (Азербайджанский государственный педагогический университет, г. Баку, Азербайджанская Республика);

Сопов А.В., доктор исторических наук, профессор (ФГБОУ ВО «МГТУ», г. Майкоп, Россия);

Шувакович У.В., доктор политических наук, профессор (PhD), (Приштинский университет, г. Белград, Сербия);

Кечина Е.А., доктор социологических наук, профессор (Белорусский государственный университет, г. Минск, Республика Беларусь);

Амиррова Л.А., доктор педагогических наук, доцент (ФГБОУ ВО «БГПУ им. М. Акмуллы», г. Уфа, Россия);

Голенкова З.Т., доктор философских наук, профессор (Институт социологии Федерального научно-исследовательского

социологического центра Российской академии наук, г. Москва, Россия);

Краснощекова Г.А., доктор педагогических наук, доцент (Южный федеральный университет, г. Таганрог, Россия);

Ромашина Е.Ю., доктор педагогических наук, профессор (Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого, г. Тула, Россия);

Нарбут Н.П., доктор социологических наук, профессор (РУДН, г. Москва, Россия);

Омер Туран, доктор исторических наук, профессор (Технический университет Ближнего Востока, г. Анкара, Турция);

Хагуров А.А., доктор социологических наук, профессор (ФГБОУ ВО «КубГАУ», г. Краснодар, Россия);

Пивненко П.П., доктор педагогических наук, профессор (ФГАОУ ВО «РостГМУ», г. Ростов-на-Дону, Россия);

Бегидова С.Н., доктор педагогических наук, профессор (ФГБОУ ВО «АГУ», г. Майкоп, Россия);

Волкова О.А., доктор социологических наук, профессор (ОУП ВО «АТиСО», г. Москва, Россия);

Панеш А.Д., доктор исторических наук, доцент (ГБУ РА «АРИГИ им. Т.М. Керашева», г. Майкоп, Россия);

Чумичева Р.М., доктор педагогических наук, профессор (ФГАОУ ВО «ЮФУ, Академия психологии и педагогики», г. Ростов-на-Дону, Россия);

Лукьяненко В.П., доктор педагогических наук, профессор (ФГАОУ ВО «СКФУ», г. Ставрополь, Россия);

Мусханова И.В., доктор педагогических наук, доцент (ФГБОУ ВО «ЧГУ», г. Грозный, Россия);

Гапуров Ш.А., доктор исторических наук, профессор (ГКНУ «Академия наук Чеченской республики», г. Грозный, Россия);

Соловей Т.Д., доктор исторических наук, профессор (МГУ им. М.В. Ломоносова, г. Москва, Россия);

Бенин В.Л., доктор педагогических наук, профессор (ФГБОУ ВО «БГПУ им. М. Акмуллы», г. Уфа, Россия);

Жаркынбаева Р.С., доктор исторических наук, профессор (Казахский национальный университет им. аль-Фараби, г. Алматы, Казахстан);

Бобкова Е.М., доктор социологических наук, доцент (Приднестровский государственный университет им. Т.Г. Шевченко, Институт государственного управления права и социально-гуманитарных наук, г. Тирасполь, Молдова. Приднестровье);

Маликов Р.Ш., доктор педагогических наук, профессор (ФГБОУ ВО «Набережночелнинский государственный педагогический университет», г. Набережные Челны, Россия).

INTERNATIONAL EDITORIAL BOARD:

Chief Editor:

Tkhakushinov Aslancheriy Kitovich, Doktor of Sociologikal Sciences, Professor, a full member (academician) of the Russian Education Academy, President of FSBEI HE «MSTU», head of the Department of Philosophy, Sociology and Pedagogics of FSBEI HE «MSTU»

Deputy Chief Editor:

Ovsyannikova Tatiana Anatoljevna, PhD, Professor, prorector for scientific work and innovative development

Members Editorial Board:

Badmayev V.N., Ph.D., professor (FSBEI HPE «KalmSU named after B.B. Gorodovikov», Elista, Russia);

Nekhay V.N., Dr Sci. (Sociology), associate professor (FSBEI HE «ASU», Maikop, Russia);

Azashikov G.H., Ph.D, professor (FSBEI HE «MSTU», Maikop, Russia);

Khagurov T.A., Dr Sci. (Sociology), professor (FSBEI HE «KubSAU», Krasnodar, Russia);

Siyukhova A.M., Dr Sci. (Culturology), associate professor (FSBEI HE «MSTU», Maikop, Russia);

Kudayeva S.G., Dr Sci. (Hist.), professor (FSBEI HE «MSTU», Maikop, Russia);

Seferbekov R.I., Dr Sci. (Hist.), professor (FSBIS IHAE DFSC of the RAS, Makhachkala, Russia);

Muskhadzhiev S.-H.H., PhD (History), associate professor (FSBEI HE «MSTU», Maikop, Russia);

Poddubnaya T.N., Dr Sci. (Ped.), professor (FSBEI HE «KSUPCS», Krasnodar, Russia);

Alieva S.I., Dr Sci. (Hist.), professor (Institute of History of the National Academy of Sciences of Azerbaijan, Baku the Azerbaijan Republic);

Sopov A.V., Dr Sci. (Hist.), professor (FSBEI HE «MSTU», Maikop, Russia);

Shuvakovich U.V., Dr Sci. (Politics), professor (Pristina University, Belgrad, Serbia);

Kechina E.A., Dr Sci. (Sociology), professor (Belarusian State University, Minsk, the Republic of Belarus);

Amirova L.A., Dr Sci. (Ped.), associate professor (FSBEI HE «BSPU named after M. Ak-mulla», Ufa, Russia);

Golenkova Z.T., Dr Sci.(Philosophy), professor (Institute of Sociology of the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia);

Krasnoshchekova G.A., Dr Sci. (Ped.), associate professor (The Southern Federal University, Taganrog, Russia);

Romashina E.Yu., Dr Sci. (Ped.), professor (Tula state pedagogical university named after L.N. Tolstoy, Tula, Russia);

Narbut N.P., Dr Sci. (Sociology), professor (PFUR, Moscow, Russia);

Omer Turan, Dr Sci. (Hist.), professor (Middle East Technical University, Ankara, Turkey);

Khagurov A.A., Dr Sci. (Sociology), professor (FSBEI HE «KubSU», Krasnodar, Russia);

Pivnenko P.P., Dr Sci. (Ped.), professor (Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia);

Begidova S.N., Dr Sci. (Ped.), professor (FSBEI HE «ASU», Maikop, Russia);

Volkova O.A., Dr Sci. (Sociology), professor (EITU HE «ALandSR», Moscow, Russia);

Panesh A.D., Dr Sci. (Hist.), associate professor (SBI RA «ARIHR named after T.M. Kerashew», Maikop, Russia);

Chumicheva R.M., Dr Sci. (Ped.), professor (FSAEI HE «SFU, Academy of Psychology and Pedagogy», Rostov-on-Don, Russia);

Lukyanenko V.P., Dr Sci. (Ped.), professor (FSAEI HE «NCFU», Stavropol, Russia);

Muskhanova I.V., Dr Sci. (Ped.), associate professor (FSBEI HE «ChSU», Grozny, Russia);

Gapurov Sh.A., Dr Sci. (Hist.), professor (SOSI «The Chechen Republic Academy of Sciences», Grozny, Russia);

Solovey T.D., Dr Sci. (Hist.), professor (MSU named after M.V. Lomonosov, Moscow, Russia);

Benin V.L., Doktor of Pedagogics, a professor, (FSBEI HE «BSPU named after M. Ak-mulla», Ufa, Russia);

Zharkynbayeva R.S., Dr Sci. (Hist.), professor, (Kazakh National University named after al-Farabi, Almaty, Kazakhstan);

Bobkova E.M., Dr Sci. (Sociology), associate professor (Trans-Dniester state university named after T.G. Shevchenko, Institute of Public Administration, Law and Social and Human sciences, Moldova, Tiraspol, Trans-Dniester);

Malikov R.Sh., Dr Sci. (Ped.), professor (Naberezhnye Chelny State Pedagogical University, Naberezhnye Chelny, Russia).

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

Г.Н. Есеева. Русское население Западного Казахстана в конце XIX – начале XX века: формирование и хозяйствственный облик	11
С.Г. Кудаева. Исламский фактор и адыгская (черкесская) эмиграция в Османскую империю XIX века: к проблеме интерпретации в контексте этнологического и диаспорального подходов	29
М.К. Нагиева. Организация первых мероприятий по подготовке средних медицинских кадров в Дагестане в первой половине XX века	41
Н.Г. Очирова. Буддизм в социокультурном пространстве Калмыкии: современное состояние и тенденции	54

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Ф.А. Аутлева. Проблемы фонетической интерференции при обучении иностранных студентов фонетике русского языка, пути их решения и преодоления	67
Е.В. Киселева. Портфолио как инструмент мониторинга результатов профессионального саморазвития научно-педагогического работника	84
Т.М. Чечурова. Методологические подходы к обучению профессиональной терминологии на занятиях по иностранному языку в техническом вузе	99

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

И.А-С. Абдоков, А.Ю. Буина, С.К. Мамсирова, А.А. Трамова. Влияние уровня образования на продолжительность жизни	116
Д.В. Босов, О.А. Волкова. Отражение социальной и демографической политики в патриотических женских кинообразах 1890–1980-х годов	130
К.Я. Литвина. Роль общественного контроля в формировании доверия власти к обществу	145
А.Н. Соколова. Роль концертных организаций в формировании региональной и общероссийской идентичностей	162
А.Е. Цеханович. Влияние удаленной занятости на соотношение профессиональной и личной жизни («work-life balance»): социологический анализ	179

CONTENTS

HISTORICAL SCIENCES

G.N. Eseeva. The Russian population of Western Kazakhstan in the late 19th – early 20th centuries: formation and economic profile	11
S.G. Kudaeva. The Islamic factor and the Adyge (Circassian) emigration to the Ottoman Empire in the 19th century: revisiting the interpretation in the context of ethnological and diaspora approaches	29
M.K. Nagieva. Planning the first training events for the mid-level medical personnel in Dagestan in the first half of the 20th century	41
N.G. Ochirova. Buddhism in the sociocultural space of Kalmykia: current status and trends	54

PEDAGOGICAL SCIENCES

F.A. Autleva. Problems of phonetic interference in teaching Russian phonetics to international students: solutions and overcoming.....	67
E.V. Kiseleva. Portfolio as a tool for monitoring professional self-development of academic staff.....	84
T.M. Cheucheva. Methodological approaches to teaching professional terminology in foreign language classes at a technical university	99

SOCIOLOGICAL SCIENCES

I.A-S. Abdokov, A.Y. Buina, S.K. Mamsirova, A.A. Tramova. The impact of education level on life expectancy	116
D.V. Bosov, O.A. Volkova. Reflection of social and demographic policy in patriotic female cinematic images from the 1890s to the 1980s.....	130
K.Ya. Litvina. The role of public control in creating the confidence of the government in the society	145
A.N. Sokolova. The role of concert organizations in the formation of regional and national identities.....	162
A.E. Tsekhanovich. The impact of remote employment on the ratio of professional and personal life («work-life balance»): a sociological analysis.....	179

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

HISTORICAL SCIENCES

Оригинальная статья / Original paper

<https://doi.org/10.47370/2078-1024-2025-17-4-11-28>

УДК [947.08:314](574)



Русское население Западного Казахстана в конце XIX – начале XX века: формирование и хозяйствственный облик

Г.Н. Есеева

Западно-Казахстанский университет им. М. Утемисова
г. Уральск, Республика Казахстан
eseeva70@mail.ru

Аннотация. Введение. В статье рассматриваются процессы формирования русского населения в Западном Казахстане в конце XIX – начале XX века. На фоне современных процессов этнокультурного взаимодействия актуальным становится изучение формирования русского населения в Западном Казахстане в конце XIX – начале XX века как важного этапа в истории региона.

Материалы и методы. В качестве источников использованы дореволюционные статистические материалы, архивные документы, а также издания, предназначенные для переселенцев. Применен историко-демографический и социокультурный подходы, что позволило охватить как количественные, так и качественные аспекты изучаемого явления.

Результаты исследования. В результате анализа выявлены ключевые социально-этнические группы – казачество, переселенцы, иногородние – и особенности их взаимодействия в Уральской и Тургайской областях. Прослежены демографические изменения, динамика численности и структура русского населения.

Обсуждение и заключение. Обсуждаются факторы миграции, роль государственной политики переселения, а также особенности хозяйственной адаптации: освоение земель, развитие сельского хозяйства, ремесел и интеграции в экономическую систему региона. Особое внимание уделено хозяйственному укладу казаков и повседневной жизни первых переселенцев. В заключение подчеркивается, что исследование дает целостное представление о процессе этнического формирования и социально-экономической интеграции русского населения в Западном Казахстане в дореволюционный период.

Ключевые слова: русское население, казачество, переселенцы, иногородние, Западный Казахстан, демография, хозяйственная адаптация, этнические процессы, конец XIX века, начало XX века

© Есеева Г.Н., 2025

Для цитирования: Есеева Г.Н. Русское население Западного Казахстана в конце XIX – начале XX века: формирование и хозяйственный облик. *Вестник Майкопского государственного технологического университета*. 2025; 17(4):11–28. <https://doi.org/10.47370/2078-1024-2025-17-4-11-28>

The Russian population of the Western Kazakhstan in the late 19th – early 20th centuries: formation and economic profile

G.N. Eseeva

M. Utemisov West Kazakhstan University, Uralsk, the Republic of Kazakhstan
eseeva70@mail.ru

Abstract. Introduction. The article examines the formation of the Russian population in the Western Kazakhstan in the late 19th and early 20th centuries. Studying the formation of the Russian population in the Western Kazakhstan in the late 19th and early 20th centuries as an important stage in the history of the region is relevant in the conditions of contemporary ethnocultural interactions.

The materials and methods. Pre-revolutionary statistical data, archival documents, and publications intended for migrants were used as sources. Historical, demographic, and sociocultural approaches were applied, allowing for the study to encompass both quantitative and qualitative aspects of the investigated phenomenon.

The research results. Key socio-ethnic groups, namely the Cossacks, migrants, and non-residents, and the characteristics of their interactions in the Ural and Turgay regions have been analyzed. Demographic changes, population dynamics, and the structure of the Russian population have been examined.

Discussion and Conclusion. Migration factors, the role of state resettlement policy, and the specifics of economic adaptation, including land development, agricultural development, crafts, and integration into the regional economic system, have been discussed. Particular attention has been paid to the Cossack economic structure and the daily lives of the first settlers. The conclusion emphasizes that the study provides a comprehensive understanding of the process of ethnic formation and socioeconomic integration of the Russian population in the Western Kazakhstan in the pre-revolutionary period.

Keywords: the Russian population, the Cossacks, settlers, non-residents, the Western Kazakhstan, demography, economic adaptation, ethnic processes, late 19th century, early 20th century

For citation: Eseeva G.N. The Russian population of Western Kazakhstan in the late 19th – early 20th centuries: formation and economic profile. *Vestnik Majkopskogo gosudarstvennogo tehnologičeskogo universiteta*. 2025; 17(4):11–28. <https://doi.org/10.47370/2078-1024-2025-17-4-11-28>

Введение. Формирование русской этнической группы в Западном Казахстане в конце XIX – начале XX века представляет собой значимый историко-демографический процесс, оказавший влияние на социальную структуру региона, этноконфессиональный ландшафт и межкультурные взаимодействия. Этот период характеризуется активной миграционной политикой Российской империи, направленной на освоение и заселение приграничных

территорий, а также аграрными преобразованиями, обусловленными внутренними социально-экономическими трудностями.

Современный Западный Казахстан охватывает территорию Актюбинской, Атырауской, Мангистауской и Западно-Казахстанской областей. Выгодное географическое положение региона на пересечении степных и прикаспийских зон, а также наличие значительных природных ресурсов обусловили его стратегическое

значение в социально-экономическом и культурно-историческом развитии Казахстана. В указанный исторический период Западный Казахстан выполнял важную функцию «буферной» зоны между оседло-земледельческими территориями Российской империи и кочевыми землями Казахской степи.

Русское население края формировалось за счет различных социальных групп: казачества, государственных переселенцев, иногородних. Эти категории имели различный правовой статус, экономическое положение и уровень включенности в местные хозяйствственные и социокультурные процессы. Особенно значимой была роль казачества – военно-служилого сословия, обладавшего как военной, так и административной функцией на приграничных территориях. Оно являлось не только силовым инструментом имперской власти, активно участвовавшим в сельскохозяйственном освоении края.

Истоки присутствия русских на данной территории восходят к 70–80-м годам XVI века, когда на берегах реки Яик (ныне Урал) обосновались беглые выходцы из русских земель, сформировавшие казачьи вольницы. Именно с этого времени начинается история Яицкого казачьего войска, которое стало первым ядром русской общности в регионе. Со временем численность казачества увеличивалась, формируя полигэтничную социальную группу, сыгравшую ключевую роль в трансформации демографического и культурного пространства края. С усилением переселенческого движения в рамках столыпинской аграрной реформы усилились процессы социальной дифференциации и интеграции русских в сложную этноконфессиональную структуру региона.

Несмотря на значимость данной тематики, вопросы формирования и адаптации русского населения в Западном Казахстане в обозначенный период до настоящего времени остаются недостаточно изученными. В современной историографии

преобладают работы, посвященные либо общим вопросам переселенческой политики Российской империи, либо истории казачества, тогда как комплексное исследование взаимодействия разных категорий русских поселенцев в региональном контексте требует дальнейшей разработки. Актуальность настоящей работы обусловлена необходимостью восполнить этот пробел и дать целостное представление о структуре, динамике и особенностях жизнедеятельности русской общности в Западном Казахстане в дореволюционный период.

Цель настоящего исследования – проанализировать особенности формирования русского населения в Западном Казахстане в конце XIX – начале XX века, выявить его состав, факторы миграции и характер хозяйственной адаптации. В центре внимания находятся демографическая динамика, социальная структура русской общности и формы ее включения в экономическую жизнь региона.

Для достижения поставленной цели предполагается рассмотреть взаимодействие различных групп русских поселенцев в многоэтничной среде, определить роль казачества в административно-хозяйственной системе края и проанализировать дореволюционные источники, отражающие процессы адаптации и обустройства на новых землях.

Обзор литературы. Проблема формирования русского населения Западного Казахстана в конце XIX – начале XX века находила отражение в трудах дореволюционных, советских и современных исследователей. В дореволюционной литературе (Карпов А.Б., Витевский В.Н., Бородин Н.А., Огановский Н.П.) преобладает позитивистский, описательный подход, ориентированный преимущественно на систематизацию статистических данных о переселении, характеристику казачьего сословия, освоение земель и развитие хозяйства. Эти работы обладают высокой источниковой ценностью, так

как базируются на данных экспедиций, отчетах губернаторов, материалах земств и статистических комитетов.

В советский период к изучению вопросов колонизации и заселения приграничных территорий активно привлекались методы исторического материализма. Наряду с идеологически окрашенными трактовками (как правило, в ключе критики имперской политики), в исследованиях Герасимовой Э.И., Бекмахановой Н.Е. и др. представлена значительная фактологическая база, касающаяся социального состава переселенцев, изменения этнической структуры населения, хозяйственной деятельности русских поселенцев и роли казачества в регионе. Несмотря на идеологические ограничения того времени, именно в этот период была заложена основа для более детального изучения миграционных процессов в западных областях Казахстана.

В постсоветской историографии наблюдается смещение фокуса с политико-идеологических оценок на изучение региональной специфики, этносоциальной структуры и повседневной жизни различных категорий русского населения. В частности, в трудах Сдыкова М.Н., Абдирова М.Ж. рассматриваются вопросы социальной стратификации, адаптации русских переселенцев в полигэтнической среде, а также межэтнические контакты и конфликты. Особое внимание уделяется пересмотру прежних трактовок казачества – от имперского инструмента колонизации до устойчивой пограничной общности с особым укладом жизни. Исследования базируются как на статистике, так и на ранее недоступных архивных источниках, что позволяет существенно расширить эмпирическую базу изучения.

Тем не менее, несмотря на наличие значительного числа научных публикаций, отдельные аспекты проблемы остаются недостаточно освещенными. В частности, требуют дальнейшего изучения вопросы хозяйственной специализации русских поселенцев, их адаптации к местным

природно-климатическим условиям, специфика расселения по административным единицам региона, а также формы взаимодействия с другими этническими и религиозными группами региона. До сих пор ограниченным остается количество локальных исследований, посвященных конкретным поселкам, станицам, волостям, что существенно затрудняет реконструкцию повседневной жизни переселенцев.

Автор статьи опирается на комплекс современных и классических исследований, а также на широкий круг дореволюционных источников, включая официальную статистику, справочные издания, ведомственные отчеты и документы переселенческих учреждений.

Зарубежные исследования представлены на уровне теоретических концепций, разработанных в рамках исторической демографии и миграционных теорий (периферийная колонизация, этническая мобильность, адаптационные модели), которые используются в методологической основе настоящего исследования.

Таким образом, в рамках общей проблемы этнической и социальной истории приграничных территорий Российской империи рубежа XIX–XX вв. сохраняются нерешенные вопросы, требующие комплексного междисциплинарного анализа с опорой на эмпирические источники. Настоящая статья направлена на восполнение указанных лакун и на уточнение механизмов формирования русского населения в Западном Казахстане в исторической перспективе.

Материалы и методы. Исследование базируется на междисциплинарном подходе, сочетающем методы исторической науки, элементы социологии и демографии. Методологической основой послужили историко-генетический и историко-сравнительный методы, позволившие проследить эволюцию формирования русского населения в Западном Казахстане, а также выявить особенности расселения и хозяйственной адаптации различных

категорий, представленных в структуре русской этнической группы. Применение историко-генетического метода обеспечило возможность реконструкции динамики русского этноса во времени, а историко-сравнительный подход позволил выявить региональные различия в характере и формах миграции, хозяйственного освоения, правового положения и степени интеграции в многонациональную среду.

Отдельное внимание уделено элементам количественного анализа. Использовались данные Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 года, а также статистические обзоры Тургайской и Уральской областей за 1897–1915 годы. Эти источники позволили выявить численную динамику русского населения, особенности социально-демографической структуры, плотность расселения, хозяйственную специализацию. Для подтверждения количественных данных и анализа экономической активности русских поселенцев привлекались сведения из отчетов, материалов губернских и уездных статистических комитетов, справочников и ведомственных публикаций.

Качественный анализ проводился на основе контент-анализа описательных источников – краеведческих трудов, этнографических описаний и свидетельств современников (Карпов А.Б., Бородин Н.А., Огановский Н.П. и др.). Эти материалы позволили реконструировать повседневную жизнь переселенцев, их хозяйственно-бытовые практики, специфику землепользования, адаптационные стратегии и формы взаимодействия с коренным населением. Контент-анализ сочетался с критикой источников, что особенно важно при работе с дореволюционными описательными материалами, содержащими элементы субъективных оценок.

Значительное внимание было уделено анализу архивных материалов. Использовались фонды Центрального государственного архива Республики Казахстан (ЦГАРК) – в частности, Ф. 318 и Ф. 25,

содержащие документы Переселенческого управления, местных административных органов, статистические и хозяйствственные отчеты, материалы о землепользовании, переселении и последствиях голода. Изучены документы Государственного архива Оренбургской области (ГАОО РФ), включая материалы о деятельности казачьих станиц, переселенческих участков и региональных властей. Анализ архивных дел позволил проследить конкретные практики хозяйственного освоения, юридические и административные аспекты положения русских переселенцев, их вовлеченность в экономическую и общественную жизнь региона.

Информационная база исследования является репрезентативной и позволяет проследить как общие тенденции в развитии региона, так и конкретные изменения в жизни отдельных групп населения в Западном Казахстане в конце XIX – начале XX века. Сочетание количественных и качественных методов анализа позволило добиться комплексного подхода к исследуемой теме и учесть множественность факторов, влияющих на формирование русского населения в полигетничной и социально изменчивой среде.

Результаты исследования.

Интеграция русского этноса в население Западного Казахстана в дореволюционный период происходила поэтапно, с различной степенью интенсивности и характером миграционных потоков. Наиболее активное и устойчивое заселение русскими территорий региона началось после официального вхождения его в состав Российской империи, однако отдельные случаи проникновения русских на эти земли фиксируются задолго до этого события.

Согласно данным, приведенным исследователем А.Б. Карповым, к 1632 году численность казаков на Яике достигала около 900 человек, при этом, как отмечает автор, почти все они были «великорусского происхождения», за исключением лишь четырех человек [1, с. 55].

Основу первых яицких казаков составляли представители неимущих и зависимых слоев русского общества – беглые крестьяне, холопы, стрельцы и другие. Их миграция в пограничные районы была вызвана усилением феодального гнета и слабым административным контролем центра над окраинами. Это создавало условия для свободного освоения новых земель. Переселенцы на Яике легко принимались в казачью общину и получали статус «вольных казаков». В сравнении с тяжелой жизнью в местах исхода, казачья служба казалась более свободной и привлекательной, что способствовало росту численности казачьего населения.

Активное увеличение численности казаков привлекло внимание российского правительства к яицкой общине. Так, в 1723 году по распоряжению властей была проведена первая официальная перепись, организованная полковником И. Захаровым. Это мероприятие стало важной вехой в истории яицкого казачества.

О ходе переписи сохранилось немало свидетельств, в частности, в трудах В.Н. Витевского. Он отмечал, что Захаров прибыл для выполнения поручения в сопровождении значительных военных сил – роты драгун (127 человек) и пехотного подразделения (182 человека), что указывает на серьезность намерений правительства. Жителям казачьей общины вручались специальные регистрационные листы, в которые вносились подробные сведения о каждом казаке – «сущая правда без утайки». Однако сама процедура была воспринята казаками крайне настороженно. До начала переписи бежало более 200 человек, еще 88 умерли в ходе ее проведения. По словам В.Н. Витевского, перепись вызвала среди казаков «сильное озлобление», что выразилось даже в попытке покушения на жизнь Захарова [2, с. 423]. Несмотря на сопротивление, перепись была доведена до конца, и ее результаты стали основой для последующей реорганизации яицкой казачьей общины. Форми-

рование постоянных казачьих укреплений в этом районе преследовало цель обеспечения безопасности торговых путей и защиты русских купцов от набегов со стороны хивинцев, бухарцев и кокандцев. Кроме того, казачьи поселения рассматривались правительством как стратегические опорные пункты для охраны юго-восточных рубежей Российской империи [3, с. 16].

В 1743 году было начато строительство Нижне-Яицкой укрепленной линии, положившее начало фортификационному освоению региона. К 1862 году численность уральского казачьего войска увеличилась до 82 тысяч человек, что свидетельствовало о его растущем значении в системе пограничной и внутренней безопасности Российской империи [4, с. 94].

Другим важным элементом социальной структуры региона, в рамках которого происходило формирование русской этнической группы, выступали иногородцы. Термином «иногородцы» обозначали лиц, проживавших на территории казачьего войска, но не принятых в число казаков. Несмотря на проживание в пределах войсковой территории, иногородцы не имели права участвовать в управлении войском, не могли пользоваться природными ресурсами и, как правило, существовали за счет случайных заработков и мелких промыслов.

До середины XIX века численность иногородцев оставалась сравнительно незначительной. Ситуация изменилась после издания в 1860 году правительственного указа, предоставлявшего им право на приобретение недвижимости и строительство жилья в городах войсковой зоны. Этот правовой шаг, наряду с объективной потребностью в развитии ремесел и торговли в связи с ростом численности населения, способствовал значительному увеличению числа иногородних. Если в 1723 году их насчитывалось всего 353 человека, а в 1803 году – 639, то к 1860 году численность иногородцев составила уже 5643 человека. К концу же XIX века их

количество возросло до 65 038 человек, и это только по официальным данным, отражающим пришлое население [5, с. 127].

Рост числа иногородних в пределах Яицкого казачьего войска отражал общие миграционные процессы второй половины XIX века. В условиях освоения приграничных территорий правительство стимулировало переселение русских, развитие ремесел и торговли, а также интеграцию различных этносов в экономику региона. Эти меры способствовали формированию многонационального населения и укреплению позиций русского этноса в Западном Казахстане.

Начиная со второй половины XIX века, этническая структура значительно расширилась за счет появления новой категории населения – русских переселенцев, прибывавших на территорию региона.

До второй половины XIX века переселение русских крестьян в Западный Казахстан было ограниченным и не оказывало заметного влияния на этническую структуру региона. После отмены крепостного права в 1861 году начались масштабные внутренние миграции: в поисках доступных земель крестьяне активно осваивали приграничные территории, включая Западный Казахстан. Массовое переселение стало важным фактором социально-экономических изменений и значительно повлияло на демографический состав края.

Согласно мнению Н.П. Огановского, переселенческое движение в Западный Казахстан можно разделить на несколько этапов, обусловленных социально-экономическими и политico-правовыми условиями.

Первый этап (до 1861 года) характеризуется ограниченным и эпизодическим переселением. Большинство крестьян находились в крепостной зависимости и не имели права на свободное передвижение, что сдерживало миграцию.

Второй этап (1861 – начало 1890-х годов) начинается после отмены крепостного права. Несмотря на формальное

освобождение, крестьяне оставались в условиях малоземелья и экономической зависимости. В этих условиях усилилось стихийное, часто нелегальное переселение на восточные и южные окраины империи, включая Западный Казахстан. Эти миграции происходили без государственного регулирования и сопровождались серьезными трудностями.

Третий этап (с 1891 по 1892 год) связан с принятием закона «О переселении и устройстве сельского населения» (1889). С этого момента переселенческое движение становится организованным: создаются переселенческие учреждения, вводятся льготы и меры поддержки. Государство активно продвигает политику заселения окраин, в том числе территорий Западного Казахстана [6, с. 171-173].

В конце XIX века характер переселенческого процесса на территории Западного Казахстана существенно изменился: он стал приобретать все более упорядоченные, правовые формы, регламентируемые государством. Прослеживается переход от единичных, малозначительных актов заселения к систематическому, организованному переселению крестьян, проходившему в рамках государственной миграционной политики.

Иллюстрацией перехода от стихийной миграции к организованному переселению служат данные об освоении территории Тургайской области. Согласно архивным сведениям, первый случай официально зафиксированного переселения крестьян в данной области относится к 1848 году, когда в Михайловском поселке поселились четыре крестьянские семьи. Однако вплоть до конца 1880-х годов активного прироста населения в этом населенном пункте не наблюдалось. В 1889 году в поселок прибыло еще пять семей, в общей сложности 66 человек из различных губерний Европейской части России – Рязанской, Харьковской, Тамбовской и Курской. Первоначально переселенцы арендовали около 500 десятин земли, по цене 10 ко-

пек за десятину. После принятия закона 1889 года, регулирующего переселение, переселенцы обратились с просьбой о передаче земли в «вечное владение», которая была удовлетворена в 1891 году. Каждой семье был выделен земельный надел общей площадью 1327 десятин. При этом условия аренды изменились: стоимость за десятину возросла до 42 копеек, а срок пользования землей установили на 12 лет. В начале 1890-х годов переселение продолжилось – в Михайловский поселок прибыло еще 12 семей из Тамбовской, Казанской, Самарской, Воронежской и Харьковской губерний [7, л. 2].

Ценные сведения о процессе переселения содержатся в мемуарах одного из первых поселенцев региона – В.И. Мощенского, который подробно описывает этапы освоения и обустройства территории поселения Ак-Тобе. По его воспоминаниям, первые переселенцы начали осваивать Ак-Тобе в 1878 году, когда здесь было построено восемь домов. Сам Мощенский прибыл в поселение в 1882 году, переселившись из Воронежской губернии. К 1890 году, согласно его мемуарам, численность переселенческого населения достигла 2343 человек, а в поселении насчитывалось 276 каменных и 53 деревянных жилых дома [8, с. 17, 22]. Масштабы строительства и рост населения в данном населенном пункте свидетельствуют о высоком уровне хозяйственной активности и серьезных намерениях поселенцев закрепиться на данной территории, а также о том, что переселение в регион представляло собой уже устойчивый и планомерный процесс.

Первый переселенческий поселок в другой части региона – Уральской области – был образован в Джиренкупинской волости в 1890 году. В 1893 году здесь проживало 11 семей, арендовавших землю у местных казахских хозяйств. Сначала прибывали преимущественно мужчины, стремившиеся сначала закрепиться на новой территории, обустроить быт и

лишь затем перевезти свои семьи. Первые переселенцы обратились к военному губернатору с просьбой о выделении им пахотной земли для постоянного землевладения. И хотя прошение было формально удовлетворено, оно сопровождалось условием последующего освобождения занятых участков. В 1895 году переселенцы повторно обратились с аналогичной просьбой, однако получили отказ. Тем не менее последующие события свидетельствуют о положительном разрешении этого вопроса: уже после 1896 года в Джиренкупинскую волость переселилось более 300 новых крестьянских семей, что указывает на расширение и легализацию процесса землевладения [9, с. 157-158].

К началу XX века численность крестьян-переселенцев в Уральской области достигала 4106 человек. Распределение переселенческого населения по административным единицам выглядело следующим образом: в Джиренкупинской волости проживало 2472 человека, в Шиповской – 847, в Никольской – 469, а в Чиликской – 318 человек. Основную часть переселенцев составляли выходцы из соседних губерний Российской империи. Так, большинство жителей Джиренкупинского переселенческого поселка до 1894 года проживали ранее в поселке «Буранный» на территории Оренбургской губернии [6, с. 183, 186].

Помимо географической близости, на усиление миграционного потока в Уральскую область влияли и общекономические условия, сложившиеся в соседних регионах. Известно, что в конце XIX века в ряде центральных и восточных губерний Российской империи, включая Оренбургскую и Самарскую, наблюдались затяжные аграрные кризисы, вызванные неурожаями и ухудшением жизненных условий сельского населения. Это способствовало оттоку крестьян в более благоприятные для хозяйственной деятельности районы, в том числе на территорию Западного Казахстана.

Представленные данные свидетельствуют, что до крестьянской реформы 1861 года переселение русских крестьян в Западный Казахстан носило эпизодический характер. С середины XIX века оно приобретает более системный и массовый характер, однако развитие этого процесса в Тургайской и Уральской областях шло неравномерно. В Тургайской области ходатайства переселенцев о предоставлении земли чаще всего удовлетворялись, тогда как в Уральской области на первоначальном этапе власти нередко отказывали.

Сдержаный подход в Уральской области объяснялся несколькими факторами. Во-первых, здесь ощущался относительный дефицит свободных земель по сравнению с более просторной Тургайской областью. Во-вторых, существенное влияние оказывало наличие казачьих земель: уральские казаки владели обширными общинными угодьями, которые не подлежали включению в государственный переселенческий фонд. Это существенно ограничивало возможности перераспределения земель в пользу крестьян-переселенцев.

На рубеже XIX – XX столетий переселенческое движение в Западный Казахстан значительно усилилось. Как отмечал Н.П. Огановский в «Историко-статистическом обзоре Уральской области», «...в настоящее время мы присутствуем при нарождении четвертой группы населения – русских крестьян – переселенцев, частью с разрешения начальства, частью самовольно переселившихся в киргизских пределах» [5, с. 123].

Переселение в этот период приобретает все более выраженный государственно-регулируемый характер. Законы от 6 июня 1904 года и 29 ноября 1906 года упорядочили систему льгот и выдачи так называемых «ходаческих свидетельств». При этом помочь предоставлялась лишь тем, кто заранее выбрал участок для проживания [10, с. 5-7].

Существенный импульс переселенческому движению придали аграрные ре-

формы П.А. Столыпина, в рамках которых переселенческая политика стала важным инструментом внутренней политики царского правительства. Переселение крестьян на новые земли осуществлялось при активной поддержке государства: переезд оплачивался из казны, предоставлялись ссуды и агрономическая помощь [11, с. 233]. Несмотря на ограниченные финансовые ресурсы, меры государственной поддержки были ощутимыми и способствовали росту миграции в малозаселенные регионы, включая Западный Казахстан.

Таким образом, русское население Западного Казахстана в дореволюционный период формировалось различными путями и включало разнородные по происхождению социально-этнические группы. В то же время само понятие «русское население» в тот период трактовалось шире, чем в современном понимании: оно часто охватывало всех выходцев из Российской империи, ассоциировавшихся с «русской землей». Подобная интерпретация отражена в архивных материалах, дореволюционных справочниках и публицистике, что объясняется доминирующей численностью этнических русских среди переселенцев.

Национальный состав Уральского казачьего войска постепенно расширялся за счет вступления в казачье сословие представителей других этнических групп – татар, калмыков и др. Однако русские продолжали составлять подавляющее большинство. Согласно данным Н.Е. Бекмахановой, за 1858–1862 годы численность русских в составе войска увеличилась с 65 869 до 70 337 человек. При этом их доля в общей этнической структуре оставалась неизменной – 86%. [12, с. 260]. Это свидетельствует о сохранении доминирующего положения русских в составе воинского населения, несмотря на рост численности представителей других народов.

На изменение этнической структуры Уральского казачьего войска во второй

половине XIX века указывал историк и этнограф Н. Бородин, занимавшийся изучением социального и национального состава казачества. Так, он отмечал, что в период с 1876 по 1885 год «племенной» состав Уральского казачьего войска изменился в сторону увеличения доли русских, достигшего, по его данным, к 1886 году 93%. Автор также отмечает снижение доли других этнических групп, что связывает с рядом административных и социокультурных процессов. Так, башкиры были официально переведены в разряд крестьян, утратив статус войскового населения. Каракалпаки, по словам Бородина, «почти все перевелись или обрусили окончательно» [13, с. 139].

Данные процессы указывают на тенденцию к этнической унификации казачьей среды, где доминирующее положение все более укреплялось за русскими. С одной стороны, происходили социальные изменения: представители отдельных этнических групп, таких как башкиры и татары, переводились в иные сословные категории, прежде всего в крестьянство, что автоматически исключало их из состава войска. С другой стороны, имели место процессы этнокультурной ассимиляции, в ходе которых часть малочисленных народов, проживавших на территории войсковой области, постепенно утрачивала свои языковые и культурные особенности, интегрируясь в русскую среду.

Этнический состав невойскового населения также характеризовался значительным разнообразием. Так, по данным на 1885 год, на 1000 иногородцев приходилось 759 русских, 127 татар и 108 казахов. Кроме этих основных групп, в меньшем количестве присутствовали поляки, немцы, евреи, башкиры и представители других национальностей. По словам автора, в последующие годы преобладание русских в составе иногородцев сохранялось, что отражало общую тенденцию этнической структуры региона в этот период [5, с. 154].

Эти данные подтверждаются и другими источниками. Например, в отчетах,

описывающих состояние Уральского казачьего войска на 1887 год, приведена информация о национальном составе иногородцев. Согласно этим материалам, среди них насчитывалось 26 800 русских, 5016 татар и 4674 казаха [14, л. 65].

Этническая структура крестьян-переселенцев в Западном Казахстане преимущественно формировалась за счет двух национальных групп – русских и украинцев. Анализ динамики численности русского населения в районах, где переселенческий процесс стал основным фактором его формирования, позволяет говорить о значительном преобладании русских в этой категории. Особенно ярко данная тенденция проявилась на территории Тургайской области. Так, по данным переписи 1897 года, в Актюбинском и Иргизском уездах проживало 4,1 тыс. русских, тогда как к 1915 году их численность возросла более чем в 13 раз и составляла уже 54,8 тыс. человек [15, с. 73].

Демографический рост русских в Западном Казахстане отражал не только масштабы переселенческого движения, но и закрепление этих групп на новых территориях. Это требовало адаптации к природным, хозяйственным и культурным условиям, что проявлялось в особенностях их быта, социальной организации и взаимодействии с местным населением.

Формирование русского этноса в регионе выражалось не только в численном увеличении, но и в постепенной интеграции в экономическую и общественную жизнь края. Различные группы переселенцев включались в хозяйственные процессы и систему межэтнических отношений. При этом внутри самой русской общности сохранялось различие между «казаками» и «переселенцами» – различие, имевшее как социальный, так и культурно-хозяйственный характер. Эти различия сохранялись вплоть до начала советского периода и во многом определяли роль русских групп в региональном развитии.

Одним из основных занятий казачества на начальных этапах их заселения было рыболовство. В период первичного освоения территории вдоль Яика (ныне река Урал) у казаков не было возможности заниматься иными видами хозяйственной деятельности. «Первые казаки были воинственные, они часто проводили время в походах», – отмечал А. Б. Карпов [1, с. 67]. Рыболовство велось практически круглый год и отличалось развитой системой.

Организация рыболовства у уральских казаков основывалась на общенных принципах: все члены войска имели равные права на вылов, а порядок лова строго регламентировался. Войсковые власти определяли не только места и сроки промысла, но и допустимые орудия лова. Некоторые виды промысла – такие как багренье и плавня – осуществлялись «ударом», то есть одновременно всеми казаками в установленные сроки. Для соблюдения правил и предотвращения незаконного лова осуществлялась охрана вод Яика и прилегающей части Каспийского моря [16, с. 66-74].

Рыболовство приносило весомый доход. Так, в 1887 году с территории войска было вывезено: красной рыбы – 123 379 пудов, черной – 1 265 890 пудов, икры – 1167 пудов. Общая прибыль от продажи рыбной продукции за тот год составила 1 411 224 рубля [14, л. 70].

К концу XIX века важную роль в хозяйственной жизни казачества начинает играть земледелие и скотоводство. Согласно данным подворной переписи Н. Бородина, в 1885 году на территории Уральского казачьего войска было засеяно 110 610 десятин. В среднем на один двор в поселках приходилось 4,5 десятины, а на хуторах – 36,2 десятины. По тем же данным, в хозяйствах казаков насчитывалось 106 968 лошадей, 142 896 голов крупного рогатого скота, 8419 верблюдов и 617 239 овец, коз и баранов [17, с. 51].

Разведение овец в условиях обширных пастбищ было особенно выгодным: скот,

как правило, приобретался у казахского населения, откармливался на войсковых землях, а затем реализовывался, преимущественно на рынке Самары. Расширение овцеводства было связано с ростом спроса на шерсть и сало в первой половине XIX века. Существенное значение сохраняло и коневодство. В 1880-х годах на территории войска действовали частные конные заводы, обеспечивавшие потребности в рабочих и верховых лошадях. Разведение крупного рогатого скота, а также верблюдов, во многом было связано с необходимостью в тягловой силе для нужд земледелия [16, с. 77].

Наряду с этим, казаки занимались пчеловодством и садоводством. В 1887 году в одном лишь Уральском уезде насчитывалось 1313 ульев и 45 пчеловодов, а объем реализованной продукции составил 1981 рубль. Садоводческих хозяйств было 250, из них 26 возникли в том же году [73, л. 71].

К концу XIX века основными направлениями хозяйственной деятельности казаков являлись земледелие, рыболовство и скотоводство. Доля казаков, занятых в торговле и ремесле, значительно сократилась. Во второй половине XIX века наблюдается отход от этих видов занятий: например, в Уральске в 1860 году насчитывалось более 200 ремесленников из числа казаков, а к 1899 году их осталось лишь 4 человека [5, с. 156]. В условиях увеличения числа казаков, занятых в сельском хозяйстве, этот факт свидетельствует о перераспределении трудовой занятости в сторону аграрного сектора.

Хозяйственный облик и социальный статус иногородних имели свои особенности и отличались от казачьего населения. Иногородние в основном были заняты в торговле и наемном труде. Согласно статистическим данным, в 1885 году на территории Уральского казачьего войска насчитывалось около 7000 семей иногородцев, из которых 2000 (28,5%) занимались торговлей. В качестве рабочих на

промышленных предприятиях числилось 863 человека. В ремесленном производстве Уральска по состоянию на 1899 год было задействовано 472 представителя данной категории населения. Н. Огановский указывал на явную тенденцию перераспределения экономических ролей: «Казаки, пользующиеся правами землепользования и рыболовства, бросают индустрию и переходят окончательно к сельским промыслам, тогда как иногородцы вытесняют их из сфер городских» [5, с. 156].

В отличие от казачьего населения и иногородних переселенцев с самого начала формировали земледельческие поселения. Их образ жизни и уровень материального благосостояния находились в прямой зависимости от освоения и обработки земли. Социально-бытовые аспекты существования переселенцев также отличались рядом специфических черт. Процесс их водворения на новые территории сопровождался значительными трудностями. На этапе первоначального обустройства многим переселенцам приходилось проживать в палатках или даже ночевать под открытым небом [18, с. 15].

На начальном этапе главной задачей крестьян-переселенцев было обеспечение постоянным жильем. Согласно справочным изданиям, строительство даже простого дома представляло трудность для многих. Рядом с жильем выкапывались колодцы, возводились хозяйственные постройки; в первое время сараи заменялись навесами. Те, кто не успевал построиться, арендовали жилье у местных жителей. В таких случаях на зиму приезжали лишь трудоспособные члены семьи, а остальные – после окончания холодов. Для переезда предоставлялся льготный тариф.

Важнейшим оставался и вопрос продовольственного обеспечения. Средства, полученные от продажи имущества на родине, в основном тратились на обустройство и корм для скота. Поэтому запашка земли была необходима уже в первый сезон. Часть переселенцев нанималась к

местным жителям, которые предоставляли землю и рабочий скот: урожай делился поровну. Острый была проблема заготовки кормов; зажиточные семьи привозили сено с собой либо покупали его на месте. Как правило, основные трудности преодолевались в течение первых двух лет. К третьему году поселения приобретали устойчивый, благоустроенный облик. Учитывая религиозность переселенцев, важным становилось строительство культовых сооружений. Первоначально возводились саманные молитвенные дома, а позже, при наличии средств, – полноценные церкви. Финансирование осуществлялось за счет пожертвований, ссуд и государственной помощи [19, с. 31-35].

Обработка земли русскими крестьянами-переселенцами на начальном этапе заселения региона в значительной степени базировалась на арендных отношениях с коренным населением. Наиболее распространенными были два типа аренды. В первом случае земельные участки сдавались за денежную плату, размер которой варьировался от 50 копеек до 2 рублей за десятину. Во втором более распространенном варианте арендодатель предоставлял не только землю, но и рабочий скот, взамен получая, как правило, половину урожая, собранного арендатором. Отсутствие собственных земельных наделов затрудняло хозяйственное обустройство переселенцев, что нередко вынуждало их менять место аренды, переходя с одного участка на другой [20, с. 3].

Переселенческие поселки ежегодно пополнялись новыми семьями, что способствовало быстрому росту постоянно-го населения и обостряло потребность в развитии социальной и хозяйственной инфраструктуры. Переселенцы строили школы, открывали лавки и базары, формируя полноценную сельскую среду. В результате небольшие поселения за короткое время превращались в крупные деревни с устойчивой социальной и экономической структурой.

Развитие земледелия на переселенческих участках Тургайской области базировалось на выращивании традиционных зерновых и зернобобовых культур, среди которых преобладали пшеница, овес, просо, рожь и горох. В гораздо меньших объемах возделывались лен и чечевица. Основные аграрные работы осуществлялись при помощи сох, а те переселенцы, у которых имелись верблюды, использовали сабаны [21, л. 5].

Посевная кампания на переселенческих участках, как правило, начиналась в начале апреля и продолжалась до конца мая. Урожайность сельскохозяйственных культур в значительной степени зависела от того, насколько переселенцы были знакомы с природно-климатическими условиями степной зоны. Необходимую информацию можно было почерпнуть из специально издаваемых справочников для переселенцев или получить из устных рекомендаций местных старожилов.

Недостаточное понимание климатических особенностей региона нередко приводило к ошибкам в агротехнике. Так, частыми были случаи чрезмерно густого сева, что в условиях засушливого климата снижало урожайность: влаги оказывалось недостаточно для нормального роста растений. Осознание этих факторов побуждало переселенцев к серьезной подготовительной работе. Осенью производилась вспашка почвы с целью накопления и сохранения влаги. Некоторые хозяйства применяли дополнительные методы влагосбережения – например, высаживали по краям посевых участков подсолнечник или кукурузу, оставляя их стебли на зиму для задержания снега. Весной талая вода обеспечивала дополнительное увлажнение почвы и способствовала получению более стабильных урожаев [19, с. 20-21].

Что касается занятий переселенцев в Уральской области, до 1886 года на ее территории не существовало устойчивых крестьянских земледельческих поселений. Первые переселенцы сочетали земледелие

с торговлей и ремесленными промыслами. Активное развитие переселенческих деревень начинается только в первые годы XX века [22, с. 74].

Характер занятий переселенцев на раннем этапе их заселения в Уральской области можно проследить на основе подворного обследования переселенческих участков Джиренькупинской волости, проведенного в 1900 году. Согласно результатам обследования, в волости проживало 402 семьи, из которых 350 (87%) занимались земледелием. Торговлей занимались 34 семьи (8%), а 18 семей (5%) были заняты в различных ремесленных промыслах. По данным переписи, лишь 17 человек занимались исключительно торговлей. Среди земледельцев также встречалось значительное число кустарей и ремесленников: валяльщиков, стекольщиков, кровельщиков, печников и других специалистов [6, с. 188].

Огородничество также получило широкое распространение среди крестьян-переселенцев региона. Почти каждое русское переселенческое хозяйство располагало приусадебным участком, предназначенным для возделывания овощных культур. Наиболее крупные площади под бахчевые и огородные культуры традиционно размещались вблизи водоемов, что было связано с необходимостью ирригации. Для обеспечения полива использовались запруды и система оросительных каналов. Среди возделываемых культур наибольшее распространение получили картофель, капуста, огурцы, свекла, томаты, а также бахчевые – арбузы и дыни [19, с. 27].

Развитие земледелия в регионе сопровождалось рядом серьезных трудностей. Основными факторами риска выступали неурожай, засушливые периоды, массовое распространение грызунов и другие неблагоприятные природно-климатические условия, существенно осложнявшие ведение сельского хозяйства переселенцами. В архивных источниках зафиксированы упоминания о различных бедствиях,

пережитых русскими переселенцами на территории Тургайской области.

Существенные трудности в хозяйственной деятельности русских переселенцев были вызваны двумя подряд неурожайными годами – 1889-м и 1890-м. Согласно архивным данным, из 23 416 десятин земли, засеянных хлебными культурами переселенцами Николаевского уезда Тургайской области, урожай был собран лишь с 2680 десятин земли. В результате продовольственного кризиса 16 444 человек из 28 611 переселенцев уезда оказались в числе нуждающихся. Пострадавшему населению была оказана помощь в виде выдачи продовольственных пайков и предоставления различных видов ссуд [23, л. 4-5].

Аналогичные кризисные явления наблюдались и в Уральской области, где неурожайные 1910–1911 годы негативно сказались на хозяйственном положении переселенцев. Особенно уязвимыми оказались семьи, прибывшие в 1909 году и не успевшие провести посевные работы. В течение двух лет крестьяне были вынуждены приобретать хлеб на рынке, что значительно ухудшило их материальное положение. Отсутствие в регионе промышленных предприятий существенно ограничивало возможности заработка. В результате многие переселенцы были вынуждены продавать скот и даже жилье. По данным подворного обследования 1910 года, из 6227 переселенческих семей, находившихся на участках, 183 не имели жилья, 2250 – сельскохозяйственного инвентаря, около 1000 – рабочего скота, а 775 семей не располагали скотом вовсе. К августу 1911 года остро нуждающимися были признаны 7336 из 7538 семей, что составляло 34 980 взрослых и 6439 детей в возрасте до пяти лет [24, с. 13-14].

В целях поддержки переселенцев, оказавшихся в тяжелых условиях, государством оказывалась существенная помощь в виде предоставления семян для посева и продовольствия. Общий объем ассигнований на продовольственную и семенную поддержку

населения, включая все категории пострадавших, составил в 1912 году 1 705 529 рублей из средств казны Российской империи. Одной из форм социальной поддержки стало привлечение крестьян к общественным работам, в рамках которых осуществлялись строительство, ремонт и охрана плотин на реках Урал и Чаган, а также обустройство колодцев и мостов [25, с. 16, 19].

Скотоводство занимало важное место в хозяйственной деятельности русских переселенцев, облегчая адаптацию к новым природно-климатическим условиям. На подворьях разводили лошадей, крупный рогатый скот, овец, коз и свиней – преимущественно местных пород. Это объяснялось как ограниченными возможностями для перегонки скота с прежних мест, так и высокой стоимостью завозных, более продуктивных животных, доступных лишь немногим хозяйствам.

Формы содержания скота часто заимствовались у местного населения, уже адаптированного к условиям региона. Основная часть животноводческой продукции использовалась для собственных нужд, а излишки реализовывались на местных рынках. С начала XX века в переселенческих селениях стали появляться маслодельные артели, продукция которых, в частности сливочное масло, успешно продавалась и приносила дополнительный доход. Торговля скотом велась преимущественно на сезонных ярмарках, проводившихся весной и осенью. При продаже лошадей и другого скота от продавца требовалась справка от местных властей, подтверждающая законное происхождение животного и исключающая возможность кражи [19, с. 24].

Развитие ремесленного производства среди переселенческого населения оставалось на сравнительно низком уровне. Согласно данным «Обзора Уральской области» за 1915 год, в данной сфере было занято лишь 666 человек. Наибольшее количество ремесленников составляли плотники (152 человека), слесари и кузнецы (150), сапожники (127) и портные (108).

Несколько меньшей численностью отличались столяры и каменщики (71 человек). Также были представлены чулочники (16 человек), валенокаты (11), шорники (8) и маляры (5). Редкими профессиями среди переселенцев являлись горшечники, колесники, стекольщики, черепичники и печники – по одному представителю каждой специальности [26, с. 69–70].

Определение структуры занятости русского населения в дореволюционный период представляет значительные затруднения. Хозяйственный уклад большинства переселенцев имел комплексный, многоотраслевой характер, что затрудняет выделение приоритетных сфер деятельности.

Рассмотрим структуру занятости русского населения Уральской области по данным переписи 1897 года, где русские составляли наиболее значительную этническую группу. Всего в различных сферах хозяйства было занято 45 874 человека, что составляло 28,5% от общего числа русского населения региона. Наибольшее число занятых приходилось на земледелие – 17 017 человек. Значительная доля – 14,4% – была занята рыболовством и охотой. В торговле работало 2913 человек, из которых подавляющее большинство (около 70%) специализировались на продаже сельскохозяйственной продукции. Другие направления торговли были представлены продажей тканей, одежды, а также питейной торговлей, в то время как торговля мехами, строительными материалами и предметами роскоши была менее распространена. В животноводстве числилось 759 занятых, а среди ремесленных профессий наиболее многочисленными были работники швейного дела (1698 человек) и строительных специальностей (1273 человека). Промышленный сектор области находился на начальном этапе развития: всего в обрабатывающей промышленности трудилось 1496 человек, а в химической и полиграфической – 91 человек. Извозный промысел обеспечивал занятость 470 человек, включая 12 женщин. В администра-

тивных и общественных учреждениях работали 677 русских жителей [27, с. 84–108].

В Тургайской области, где ключевым фактором формирования этноса выступала крестьянская колонизация, наибольшая доля занятости русского населения приходилась на земледелие. Основным видом хозяйственной деятельности переселенцев было хлебопашество, которое составляло фундамент их экономического уклада. По данным переписи 1897 года, в Актюбинском уезде насчитывалось 1628 занятых русских, из которых 1270 человек (78%) были заняты в земледелии. Занятость в других отраслях производства была незначительной [28, с. 82–85].

Обсуждение и заключение. Анализ демографических, экономических и культурных данных свидетельствует о том, что русское население в Западном Казахстане в конце XIX – начале XX века выступало не только важной количественной, но и качественной составляющей многонациональной среды региона. Русские, включая казаков, иногородних и переселенцев, образовывали устойчивые этносоциальные группы, активно участвовавшие в трансформации хозяйственного уклада края, особенно в процессе перехода от кочевого к оседлому типу землепользования.

На основе сопоставления архивных и статистических источников (включая данные Первой всеобщей переписи населения 1897 года, материалы Переселенческого управления, обзоры Тургайской и Уральской областей) выявляется неравномерность расселения русских поселенцев. Особую роль играло казачество, обладавшее правом на землю и собственными структурами самоуправления, что способствовало закреплению русских в регионе.

Результаты также демонстрируют сложность межэтнического взаимодействия. С одной стороны, фиксируются случаи культурной адаптации, заимствования хозяйственных практик и форм быта. С другой – устойчивость этнических различий, выражавшаяся в особом стату-

се казачества и в сохранении русскими переселенцами традиционных форм религиозности, семейных структур и образовательных установок. В сельских и казачьих общинах формировалась социальная среда, поддерживавшая русскую этнокультурную идентичность.

Хозяйственная деятельность русских была ориентирована на развитие пашенного земледелия, мелкого товарного животноводства, ремесленного производства и торговли. Вместе с тем различия между «старожилами» (казаками) и «новыми» переселенцами обуславливали неоднородность адаптационных стратегий. Это подтверждает вывод о многогословности и внутренней дифференциации русского населения региона.

Таким образом, полученные результаты подчеркивают значимость русского этноса в процессах экономической и культурной трансформации Западного Казахстана, а также сложность его включения в полигэтническую среду, что определялось как

фактором государственной политики, так и механизмами локального взаимодействия между этническими группами.

Исследование показало, что русское население играло важную роль в демографическом, социально-экономическом и культурном развитии Западного Казахстана в конце XIX – начале XX века. В условиях полигэтнической среды русские, включая казачество, иногородних и переселенцев, сформировали устойчивые общины, внесшие значительный вклад в освоение региона, развитие земледелия, торговли и местного самоуправления. При этом русская этнокультурная идентичность сохранялась благодаря религиозным, языковым и социальным традициям, несмотря на активные контакты с другими этносами. Итоги работы подчеркивают значимость межэтнического взаимодействия и внутренней дифференциации русского населения как факторов, определявших особенности его адаптации и интеграции в многонациональную среду региона.

КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов

CONFLICT OF INTERESTS

The author declares no conflict of interests

ЛИТЕРАТУРА

1. Карпов А.Б. Уральцы. Исторический очерк. Уральск, 1911. 1011 с.
2. Витевский В.Н. Яицкое войско // Русский архив. 1879. Вып. 8. С. 377-428.
3. Елагин А. С. Казачество и казачьи войска в Казахстане. Алматы: Казахстан, 1993. 80 с.
4. Абдиров М.Ж. Из истории военно-казачьей колонизации Казахстана (XVI – начало XX вв.): избранные труды: в 2 т. Т. 1. Алматы: Радуга, 2023. 272 с.
5. Огановский Н.П. Историко-статистический обзор Уральской области за 1904 год // Памятная книжка и адрес-календарь Уральской области на 1904 год. Уральск, 1904. С. 110-211.
6. Огановский Н.П. Переселенческое дело в Уральской области // Памятная книжка и адрес-календарь Уральской области на 1900 год. Уральск, 1900. С. 171-172.
7. Центральный государственный архив Республики Казахстан (ЦГАРК). Ф. 318, оп. 1, д. 18. Сведения о русских поселенцах среди киргизов Актюбинского уезда Тургайской области.
8. Мошенский В.И. История возникновения и развития города Актюбинска. Актобе, 1999. 273 с.
9. Сдыков М.Н. История населения Западного Казахстана. Алматы, 2004. 405 с.
10. Переселение в Степной край в 1907 году: справочная книжка о переселении в Тургайскую, Уральскую, Акмолинскую и Семипалатинскую области. СПб., 1907. Вып. 37. 168 с.
11. Россия в мировой истории / под ред. В.С. Порохни. Смоленск, 2003. 464 с.

12. Бекмаханова Н.Е. Формирование многонационального населения Казахстана и Северной Киргизии: последняя четверть XVIII – 60-е годы XIX в. М.: Наука, 1980. 280 с.
13. Бородин Н.А. Уральское казачье войско: статистическое описание: в 2 т. Т. 1. Уральск, 1891. 947 с.
14. Государственный архив Оренбургской области (ГАОО РФ). Ф. 164, оп. 1, д. 255. Статистический отчет о состоянии Уральского казачьего войска за 1887 год.
15. Сдыков М.Н. Формирование населения Западного Казахстана в XVIII–XIX веках. Алматы, 1996. 220 с.
16. Данилевский К., Рудницкий Е. Урало-Каспийский край (Уральская губерния и бывшие земли уральского казачьего войска и Уральская область). Уральск, 1927. 223 с.
17. Бородин Н.А. Уральское казачье войско: статистическое описание: в 2 т. Т. 2. Уральск, 1891. 71 с.
18. Переселение в Степной край в 1907 году: справочная книжка о переселении в Тургайскую, Уральскую, Акмолинскую и Семипалатинскую области. СПб., 1907. Вып. 37. 168 с.
19. Описание Тургайской и Уральской областей. Петроград: Содружество, 1916. 51 с.
20. Обзор Тургайской области за 1897 год. Оренбург, 1898.
21. Центральный государственный архив Республики Казахстан (ЦГАРК). Ф. 318, оп. 1, д. 18. Сведения о русских поселенцах среди киргизов Актюбинского уезда Тургайской области.
22. Герасимова Э.И. Уральск: исторический очерк (1613–1917). Алма-Ата, 1969. 215 с.
23. Центральный государственный архив Республики Казахстан (ЦГАРК). Ф. 25, оп. 1, д. 4458. Дело о бедствии русских переселенцев в связи с неурожаем хлеба и трав и обеспечении продовольствием голодающего населения Николаевского уезда Тургайской области.
24. Обзор Уральской области за 1911 год. Уральск, 1912.
25. Обзор Уральской области за 1912 год. Уральск, 1913.
26. Обзор Уральской области за 1915 год. Уральск, 1916.
27. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 года. Т. LXXXVIII. Уральская область / под ред. Н.А. Тройницкого. СПб.: ЦСК МВД, 1904. 125 с.
28. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 года. Т. LXXXVII. Тургайская область / под ред. Н.А. Тройницкого. СПб.: ЦСК МВД, 1904. 103 с.

REFERENCES

1. Karpov, A.B. The Urals: A Historical Essay. Uralsk, 1911, 1011 p. [In Russ.]
2. Vitevsky, V.N. The Yaik Host. The Russian Archives, 1879, Issue 8. P. 377-428. [In Russ.]
3. Elagin, A.S. The Cossacks and Cossack Hosts in Kazakhstan. Almaty: Kazakhstan, 1993, 80 p. [In Russ.]
4. Abdirov, M.Zh. From the History of Military Cossack Colonization of Kazakhstan (16th–Early 20th Centuries): Selected Works: in 2 volumes. Vol. 1. Almaty: Raduga, 2023, 272 p. [In Russ.]
5. Oganovsky, N.P. Historical and statistical review of the Ural region for 1904 // Memorial book and address calendar of the Ural region for 1904. Uralsk, 1904. P. 110-211. [In Russ.]
6. Oganovsky, N. P. Migration affairs in the Ural region // Memorial book and address calendar of the Ural region for 1900. Uralsk, 1900. P. 171-172. [In Russ.]
7. The Central State Archives of the Republic of Kazakhstan (CSARK). F. 318, op. 1, d. 18. Information on the Russian settlers among the Kyrgyz of the Aktobe district of the Turgai region. [In Russ.]
8. Moshchensky, V. I. History of the emergence and development of the city of Aktobe. Aktobe, 1999. 273 p. [In Russ.]
9. Sdykov, M. N. History of the Population of the Western Kazakhstan. Almaty, 2004. 405 p. [In Russ.]
10. Migration to the Steppe Region in 1907: a reference book on the migration to the Turgay, Ural, Akmola, and Semipalatinsk Regions. St. Petersburg, 1907. Issue 37. 168 p. [In Russ.]
11. Russia in the World History / edited by V.S. Porokhnya. Smolensk, 2003. 464 p. [In Russ.]

12. Bekmakhanova, N.E. Formation of the Multinational Population of Kazakhstan and the Northern Kyrgyzstan: Last Quarter of the 18th–1860s. Moscow: Nauka, 1980. 280 p. [In Russ.]
13. Borodin, N.A. The Ural Cossack Host: A Statistical Description: in 2 volumes. Vol. 1. Uralsk, 1891. 947 p. [In Russ.]
14. The State Archives of the Orenburg Region (SAOR RF). Fund 164, op. 1, d. 255. Statistical report on the state of the Ural Cossack Host for 1887.
15. Sdykov, M.N. Population Formation in the Western Kazakhstan in the 18th–19th Centuries. Almaty, 1996. 220 p.
16. Danilevsky, K., Rudnitsky, E. The Ural-Caspian Region (Ural Province and Former Lands of the Ural Cossack Host and the Ural Region). Uralsk, 1927. 223 p. [In Russ.]
17. Borodin, N.A. The Ural Cossack Host: A Statistical Description: in 2 volumes. Vol. 2. Uralsk, 1891. 71 p. [In Russ.]
18. Resettlement to the Steppe Region in 1907: a reference book on resettlement to the Turgay, Ural, Akmola, and Semipalatinsk Regions. St. Petersburg, 1907. Issue 37. 168 p. [In Russ.]
19. Description of the Turgay and Ural Regions. Petrograd: Sodruzhestvo, 1916. 51 p. [In Russ.]
20. Review of the Turgay Region for 1897. Orenburg, 1898. [In Russ.]
21. The Central State Archives of the Republic of Kazakhstan (CSARK). Fund 318, op. 1, d. 18. Information on the Russian Settlers Among the Kyrgyz of the Aktobe District of the Turgay Region. [In Russ.]
22. Gerasimova E.I. Uralsk: a historical essay (1613–1917). Alma-Ata, 1969. 215 p. [In Russ.]
23. The Central State Archives of the Republic of Kazakhstan (CSARK). Fund 25, op. 1, d. 4458. Case on the distress of the Russian settlers due to the failure of the grain and grass harvest and providing food to the starving population of the Nikolaevsky district of the Turgay region. [In Russ.]
24. Review of the Ural region for 1911. Uralsk, 1912. [In Russ.]
25. Review of the Ural region for 1912. Uralsk, 1913. [In Russ.]
26. Review of the Ural region for 1915. Uralsk, 1916. [In Russ.]
27. The First general census of the Russian Empire of 1897. Vol. LXXXVIII. The Ural region / ed. by N.A. Troinitsky. St. Petersburg: Central Statistical Committee of the Ministry of Internal Affairs, 1904. 125 p. [In Russ.]
28. The First General Population Census of the Russian Empire, 1897. Vol. LXXXVII. The Turgay Region / edited by N.A. Troinitsky. St. Petersburg: The Central Statistical Committee of the Ministry of Internal Affairs, 1904. 103 p. [In Russ.]

Информация об авторе / Information about the author

Гульнара Набиевна Есеева, старший преподаватель ОП «Социальные науки» факультета истории, экономики и права. Западно-Казахстанский университет им. М. Утемисова. Республика Казахстан, г. Уральск, ул. Сарайшық, 34, e-mail: eseeva70@mail.ru

Gulnara N. Eseeva, Senior Lecturer, Social Sciences Program, Faculty of History, Economics and Law. M. Utemisov West Kazakhstan University, Uralsk, Republic of Kazakhstan, e-mail: eseeva70@mail.ru

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The author has read and approved the final manuscript.

Поступила в редакцию 21.09.2025

Received 21.09.2025

Поступила после рецензирования 29.10.2025

Revised 29.10.2025

Принята к публикации 30.10.2025

Accepted 30.10.2025

Оригинальная статья / Original paper

<https://doi.org/10.47370/2078-1024-2025-17-4-29-40>
УДК 94-054.72(560) (470.621)



Исламский фактор и адыгская (черкесская) эмиграция в Османскую империю XIX века: к проблеме интерпретации в контексте этнологического и диаспорального подходов

С.Г. Кудаева

*Майкопский государственный технологический университет,
г. Майкоп, Российская Федерация
svetlana_asku@mail.ru*

Аннотация. Введение. Актуальность исследования определяется его значимостью в историографии Кавказской войны и связанного с ней массового переселения адыгов в Османскую империю, где сохраняется дискуссия о роли исламского фактора. Господствующая парадигма, унаследованная от советской науки, склонна абсолютизировать значение мюридизма как идеологической платформы сопротивления, безосновательно экстраполируя дагестанскую модель на иную социально-политическую реальность Северо-Западного Кавказа. Эти конструкции требуют критического переосмысливания с привлечением междисциплинарных подходов.

Материалы и методы. Использование потенциала этнологии и диаспоральных исследований позволяет интерпретировать религиозный элемент не как самодостаточный двигатель миграции, а как один из многих факторов, занимавших подчиненное положение относительно фундаментальных основ адыгского социума. Цель исследования – анализ масштабов и специфики воздействия исламской идеологии на переселенческое движение через призму устойчивых этнокультурных констант.

Методологическую основу составили принципы историзма, научности и объективности в сочетании с ретроспективным и кросс-культурным анализом.

Результаты исследования. На основе критического анализа историографии и теоретического аппарата этнологии обоснована позиция, согласно которой религиозная составляющая не являлась детерминирующей причиной исхода.

Обсуждение и заключение. Утверждение о доминирующей роли исламского фактора является научным упрощением. Адыгский этнос представлял собой сложную, стабильную систему, где центральное место занимали автохтонные социокультурные механизмы – этическая система «адыгагъэ» и свод норм «адыгэ хабзэ». Эти структуры выступали основными идентификационными матрицами, нивелировавшими влияние внешних идеологий и определявшими специфику восприятия миграции.

Ключевые слова: Северо-Западный Кавказ, Османская империя, Кавказская война, адыги (черкесы), этнос, эмиграция, ислам, мюридизм, адыгагъэ, адыгэ хабзэ, этническая идентичность, диаспора

Для цитирования: Кудаева С.Г. Исламский фактор и адыгская (черкесская) эмиграция в Османскую империю XIX века: к проблеме интерпретации в контексте этнологического и диаспорального подходов. *Вестник Майкопского государственного технологического университета*. 2025; 17(4): 29–40. <https://doi.org/10.47370/2078-1024-2025-17-4-29-40>

The Islamic factor and the Adyghe (Circassian) emigration to the Ottoman Empire in the 19th century: revisiting the interpretation in the context of ethnological and diaspora approaches

S.G. Kudaeva

Maikop State Technological University, Maikop, the Russian Federation
svetlana_asku@mail.ru

Abstract. Introduction. The relevance of the research is determined by its significance in the historiography of the Caucasian War and the associated mass migration of the Adyghes to the Ottoman Empire, where the role of the Islamic factor remains controversial. The dominant paradigm, inherited from Soviet scholarship, tends to absolutize the significance of Muridism as an ideological platform for resistance, groundlessly extrapolating the Dagestani model to the different socio-political reality of the Northwest Caucasus. These constructs require critical rethinking, drawing on interdisciplinary approaches.

The materials and methods. Harnessing the potential of ethnology and diaspora studies allows us to interpret the religious element not as a standalone driver of migration, but as one of many factors that occupied a subordinate position relative to the fundamental foundations of the Adyghe society. The goal of the research is to analyze the scale and specific impact of the Islamic ideology on the migration movement through the prism of stable ethnocultural constants. The methodological basis has been formed by the principles of historicism, scientific approach, and objectivity, combined with retrospective and cross-cultural analysis.

The research results. Due to a critical analysis of historiography and the theoretical framework of ethnology, it has been substantiated that religious affiliation was not the determining factor in the outcome.

Discussion and Conclusion. The assertion that the Islamic factor played a dominant role is a scholarly oversimplification. The Adyghe ethnic group represented a complex, stable system, in which indigenous sociocultural mechanisms – «the Adyghe» ethical system and «the Adyghe khabze» normative system – occupied a central place. These structures served as the primary identification matrices, neutralizing the influence of external ideologies and defining the specific perception of migration.

Keywords: the Northwest Caucasus, the Ottoman Empire, the Caucasian War, the Adyghes (Circassians), ethnicity, emigration, Islam, Muridism, Adyghe, Adyghe Khabze, ethnic identity, diaspora

For citation: Kudaeva S.G. The Islamic factor and the Adyghe (Circassian) emigration to the Ottoman Empire in the 19th century: revisiting the interpretation in the context of ethnological and diaspora approaches. *Vestnik Majkopskogo gosudarstvennogo tehnologičeskogo universiteta*. 2025; 17(4): 29–40. <https://doi.org/10.47370/2078-1024-2025-17-4-29-40>

Введение. Актуальность проблемы обусловлена тем, что историография Кавказской войны и сопряженного с ней масштабного переселенческого движения адыгского населения в пределы Османской империи традиционно включает в себя острую и продолжительную дискуссию о значимости исламского фактора. Сложившаяся в советский и частично в постсоветский период исследовательская парадигма зачастую апеллирует к концепту мюридизма как идеологической основы сопротивления без должных оснований, экстраполируя дагестанский опыт на социально-политический ландшафт Северо-Западного Кавказа. Однако подобный подход, при всей его внешней логичности и кажущейся универсальности, требует основательного критического пересмотра и методологического углубления за счет привлечения более широкого междисциплинарного инструментария.

Обращение к теоретическим конструктам теории этноса и, в особенности, теории диаспоры, позволило выстроить многомерную объяснительную модель, в рамках которой религиозный компонент рассматривается не как самодостаточная и первичная причина исхода, а как один из множества взаимосвязанных факторов, взаимодействовавших и зачастую вторичных по отношению к фундаментальным, цивилизационным основам адыгского общества. Целью настоящего исследования является детальный анализ степени и характера влияния исламской идеологии на переселенческий процесс сквозь призму устойчивых этнокультурных констант, сформировавших уникальный ethos адыгского народа.

Обзор литературы.

Эволюция историографических подходов к изучению Кавказской войны и мюридизма в контексте освободительного движения адыгов. Освободительная борьба адыгских народов Северо-Западного Кавказа, представляющая собой важнейшую составляющую Кавказской

войны XIX века, нашла свое многоплановое отражение в трудах отечественных историков. Формирование исследовательской традиции началось еще в дореволюционный период, когда такие видные ученые, как В.А. Потто, Ф.А. Щербина и С. Эсадзе, осуществили масштабную работу по сбору, систематизации и первоначальному анализу обширного фактического материала, посвященного истории горского сопротивления адыгов Северо-Западного Кавказа [1]. Среди них фигура Ф.А. Щербины занимает особое место. В своем фундаментальном труде «История Кубанского казачьего войска», созданном на основе скрупулезного изучения многочисленных архивных документов, историк не обошел вниманием и проблему проникновения идей мюридизма в среду западных адыгов. Пристальный интерес Ф.А. Щербина уделил личности третьего наиба Шамиля-Магомед-Амину, давая его деятельности в целом позитивную оценку и характеризуя его как «цельную личность политического деятеля, действовавшего в интересах горцев разумно и целесообразно» [2].

Ценный пласт источниковой базы составляют историко-мемуарные произведения современников событий – Е.Д. Фелицына, Н. Карлгофа, Н.А. Волконского, И. Дроздова [3]. Их работы содержат не только детальные описания военных операций царской армии против горцев, но и ценные наблюдения за внутриполитической обстановкой в Черкесии, а также анализ деятельности наибов Шамиля, направленной на распространение влияния имамата на Северо-Западном Кавказе.

Непосредственно феноменом мюридизма как идеологии и социально-политической практики занимались военные историки К.И. Прушановский и Р.А. Фадеев [4]. Последний, в частности, в своих работах предпринял попытку дать комплексную характеристику мюридизму и его восприятию горскими обществами,

подчеркивая его консолидирующй потенциал и роль в мобилизации народов Северо-Западного Кавказа на борьбу за независимость [5].

Особый ракурс в освещение событий привносят труды адыгских просветителей XIX века, среди которых наиболее значимой фигурой является Хан-Гирей. Его фундаментальные «Записки о Черкесии» стали итогом глубоких изысканий и наблюдений [6]. Будучи непосредственным участником дипломатических миссий российской администрации в 30-е годы XIX века, ставивших своей целью добиться добровольного присоединения адыгов к России, Хан-Гирей являлся последовательным сторонником стратегии «мирного» покорения. Однако его усилия не нашли поддержки в правительственные кругах, где в тот период доминировала концепция военного захвата адыгских территорий. Следует отметить, что Хан-Гирей не был единственным представителем адыгской интеллигенции, выступавшим за конструктивный диалог с Российской империей. В этом же ключе высказывались такие мыслители, как Казы-Гирей, основоположник адыгской литературы Шора Ногмов и Адыль-Гирей [7].

В советский период развитие историографии освободительного движения горцев оказалось неразрывно связано с именем академика М.Н. Покровского [8]. В своих работах он аргументированно связал генезис и эскалацию освободительной борьбы с жесткой карательной политикой, инициированной генералом А.П. Ермоловым в период его командования войсками на Кавказе с 1816 по 1826 год. При этом М.Н. Покровский отметил и объединяющую роль мусульманской религии в условиях северокавказского общества. Поднятые им вопросы получили дальнейшую разработку в исследованих кавказоведов следующего поколения, среди которых выделяется работа С.К. Бушуева, детально проанализировавшего государственное устройство имамата и

социально-экономическую политику, проводимую Шамилем [9].

Существенным рубежом, оказавшим деструктивное влияние на объективность исторической науки, стало опубликование в 1950 году печально известной псевдонаучной статьи Мир Джафара Багирова, занимавшего в тот период пост партийного лидера Азербайджана [10]. Эта публикация положила начало насильтвенной переоценке национально-освободительного движения северокавказцев в данном идеологическом ключе, т. е. объявила его реакционным, находящимся «на службе у английского капитализма и турецкого султана». Это заметно исказило выводы ряда исследователей, включая А.В. Фадеева, А.Д. Даниялова и И.А. Смирнова [11].

Доминирование багировской «концепции» в историографии сохранялось вплоть до весны 1956 года, когда в дискуссионном порядке появилась статья А.М. Пикмана, поставившая своей задачей кардинальный пересмотр устоявшихся оценок характера мюридистского движения на Кавказе [12]. Пикман подверг аргументированной критике тезис о его реакционности и призвал научное сообщество положить конец фальсификации истории борьбы кавказских народов [13].

В конце 50-х годов инициативу пересмотра устаревших подходов продолжил А.В. Фадеев, который одним из первых обратился к коллегам с призывом акцентировать «завоевательный характер политики царизма» и отказаться от трактовки движения горцев как сугубо реакционного. Его поддержал И.А. Смирнов, который признал мобилизирующую роль мюридизма в борьбе «против царизма и его колониальной политики на Кавказе» [14].

Современный этап развития кавказоведения характеризуется значительным углублением и диверсификацией исследовательских методик, что находит отражение в работах таких ученых, как А.Ю. Чирг, А.Т. Керашев, А.Х. Бижев, М.М. Блиев, В.В. Дегоев и А.Д. Панеш

[15]. Монография А.Д. Панеша – «Мюридизм и борьба адыгов Северо-Западного Кавказа за независимость (1829–1864)» – представляет особый интерес. Автор приходит к выводу, что экспансиионистские планы Шамиля по распространению территории имамата на запад, в частности на Кабарду, изначально были обречены на провал в силу фундаментальных цивилизационных различий между обществами Северо-Восточного и Северо-Западного Кавказа.

В качестве ключевых объективных причин, предопределивших эту историческую ситуацию, исследователь выделяет:

Коренные различия в социальной организации:

– В Чечне и Нагорном Дагестане доминирующей социальной формой являлись конфедерации самоуправляемых сельских общин (джамаатов), в которых институт наследственной аристократии был в значительной степени упразднен. Внедряемая имаматом шариатская правовая система выступала в данном контексте единственным инструментом преодоления правового партикуляризма и нивелирования сословных привилегий, укорененных в нормах обычного права (адата).

– В Кабарде, напротив, сформировалась жестко иерархизированная сословная структура с доминирующей ролью княжеской аристократии (пши-оркъ) и наличием многочисленных зависимых сословий. Социальный порядок здесь поддерживался и санкционировался сверху, а крупные семейные общины (фамилии) служили экономическим фундаментом могущества правящей элиты, что создавало непреодолимый барьер для интеграции в теократический проект имамата.

Глубинные культурно-религиозные различия:

– Народы Чечни и Дагестана прошли через более глубокую и раннюю исламизацию, восприняв ортодоксальный шафиитский мазхаб непосредственно из центров мусульманской учености Ближнего Востока.

– В Кабарде проникновение ислама, осуществлявшееся опосредованно через Крымское ханство и Османскую империю, носило более поверхностный и синкретичный характер, сохраняя мощный пласт домусульманских верований и практик. Здесь утвердился ханафитский мазхаб, отличавшийся большей правовой гибкостью и терпимостью по отношению к местным адатам.

Таким образом, А.Д. Панеш утверждает, что базовые социокультурные параметры этих обществ – принципиально различная социальная организация и противостоящие друг другу правовые и религиозные традиции (ортодоксальный шафиитский фикх или адаптивный ханафитский мазхаб) – объективно исключали возможность успешной интеграции Кабарды в состав централизованного теократического государства имамата.

Существенный вклад в изучение проблемы вносят и работы историков черкесского зарубежья. В монографиях Хавжоко Шаукат Муфти и Нихада Берзеджа дается комплексный научный анализ феномена адыгского мухаджирства [16]. В специальном разделе «Мюридизм в Черкесии» Х.Ш. Муфти, признавая значительные организационные успехи Магомед-Амина в объединении части адыгских обществ на платформе шариата, справедливо отмечает, что эти объединительные процессы носили очаговый и локальный характер, не приведя к созданию устойчивого общеадыгского политического образования.

Принципиально важной представляется концепция Мухадина Иззета Кандура, изложенная в его работе «Мюридизм. История Кавказских войн (1819–1859)». Исследователь интерпретирует мюридизм как яркую форму «проявления кавказского национализма, основанного на глубокой преданности вере и имеющего главной целью объединение и изгнание чужаков». При этом М.Х. Кандур делает методологически важное замечание, подчеркивая, что «особенности формы или содержания

любого национализма в значительной степени диктуются традициями и чаяниями каждого отдельного народа», указывая тем самым на вариативность и зависимость идеологии от конкретного этнокультурного контекста [17].

Подводя итог, следует констатировать, что в современной науке не существует единой консенсусной точки зрения на природу и роль мюридизма в освободительном движении народов Северного Кавказа. Часть исследователей по-прежнему настаивает на трактовке мюридизма как идеологического обоснования набеговой системы. Однако подобный подход представляется недостаточно аргументированным, поскольку он не способен адекватно объяснить глубинные причины и масштабы такого сложного и продолжительного исторического феномена, как Кавказская война. Широко распространена и альтернативная позиция, сторонники которой отрицают мюридистский характер борьбы кавказских горцев против царской экспансии. Наиболее же репрезентативной и аргументированной видится точка зрения, согласно которой мюридизм, будучи тесно спаянным с исламом, был инструментально использован наибами Шамиля в Черкесии в качестве идеологического ресурса для политической мобилизации и консолидации адыгских обществ в экстремальных условиях борьбы за национальное выживание и независимость.

В статье осуществляется попытка комплексного переосмысливания роли и места исламского фактора в процессе массового переселения адыгов (черкесов) Северо-Западного Кавказа в Османскую империю в XIX столетии. На основе скрупулезного критического анализа устоявшихся историографических подходов и с привлечением теоретического аппарата современной этнологии и диаспоральных исследований обосновывается позиция, согласно которой религиозная составляющая не являлась детерминирующей или

первостепенной причиной в принятии решения об исходе.

Материалы и методы. Цель исследования заключается в анализе масштабов и специфики воздействия исламской идеологии на переселенческое движение через призму устойчивых этнокультурных констант, сформировавших уникальный этос адыгского народа и определивших его историческую траекторию в переломный период.

Реализации поставленной цели способствовало использование в качестве конкретно-научной методологической основы фундаментальных принципов исторической науки – историзма, научности и объективности. Указанные принципы в сочетании с инструментарием ретроспективного анализа и применением кросс-культурного подхода позволили вывести комплексное осмысление данной проблемы на качественно новый теоретический уровень.

Использование основополагающих положений этнологии и, в особой степени, диаспоральных исследований дает возможность построить многоуровневую аналитическую конструкцию. В ее рамках религиозный элемент интерпретируется не в качестве самодостаточного и первичного двигателя миграционных процессов, но как один из множества взаимовлияющих факторов, зачастую занимавших подчиненное положение относительно фундаментальных цивилизационных основ адыгского социума [18].

Обсуждение и результаты.

Мюридизм на Северо-Западном Кавказе: проблемы рецепции и ограниченность влияния. Как справедливо отмечается в исторической литературе, распространение мюридизма – военно-религиозной идеологии освободительного движения, ассоциирующейся преимущественно с именем имама Шамиля, – среди разрозненных адыгских обществ носило крайне неравномерный, фрагментарный и поверхностный характер. Статистические

данные, приводимые рядом исследователей (например, Мухадином Кандуром), однозначно свидетельствуют о маргинальной доле собственно мюридов в общей структуре мусульманского населения Российской империи на Кавказе [19].

Прежде чем утверждать об определяющей роли мюридизма, необходимо провести четкую дифференциацию между ним как мистико-аскетическим суфийским учением (тарикат), с его сложной иерархической структурой (шариат, тарикат, хакикат, марифат), и мюридизмом как сугубо политической идеологией и инструментом мобилизации, использовавшимся в конкретных военно-политических целях. Как указывает Исмаил Беркок, в условиях Кавказа тарикат зачастую воспринимался адатами, скорее, как «воинский культ» или социальный институт, призванный консолидировать разобщенное население для борьбы с внешним противником. Однако, как подчеркивает М. Кандур, для достижения этой цели требовалось не поверхностное заимствование риторики, а глубокое, догматическое погружение в ислам, формирования единого религиозного правового поля, чего в массе адыгского населения, сохранявшего приверженность нормам обычного права (адата), так и не произошло.

Авторитетные российские кавказоведы (М.В. Покровский, В.Г. Гаджиев) сходятся во мнении, что освободительная борьба большинства адыгских племен и субэтносов (за исключением отдельных групп абадзехов, натухайцев и убыхов) протекала вне прямой организационной и идеологической связи с мюридистским движением Дагестана и Чечни [20].

Анализ внутренних социальных процессов в адыгском обществе позволяет утверждать, что движение мюридизма не приобрело характера массового и единого вооруженного выступления именно в силу глубоких внутренних социальных противоречий (например, между дворянством и крестьянством) и отсутствия единой, при-

нимаемой всеми сословиями идеологической платформы. Царская администрация, в свою очередь, в своей аналитической переписке фиксировала существенные различия в интересах и устремлениях отдельных классов адыгского общества, что делало маловероятным общеадыгское восстание, сплоченное исключительно на религиозной почве.

Это подтверждается и архивными документами. Власти Российской империи давали в целом объективную и сбалансированную оценку положению дел в регионе. В одном из официальных донесений, посвященных деятельности наиба Шамиля на Западном Кавказе, указывалось, что из-за серьезных различий в интересах отдельных общественных классов среди местного населения в обозримом будущем едва ли следует ожидать масштабного и единого восстания против российской власти [21].

Отсутствие у наибов, в особенности у Мухаммед-Эмина, глубоких познаний в тонкостях общественного устройства «аристократических» адыгских племен заставляло их проводить гибкую политику, заключая временные союзы то с одной, то с другой влиятельной группировкой. Мухаммед-Эмин, вынужденно признавая авторитет княжеской знати, шел на определенные уступки в ее пользу, давая обещания «укрепить власть этих князей, добившись от подчиненных им дворян и простого народа безусловного подчинения» [22]. Подобные заверения находили определенный отклик у некоторой части знати, что вело к их временному сотрудничеству с ним.

Примечательно, что даже в разгар Крымской войны тфокотли (свободные крестьяне), принадлежавшие к «аристократическим» племенам, не поддались на интенсивную пропаганду Мухаммед-Эмина и не поддержали вооруженную борьбу на стороне османо-англо-французской коалиции, несмотря на щедрые посулы обретения независимости от собственных князей.

Что касается так называемых «демократических» племен, то внедрение среди них идей мюридизма встречало еще больше трудностей. Главной социальной базой движения в этой среде выступали старшины. Действия российской администрации, которая проявляла повышенное внимание к адыгской аристократии и зачастую игнорировала интересы старшин шапсугов, натухайцев и абадзехов, в целом содействовали усилению среди последних симпатий к Османской империи. В то же время собственная гибкая тактика османского правительства, лавировавшего между тфокотлями и князьями, приводила к тому, что многие представители «аристократических» племен видели для себя выгоду в налаживании контактов с царской администрацией.

Адыгское общество в XIX веке: устойчивость традиционной культуры и внешние идеологические влияния. Ключ к пониманию ограниченности и специфики влияния исламского фактора лежит в анализе духовно-культурного фундамента адыгского этноса, чья устойчивость оказалась поразительной в условиях внешнего давления. Многие современные исследователи (Б.С. Агрба, С.Х. Хотко) выдвигают и аргументируют тезис о глубоком влиянии древней автохтонной системы – друидизма – как архаичной религиозной практики, вплоть до середины XIX века сохранявшей доминирующие позиции в конфессиональном пространстве Черкесии. Именно друидизм, по их мнению, на протяжении веков создавал мощный культурный барьер, препятствовавший полной и тотальной христианизации и исламизации региона, выступая стержнем конфессиональной самобытности и синcretизма [23].

Однако еще более значимым и действенным представляется комплекс этических норм и мировоззренческих представлений – «адыгагъэ» (черкесство), воплощенный в неписаном, но тщательно регламентированном и соблюдающем сво-

де правила и установлений «адыгэ хабзэ». Как убедительно доказывает в своих работах Б.Х. Бгажноков, адыгский этикет был не просто сводом правил поведения, но квинтэссенцией нравственного опыта народа, универсальным механизмом его культурной самоорганизации и социального воспроизводства, определявшим характер мышления, модели поведения, языковые паттерны и всю систему социальных отношений. «Адыгагъэ» выполнял функции, которые у многих других народов были делегированы институционализированной религии, выступая, по сути, универсальным социальным регулятором и основой этнической идентичности [24].

Эта фундаментальная мысль находит свое развитие и в работах К.Х. Унежева, который прямо указывает, что религия в ее ортодоксальном, догматическом виде никогда не играла у адыгов столь важной и первостепенной роли, как, например, у народов Дагестана или Ближнего Востока. Требования ислама, и христианства неизбежно «растворялись», ассимилировались и трансформировались в более широком, всеобъемлющем и обязывающем нормативном поле «адыгэ хабзэ». Таким образом, ислам, проникая в адыгскую среду, не вытеснял и не замещал традиционную этическую систему, а накладывался на нее, адаптировался с нею и зачастую сублимировался, занимая подчиненное по отношению к «адыгагъэ» положение [25].

Переселение как системный кризис: место религиозного фактора в иерархии причин. Рассматривая проблему переселения через призму теории диаспоры, где ключевым критерием классификации является вынужденный характер исхода, становится очевидной вторичность и производность религиозного мотива в общей структуре причин. Основными драйверами, обусловившими исход, выступили объективные факторы, выражавшиеся в:

– разрушении традиционных социально-экономических структур адыгского общества (натухайцев, шапсугов, абадзехов и др.);

– прямом и косвенном воздействии Османской империи, которая была напрямую заинтересована в переселении значительных масс мусульманского населения для решения собственных демографических и военно-политических задач на балканских и анатолийских рубежах.

В этом контексте исламский фактор, безусловно, присутствовал, но не в роли катализатора, а, скорее, в функциях сопутствующего характера:

– общий с Османской империей религиозный дискурс («единоверная Турция») облегчал официальную пропаганду переселения и придавал ей видимость легитимности в глазах части общества;

– для части старшин и дворян, не нашедших места в новой, пророссийской системе координат, протурецкая и происламская ориентация стала формой политического выбора и сохранения социального статуса;

– элемент коллективной идентичности в диаспоре, который проявился уже в условиях жизни в инокультурной среде Османской империи. Ислам начал играть постепенно возрастающую роль как консолидирующий маркер отличия от иноверного окружения и как одна из основ формирования новой, диаспоральной общинной идентичности, что, однако, не отменяет ретроспективный характер данного процесса.

Таким образом, неправомерно рассматривать переселение адыгов как прямое следствие или логический результат их фанатичной приверженности мюридизму или исламу в целом. Религия стала

не двигателем исхода, но одним из культурно-политических языков, на котором осмысливалась, описывалась и отчасти оправдывалась трагедия народа, вызванная, в первую очередь, комплексом внешних и внутренних причин военно-политического и социально-экономического характера.

Заключение. Проведенный анализ позволяет сформулировать обоснованный вывод о том, что тезис о доминирующей или определяющей роли исламского фактора в переселении адыгов в Османскую империю является научным упрощением, не выдерживающим проверки при обращении к конкретно-историческому материалу. Гораздо более продуктивным и эвристичным является подход, рассматривающий адыгский этнос как сложную, стабильную и высокоорганизованную социокультурную систему, чья жизнедеятельность и реакция на вызовы эпохи регулировались в первую очередь внутренним культурным кодом – универсальной этической системой «адыгагъэ». Именно эта глубоко эшелонированная система ценностей, а не внешние религиозные догмы, составляла несущий духовный стержень народа и определяла параметры его адаптации и сопротивления.

Обращение к теоретическим конструктам этнологии и диаспоральных исследований позволяет вывести академическую дискуссию из плоскости конфессионального детерминизма в плоскость многомерного системного анализа крупномасштабного исторического явления, что вносит существенные коррективы в сложившиеся историографические стереотипы и способствует формированию более адекватной научной концепции истории адыгов в переломном XIX веке.

КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов

CONFLICT OF INTERESTS

The author declares no conflict of interests

ЛИТЕРАТУРА

1. Потто В.А. Кавказская война (в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях). Ставрополь, 1994; Щербина Ф.А. История Кубанского казачьего войска. Екатеринодар, 1910. Т. 1/2; Эсадзе С. Покорение Западного Кавказа и окончание Кавказской войны. Майкоп, 1993.
2. Щербина Ф.А. Указ. соч. С. 555.
3. Фелицын Е.Д. Князь Сефер-бей Зан // Кубанский сборник. Екатеринодар, 1904. Т. 10; Карлгоф Н. О политическом устройстве черкесских племен, населяющих Северо-Восточный берег Черного моря // Русский вестник. Т. 28. М., 1860; Он же. Магомет-Амин // Кавказский календарь на 1861, г. Тифлис, 1860; Волконский Н.А. Война на Восточном Кавказе с 1824 по 1834 г. в связи с мюридизмом // Кавказский сборник. Т. 10. Тифлис, 1886; Дроздов И. Обзор военных действий на Западном Кавказе с 1848 по 1856 год // Кавказский сборник. Т. 10. Тифлис, 1886.
4. Прушановский К.И. Историческая записка о начале и развитии духовной войны, учения о нравственном элементе человека в Дагестане с 1823 по 1843 год // Кавказский сборник. Тифлис, 1902. Т. 23. С. 1-73.
5. Фадеев Р.А. Шестьдесят лет Кавказской войны. Тифлис, 1860. 5. Фадеев Р.А. Указ. соч. С. 37.
6. Хан-Гирей. Записки о Черкесии. Нальчик, 1978.
7. Адыгские писатели-просветители XIX века. Избранные произведения. Краснодар, 1986. С. 107-165.
8. Покровский М.Н. Дипломатия и войны царской России в XIX столетии. М., 1924. С. 179-229.
9. Бушуев С.К. Борьба горцев за независимость под руководством Шамиля. М.; Л., 1939.
10. Багиров М.Д. К вопросу о характере движения мюридизма и Шамиля // Большевик. 1950. № 13.
11. Фадеев А.В. Мюридизм как орудие агрессивной политики Турции и Англии на Северо-Западном Кавказе // Вопросы истории. 1951. № 9; Даниялов А.Д. Об извращениях в освещении мюридизма и движения Шамиля // Вопросы истории. 1950. № 9; Смирнов Н.А. Шейх Мансур и его турецкие вдохновители // Вопросы истории. 1950. № 10.
12. Пикман А.М. О борьбе кавказских горцев с царскими колонизаторами // Вопросы истории. 1956. № 3.
13. Там же. С. 81.
14. Смирнов Н.А. Характерные черты идеологии кавказского мюридизма // Вопросы истории религии и атеизма. М., 1959. С. 177.
15. Чирг А.Ю. Поборник независимости нации // Социалистическая Адыгей. 1989. 23 сент. (на адыг. яз.); Керашев Ан. Сефер-бей Заноко: политический портрет // Адыгейская правда. 1990. 16 мая; Дегоев В.В. Кавказский вопрос в международных отношениях 30–60-х годов XIX в. Владикавказ, 1992; Бижев А.Х. Адыги Северо-Западного Кавказа и кризис Восточного вопроса в конце 20-х – начале 30-х гг. XIX в. Майкоп, 1994; Блиев М.М., Дегоев В.В. Указатель сочинений. С. 182-234; Блиев М.М. Россия и горцы Большого Кавказа. С. 158-194.
16. Муфти Х.Ш. Герои и императоры в черкесской истории. Нальчик, 1996; Бэрзэдж Н. Изгнание черкесов. Майкоп, 1996.
17. Кандур М. Мюридизм. История Кавказских войн 1819–1859 гг. Нальчик, 1996.
18. Кудаева С.Г. Адыги (черкесы): этнос, диаспора. Майкоп, 2024. С. 46-58.
19. Кандур М. Указ. соч. С. 177.

20. Покровский М.Н. Указатель сочинений; Гаджиев В.Г. Нерешенные и спорные вопросы истории Кавказской войны // Кавказская война: спорные вопросы и новые подходы. Тезисы докладов Международной научной конференции. Махачкала, 1998.
21. ГАКК. Ф. 221. Черноморской береговой линии. Св. 128. Д. 1041. Л. 39.
22. ГАКК. Ф. 260. Черноморской береговой линии. Св. 177. Д. 1406. Л. 195.
23. Агрба Б.С.; Хотко С.Х. «Островная» цивилизация Черкесии. Майкоп, 2004. С. 39-40.
24. Бгажноков Б.Х. Адыгская этика. Нальчик, 1999.
25. Унежев К.Х. Феномен адыгской (черкесской) культуры. Нальчик. 1997.

REFERENCES

1. Potto, V.A. The Caucasian War (in separate essays, episodes, legends, and biographies). Stavropol, 1994; Shcherbina F.A. History of the Kuban Cossack Host. Ekaterinodar, 1910. Vol. 1/2; Esadze S. Conquest of the Western Caucasus and the End of the Caucasian War. Maikop, 1993. [In Russ.]
2. Shcherbina, F.A. Op. cit. P. 555. [In Russ.]
3. Felitsyn, E.D. Prince Sefer-bey Zan // The Kuban Collection. Ekaterinodar, 1904. Vol. 10; Karlhof N. On the political structure of the Circassian Tribes inhabiting the Northeastern Shore of the Black Sea // The Russian Herald. Vol. 28. Moscow, 1860; Ibid. Magomet-Amin // The Caucasian Calendar for 1861. Tiflis, 1860; Volkonsky N.A. War in the Eastern Caucasus from 1824 to 1834 due to Muridism // The Caucasian Collection. Vol. 10. Tiflis, 1886; Drozdov I. Review of Military Operations in the Western Caucasus from 1848 to 1856 // The Caucasian Collection. Vol. 10. Tiflis, 1886. [In Russ.]
4. Prushanovsky, K.I. Historical note on the beginning and development of the Spiritual War, Doctrine on the moral element of a man in Dagestan from 1823 to 1843 // The Caucasian Collection. Tiflis, 1902. Vol. 23. P. 1-73; Fadeev, R.A. Sixty Years of the Caucasian War. Tiflis, 1860. [In Russ.]
5. Fadeev, R.A. Op. cit. P. 37. [In Russ.]
6. Khan-Girey. Notes on Circassia. Nalchik, 1978. [In Russ.]
7. The Adyghe Enlightenment writers of the 19th century. Selected Works. Krasnodar, 1986. P. 107-165. [In Russ.]
8. Pokrovsky, M.N. Diplomacy and Wars of the tsarist Russia in the 19th Century. Moscow, 1924. P. 179-229. [In Russ.]
9. Bushuev, S.K. The Struggle of the Highlanders for Independence under the Leadership of Shamil. Moscow; Leningrad, 1939. [In Russ.]
10. Bagirov, M.D. The issue of the nature of the Muridism Movement and Shamil // Bolshevik. 1950. No. 13. [In Russ.]
11. Fadeev, A.V. Muridism as an instrument of aggressive policy of Turkey and England in the Northwest Caucasus // Questions of History. 1951. No. 9; Daniyalov, A.D. On Distortions in the Coverage of Muridism and Shamil's Movement // Questions of History. 1950. No. 9; Smirnov, N.A. Sheikh Mansur and His Turkish Inspirers // Questions of History. 1950. No. 10. [In Russ.]
12. Pikman, A.M. On the struggle of the Caucasian Highlanders against the tsarist colonizers // Questions of History. 1956. No. 3. [In Russ.]
13. Ibidem P. 81.
14. Smirnov, N.A. Characteristic features of the ideology of the Caucasian Muridism // Questions of the History of Religion and Atheism. Moscow, 1959. P. 177.
15. Chirg, A.Yu. Savior of the National Independence // The Socialist Adyghea. 1989. September 23 (in Adyghe); Kerashev An. Sefer-bey Zanoko: a political portrait // Adyghe Pravda. 1990. May 16; Degoev, V.V. The Caucasian issue in international relations of the 1830-1860s. Vladikavkaz, 1992; Bizhev, A.Kh. The Adyghe of the Northwest Caucasus and the Crisis of the Eastern Question in the late 1820-early 1830s. Maikop, 1994; Bliev, M.M., Degoev, V.V. Index of Works. P. 182-234; Bliev M.M. Russia and the Highlanders of the Greater Caucasus. P. 158-194. [In Russ.]

16. Mufti, H.Sh. Heroes and Emperors in the Circassian History. Nalchik, 1996; Berzage, N. The Expulsion of the Circassians. Maikop, 1996.
17. Kandur, M. Muridism. History of the Caucasian Wars of 1819-1859. Nalchik, 1996. [In Russ.]
18. Kudaeva, S.G. The Adyghees (Circassians): Ethnos, Diaspora. Maikop, 2024. P. 46-58. [In Russ.]
19. Kandur, M. Op. cit. P. 177. [In Russ.]
20. Pokrovsky, M.N. Index of Works; Gadzhiev, V.G. Unresolved and controversial issues in the history of the Caucasian War // The Caucasian War: controversial issues and new approaches. Abstracts of the International Scientific Conference. Makhachkala, 1998. [In Russ.]
21. The State Academic Conference of the Caucasian Academy of Sciences of the Kyrgyz Republic.
- F. 221. Black Sea coastline. St. 128. D. 1041. L. 39.
22. SAKK. F. 260. Black Sea coastline. St. 177. D. 1406. L. 195. [In Russ.]
23. Agrba, B.S.; Khotko, S.Kh. «Island» civilization of Circassia. Maikop, 2004. P. 39-40. [In Russ.]
24. Bgazhnokov, B.Kh. The Adyghe ethics. Nalchik, 1999. [In Russ.]
25. Unezhev K.Kh. Phenomenon of the Adyghe (Circassian) culture. Nalchik, 1997. [In Russ.]

Информация об авторе / Information about the author

Светлана Григорьевна Кудаева, доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой истории и права. Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Майкопский государственный технологический университет», 385000, Российская Федерация. г. Майкоп, ул. Первомайская, д. 191, e-mail: svetlana_asku@mail.ru

Svetlana G. Kudaeva, Dr Sci. (Hist.), Professor, Head of the Department of History and Law. Maikop State Technological University, 385000, the Russian Federation, Maikop, 191 Pervomayskaya str., e-mail: svetlana_asku@mail.ru

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The author has read and approved the final manuscript.

Поступила в редакцию 14.10.2025

Received 14.10.2025

Поступила после рецензирования 11.11.2025

Revised 11.11.2025

Принята к публикации 12.11.2025

Accepted 12.11.2025

Оригинальная статья / Original paper

<https://doi.org/10.47370/2078-1024-2025-17-4-41-53>
УДК [614.253.5:947.07](470.67)



Организация первых мероприятий по подготовке средних медицинских кадров в Дагестане в первой половине XX века

М.К. Нагиева

*Институт истории, археологии и этнографии
Дагестанского федерального исследовательского центра Российской академии наук,
г. Махачкала, Российская Федерация*

Аннотация. Введение. Современное общество претерпевает серьезные изменения, происходящие в здравоохранении и медицинском образовании. Сегодня происходят различные реформы и поиск путей эффективного обучения будущих медицинских работников, а также организации медицинского обслуживания населения на более высоком уровне. Актуальность данной темы определяется тем, что проблема подготовки медицинских кадров должна изучаться на основе междисциплинарного подхода, то есть на основе изучения истории, медицины, образования.

В Дагестане, как и во многих регионах нашей страны, развитие здравоохранения и медицинских школ получило распространение после включения региона в состав России. Процесс освоения новых территорий и ее заселения сопровождался открытием лечебных учреждений, первых медицинских школ, которые повторяли систему здравоохранения и образования Центральной России. В статье автор ставит цель – осветить проблему подготовки средних медицинских кадров в регионе. Для этого была поставлена задача показать, какие изменения происходили в республике после установления советской власти в подготовке средних медкадров.

Материалы и методы. Данное исследование выполнено с применением важного методологического принципа познания исторического процесса,ключающего принципы научной объективности и историзма, а также традиционных методов научного познания, используемых в исторической науке, – сравнительно-исторического и статистического, которые позволяют проследить динамику развития медицины и подготовки медицинских кадров в Дагестане. Рассмотрены события и явления в конкретно-исторической ситуации.

Результаты исследования. Основным источником информации при написании статьи послужили документальные материалы Центрального государственного архива Республики Дагестан, выявление которых послужило основой освещения развития медицины и подготовки медицинских кадров в Дагестане в первой половине XX в.

Обсуждение и заключение. Автор пришел к выводу, что в первое десятилетие становления советской власти в системе здравоохранения и подготовке медицинских кадров произошли

не только количественные, но и качественные изменения. Изучение проблем, связанных с подготовкой средних медицинских кадров в первой половине XX в., наглядно показывают, что формирование отряда средних медицинских работников в Дагестане проходило в общем русле перемен, которые осуществлялись в России после установления советской власти.

Ключевые слова: Россия, Дагестан, фельдшер, система здравоохранения, фельдшерско-акушерская школа, подготовка медицинских кадров, медицинская сестра

Благодарности.

Работа выполнена в рамках государственного задания для ДФИЦ РАН «Экономические, политические, социально-культурные процессы и изменения на Северо-Восточном Кавказе в новейшее время» (FMSW-2025-0023).

Для цитирования: Нагиева М.К. Организация первых мероприятий по подготовке средних медицинских кадров в Дагестане в первой половине XX века. *Вестник Майкопского государственного технологического университета*. 2025; 17(4): 41–53. <https://doi.org/10.47370/2078-1024-2025-17-4-41-53>

Planning the first training events for the mid-level medical personnel in Dagestan in the first half of the 20th century

M.K. Nagieva

Institute of History, Archeology and Ethnography of the Dagestan Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences, Makhachkala, the Russian Federation
nagieva-73@mail.ru

Abstract. Introduction. Modern society is undergoing significant changes in healthcare and medical education. Various reforms are going on, and efforts are made to effectively train future medical professionals and organize healthcare services for the population at a higher level. The relevance of the research is determined by the fact that the issue of medical personnel training must be studied using an interdisciplinary approach, that is, by studying history, medicine, and education.

In Dagestan, as in many regions of our country, the development of healthcare and medical schools expanded after accession to Russia. The process of developing new territories and settling them was accompanied by the opening of medical institutions and the first medical schools, which replicated the healthcare and education systems of Central Russia. In this article, the author aims to highlight the issue of training mid-level medical personnel in the region. To this end, the author set the task of demonstrating the changes that occurred in the republic in the training of mid-level medical personnel after the establishment of Soviet power.

The materials and methods. The research was conducted using an important methodological principle for understanding the historical process, including the principles of scientific objectivity and historicism, as well as traditional methods of scientific inquiry used in historical science – comparative historical and statistical ones – which allow us to trace the dynamics of the development of medicine and the training of medical personnel in Dagestan. Events and phenomena were examined within a specific historical context.

The research results. Documentary materials from the Central State Archives of the Republic of Dagestan were the primary source of information. Their discovery served as the basis for covering the development of medicine and training medical personnel in Dagestan in the first half of the 20th century.

Discussion and Conclusion. It has been concluded that during the first decade of Soviet power, not only quantitative but also qualitative changes occurred in the healthcare system and the training of

medical personnel. A study of the issues associated with the training of mid-level medical personnel in the first half of the 20th century clearly demonstrates that the formation of a corps of mid-level medical workers in Dagestan was consistent with the general changes that took place in Russia after the establishment of Soviet power.

Keywords: Russia, Dagestan, paramedic, healthcare system, paramedic-midwifery school, medical personnel training, nurse

Acknowledgments.

The research was completed as a part of the state assignment for the Far Eastern Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences «Economic, Political, Socio-Cultural Processes and Changes in the Northeast Caucasus in Modern Times» (FMSW-2025-0023).

For citation: Nagieva M.K. Planning the first training events for the mid-level medical personnel in Dagestan in the first half of the 20th century. *Vestnik Majkopskogo gosudarstvennogo tehnologičeskogo universiteta*. 2025; 17(4): 41–53. <https://doi.org/10.47370/2078-1024-2025-17-4-41-53>

Введение. В царской России государственной системы здравоохранения, как таковой, не существовало. Функции медицинского обслуживания были распределены в разных ведомствах. В Дагестане первые врачи появились вместе с русскими войсками во время Персидского похода Петра I в 1722 г. и были оставлены на Сулаке и в Дербенте для обслуживания воинских частей, а также местных жителей. Так, в 1813 г. в Дербент были командированы два военных врача – Попов и Драницын, а также один гражданский лекарь [1]. Дагестан характеризовался отсутствием лечебных учреждений и крайне неудовлетворительными показателями здоровья населения. Постоянными спутниками местного населения были эпидемии инфекционных заболеваний (малярии, эпидемии тифа, оспы, холеры и др.), с которыми велась постоянная, но безрезультатная борьба, так как лекарства, которые помогали в лечении, на тот период еще не было. Медицинскую помощь населению оказывали местные знахари, лекари с применением лекарственных трав.

Со второй половины XIX в. царской властью стали развертываться первые медицинские учреждения в крае. В организации здравоохранения определенную роль сыграли: управляющий медицинской частью гражданского ведомства на Кавказе, боровшийся с болотной лихорадкой – Э.С. Андреевский, доктор Темир-Хан-Шуринаского госпиталя – Э.Р. Гольмлат и врач

Дагестанского конного полка – И.В. Костемеровский, проработавший в Дагестане более 50 лет. Российские специалисты стояли у истоков становления и развития всех отраслей социально-экономического развития Дагестана. Наглядно это проявилось и в развитии здравоохранения и медицинской науки в регионе. Основа здравоохранения связана с именами И.С. Костемеровского, Э.С. Андреевского, К.М. Трипольского, С.М. Казарова, Н.П. Агриколянского и др. [2, с. 97].

Обзор литературы. Научное изучение проблем развития здравоохранения и подготовки медицинских кадров в Дагестане всегда стояло в общем контексте изучения социально-культурных вопросов республики. Необходимо отметить, что специальные исследования, посвященные истории здравоохранения и подготовки медицинских кадров в Дагестане, в XX в. почти не проводились, исключение составляют некоторые работы. Интересные сведения о развитии медицины в Дагестане можно рассмотреть в монографии Аликишиева Р.Ш. [3], в которой содержатся интересные материалы о состоянии лазаретов и госпиталей, мероприятиях по борьбе с инфекционными заболеваниями, о проведении первых мероприятий в сфере развития здравоохранения после установления советской власти в Дагестане. В небольшой по объему монографии Ибрагимова М.И. [4] также можно обнаружить сведения о проведении мероприятий по борьбе с малярией в

регионе, о первых мероприятиях в становлении государственной системы здравоохранения. Некоторые аспекты развития медицины в Дагестане освещены в работах Абилова А.А. [5], Каймаразова Г.Ш. [6], Мирзабекова М.Я. [7], Алиева О.Д. [8], Каймаразовой Л.Г. [9], Нагиевой М.К. [10].

Материалы и методы исследования. Данное исследование выполнено с применением общепринятых методов исторических исследований. Это методы анализа и синтеза, а также сравнительно-исторический, статистический и проблемно-хронологический методы.

Результаты исследования. В конце XIX в. в Дагестане появились первые медицинские работники из числа коренных народов, которые после окончания Тифлисской фельдшерской школы работали в республике: А. Айдинбеков, Д. Мейланов, М. Дибиров, М. Нахибашев, впоследствии занимавший должность министра здравоохранения ДАССР. Среди окончивших Тифлисскую фельдшерскую школу был также Алхасов Гаджи, получивший в 1910 г. диплом с отличием. После приезда в Дагестан начал трудовую деятельность в Карадахской сельской больнице Гунибского округа, затем заведовал Аракансским фельдшерским пунктом. С 1913 по 1921 г. работал в Темир-Хан-Шуринской психиатрической больнице лекарем, смотрителем, а впоследствии стал заведующим. В 1918 г. после установления советской власти в некоторых округах Дагестана, Г. Алхасов активно выступал за создание учреждений здравоохранения. После окончательного установления советской власти в республике в 1921 г. он был назначен заведующим Андийским окружным отделом здравоохранения. В последующем некоторое время руководил больницами в Терекли-Мектебе и Нижнем Джентугтае, также Ботлихским окружным здравотделом. С 1928 г. работал в структуре Наркомата здравоохранения ДАССР [11].

На начало XX в. в регионе наблюдается небольшой рост медицинский учре-

ждений, но медицинское обслуживание местного населения оставалось, как и прежде, на низком уровне. Так, по данным Обзора Дагестанской области за 1904 г., в округах области в 1900 г. было всего 9 врачей, при каждом из них находилось по три фельдшера и три оспопрививателя. В области насчитывалось 9 аптек [12, с. 45].

После установления советской власти острой проблемой оставалось отсутствие медицинских работников. Для разрешения этой проблемы на заседании коллегии медико-санитарного отдела в 1918 г. было принято решение об организации в Темир-Хан-Шуре фельдшерской школы. После всестороннего обсуждения данного вопроса, принимая во внимание, что Дагестанская область ощущала острый недостаток в медицинских кадрах, а в особенности в местном медицинском персонале, комиссия пришла к заключению, что открытие фельдшерской школы в области является насущной и неотложной задачей.

На основании вышеизложенного врачом Д. Урусовым был представлен проект организации фельдшерской школы, в которой должны были готовить медицинских и ветеринарных фельдшеров, преимущественно из местного населения. Школа открывалась на 50 чел., для них при Темир-Хан-Шуринском местном лазарете было выделено помещение под общежитие, здесь же при лазарете проходили занятия. Из 50 учащихся 30 готовились стать медицинскими фельдшерами и 20 – ветеринарными фельдшерами. Комплектование школы производилось из всех 10 округов Дагестанской области, по три человека от каждого округа¹. В виде исключения в школу допускались горячки, которые должны были числиться как приходящие.

Все расходы, связанные с содержанием школы и материальным обеспечением учеников, взяло на себя правительство. Ученикам ежемесячно выплачивалась стипендия в размере 50 руб., курс обу-

¹ ЦГА РД. Ф. р-32. Оп. 2. Д. 12. Л. 6.

чения продолжался 6–8 месяцев. После окончания школы выпускники обязаны были прослужить на территории Горской республики не менее двух лет, для них устанавливался оклад в размере, который приравнивался к другим фельдшерским окладам Горской республики, а в отношении прав – к ротным фельдшерам².

Для учащихся были составлены две программы обучения. Для подготовки медицинских фельдшеров вводились следующие предметы: анатомия, физиология, хирургия, рецептуры с фармакологией, гигиена, уход за больными, нервные, внутренние, глазные, женские, кожные и венерические болезни, латинский язык. Для ветеринарных фельдшеров – анатомия домашних животных, физиология, патология, терапия, хирургия, акушерство, ковка лошадей, фармакология с рецептурой, инфекционные и инвазионные болезни, зоогигиена, скотоводство и латинский язык³. Необходимо отметить, что финансовое содержание фельдшерской школы, открытие которой было инициировано горским правительством в 1918 г. (в связи с прекращением деятельности горского правительства), уже в 1919 г. отпускалось Терско-Дагестанским краем. Так, на 2 сентября 1919 г. на содержание фельдшерской школы было выделено 90 тыс. руб. В августе 1919 г. состоялись первые проверочные экзамены для учащихся школы. Одним из экзаменаторов был врач Плоткин, представлявший врачебно-санитарный отдел, он отмечал, что все присутствовавшие ученики успешно сдали экзамены, за исключением двух, которые после окончания школы получили звание санитаров-дезинфекторов⁴. Фельдшерская школа функционировала до октября 1919 г., многие ее выпускники были задействованы в качестве фельдшеров и стали работать в округах Дагестанской области.

² ЦГА РД. Ф. р-32. Оп. 2. Д. 12. Л. 7.

³ ЦГА РД. Ф. р-32. Оп. 2. Д. 12. Л. 7.

⁴ ЦГА РД. Ф. р-32. Оп. 2. Д. 12. Л. 30.

В 1920 г. после окончательного установления советской власти в Дагестане отделом здравоохранения г. Темир-Хан-Шуры было направлено письмо в Ревком Дагестана с просьбой о выделении финансирования на открытие Дагестанской фельдшерско-акушерской школы. Необходимо отметить, что на базе уже существовавшей фельдшерской школы открывалась фельдшерско-акушерская школа, в которой увеличивалось число учеников и сроки обучения. Число учеников возросло до 60, из которых было 50 мужчин и 10 женщин. Комплектование учеников происходило из 10 округов Дагестана по 6 человек из каждого округа. В случае недобора учеников объявлялся дополнительный прием из Темир-Хан-Шуринского округа и городов Петровска и Дербента⁵. Преподавание медицинских дисциплин осуществлялось на русском языке, поэтому и при приеме учеников предпочтение отдавалось тем, кто хоть в какой-то мере владел русским языком. Двухлетний курс обучения включал месячный отдых в году, а также обязательство проработать в Дагестане после окончания школы 4 года. Учительский корпус составляли в основном врачи, педагоги и провизоры, которые имели специальное образование.

Все расходы по содержанию школы и учащихся нес Дагестанский ревком. Продовольственные расходы на каждого из 60 учеников в сутки были следующими: 250 руб.–1500 руб., общее содержание по 500 руб.–30 000 руб., зарплата преподавателям начислялась согласно почасовой оплате⁶.

В апреле 1920 г. доктор Д. Урусов обращается в Ревком Дагестана с просьбой ходатайствовать перед Кавказским ревкомом о срочном командировании на службу в Дагестан 17 врачей, 52 фельдшеров и 19 фельдшеров-акушерок из Терской

⁵ ЦГА РД. Ф. р-4. Оп. 2. Д. 38. Л. 64.

⁶ ЦГА РД. Ф. р-4. Оп. 2. Д. 38. Л. 65.

области. Отправка в республику хоть и небольшого числа медицинских работников, а также открытие в Дагестане фельдшерско-акушерской школы хоть и незначительно, но решало проблему нехватки средних медицинских кадров. Д. Урусов считал: «Немедленное открытие фельдшерской школы в Дагестане является неотложной и насущной нуждой, и все те материальные жертвы, которые будут затрачены на это благое и гуманное дело, с лихвой окупятся в самый короткий срок»⁷.

В Центральном государственном архиве РД встречаются документы, изучение которых позволяет нам рассмотреть существовавшие правила приема для поступления в средние медицинские школы республики. К примеру, для поступления в акушерский техникум и школу сестер-воспитательниц девушки должны были пройти специальные испытания до 25 августа, эта уже окончательная дата для зачисления поступивших. При себе девушки должны иметь следующие документы: направление в командировку от здравотдела, заявление с краткой биографией, метрическое свидетельство, удостоверение от врача, документ об образовании и договор, заключенный с командирующей ее организацией. Направляющая организация брала на себя обязательства оплачивать стипендию во время учебы не ниже 20 руб. ежемесячно. После окончания курсов молодой специалист обязан был отработать в учреждении, которое направляло его на учебу⁸, не менее 1 года.

Необходимо отметить, что на развитие лечебно-профилактической и санитарно-эпидемиологической сети республики неблагоприятно отражалась острая нехватка медицинских кадров, а также большая текучесть медперсонала, сведения о которых имелись в распоряжении Наркомздрава. Отсев медперсонала был вызван тяжелейшими условиями работы в горах, незнанием местных языков и условий, оторванностью

от культурных центров и т. д. Эта проблема постепенно начала решаться путем подготовки местных средних медицинских кадров в фельдшерско-акушерских школах.

В 1926 г. в Дагестане был открыт медицинский техникум, который начал готовить исключительно акушерок, что также являлось немаловажным фактом для такого региона. Ведь многие горянки не могли еще получать квалифицированную медицинскую помощь. В 1929 г. состоялся первый выпуск техникума в количестве 38 учащихся, среди которых были работницы, служащие, а также сельские труженицы. Национальный состав был таков: аварки, турчанки, горские еврейки, русские и т. д. [2, с. 146].

Ведущее место в системе подготовки кадров со специальным образованием занимали средние медицинские учреждения, так как республика остро нуждалась в медицинских кадрах и их подготовка находилась под постоянным контролем специальных органов власти. Увеличение числа учреждений здравоохранения, проведение профилактических мероприятий против многих заболеваний способствовали повышению общекультурного уровня среди местного населения, снижению эпидемических заболеваний, а также повышению авторитета медицинских работников и доверительного отношения к ним, которого ранее со стороны горцев не наблюдалось.

Представители коренных народов составляли то ядро, ради которого и был открыт медицинский техникум. В задачу техникума входило дать девушкам квалифицированное среднее медицинское образование, чтобы они могли оказывать необходимую медицинскую помощь горянкам. Медицинский техникум состоял из пяти групп, из которых две были подготовительными, они включали предметы общеобразовательного плана: математику, природоведение, физику, географию, русский и тюркский языки и т. д. Остальные же три группы были специализированными. В этих группах учащиеся изучали анато-

⁷ ЦГА РД. Ф. р-4. Оп. 2. Д. 38. Л. 66.

⁸ ЦГА РД. Ф. р-23. Оп. 6. Д. 5. Л. 83.

мию, физиологию, гистологию, проходили курс охраны материнства и младенчества, социальную гигиену. Основной уклон делался на курс акушерства, так как на выходе все студентки должны были получить специальность – акушерка. При техникуме функционировал интернат, где проживало много девушек из горных сел – Хунзах, Ачикулак, Цовкра и других горных районов республики, которые, несмотря на все трудности, стремились получить качественное образование и в дальнейшем трудоустроиться в своих селах. В 1933 г. в медицинском техникуме открывается зубоврачебное отделение, а позднее – фармацевтическое, лабораторное и энтомологическое.

Помимо открытия внутри республики медицинских техникумов, в 1920-е гг. подготовка медицинских кадров стала осуществляться и за пределами республики. Так, к началу 1931 г. за пределами Дагестана в высших медицинских учебных заведениях обучался 91 студент⁹, причем ежегодно большое количество заявлений об отправке на учебу оставалось без удовлетворения из-за недостаточности предоставляемых Дагестану вузам мест. За годы первого пятилетнего плана развития народного хозяйства страны, принятого в 1928 г., в Дагестане было открыто четыре средних медицинских учебных заведения, к 1932 г. их число достигло восьми, в которых обучался 1141 учащийся [4, с. 125].

Для улучшения подготовки средних медицинских кадров Совнарком ДАССР в июле 1939 г. принял постановление «Об утверждении сети средних медицинских школ ДАССР»¹⁰, согласно которому была утверждена сеть средних медицинских школ по республике со следующими профилями. Так, в Махачкале была утверждена Дагестанская фельдшерско-акушерская и зубоврачебная школа с отделениями: фельдшерское, акушерское,

зубоврачебное, сестер ОММ*, медсестер, санитарных фельдшеров, лаборантов. В Дербенте – средняя медицинская школа с отделениями: акушерское и медицинских сестер. В Буйнакске и Хасавюрте с тремя отделениями: акушерское, медсестер и сестер ОММ. Контингент приема на 1939–1940 учебный год в этих школах был утвержден следующий: фельдшеров – 160 чел., санитарных фельдшеров – 40, акушерок – 150, медсестер – 160, медсестер детских учреждений – 60, зубных врачей – 30. Всего 600 чел.¹¹.

Согласно документу срок обучения в акушерских отделениях медицинских школ увеличивался до 3 лет, это способствовало бы улучшению подготовки акушерок к самостоятельной работе. Курсы медицинских лаборантов реорганизовывались в специальные отделения фельдшерско-акушерской школы с 2-годичным сроком обучения и установленным контингентом приема в 35 чел.¹².

С 1939 г. в Махачкале были организованы постоянно действующие 2-месячные курсы по усовершенствованию фельдшеров и акушерок с законченным средним медицинским образованием с отрывом от производства. В первую очередь курсы должны были пройти фельдшеры и акушерки, отработавшие на селе свыше 5 лет, а также заведующие самостоятельными фельдшерско-акушерскими пунктами и колхозными родильными домами. За период прохождения обучения на курсах за всеми медработниками сохранялось рабочее место и заработка плата. Преподаватели фельдшерских, акушерских и среднемедицинских школ по основным клиническим дисциплинам, таким как хирургия, внутренние болезни, акушерство, детские болезни, инфекционные болезни и других, были из числа лечащих врачей

⁹ ЦГА РД. Ф. р-23. Оп. 34. Д. 10. Л. 17.

¹⁰ ЦГА РД. Ф. р-168. Оп. 19. Д. 116. Л. 12.

* ОММ – Охрана материнства и детства.

¹¹ ЦГА РД. Ф. р-168. Оп. 19. Д. 116. Л. 13.

¹² ЦГА РД. Ф. р-168. Оп. 19. Д. 116. Л. 13.

больницы, на базе которой велось преподавание данной дисциплины.

Острая нехватка медицинских кадров, как средней, так и высшей квалификации, большая текучесть медперсонала требовали организации и открытия своего медицинского института по подготовке национальных медицинских кадров не только для Дагестана, но и для других республик и областей Северного Кавказа. В интересах обеспечения лечебно-профилактической, санитарно-эпидемической сети Дагестана, учреждений по охране материнства и младенчества и охране здоровья детей и подростков национальными кадрами, имея необходимую базу для ее развертывания, Народный комиссариат здравоохранения считал необходимым организацию медицинского института осенью 1932 г. в Махачкале с отнесением расходов по организации и содержанию его на госбюджет¹³.

Открытие Дагестанского государственного медицинского института явилось важной страницей в истории развития здравоохранения Дагестана, этим было заложено прочное основание для подготовки высших медицинских кадров не только для республики, но и для всего Северного Кавказа.

В 1940-е гг. с началом Великой Отечественной войны ситуация с медицинскими кадрами в республике коренным образом изменилась. Многие врачи и медсестры были мобилизованы на фронт, а оставшиеся в тылу работали в эвакогоспиталах и в гражданских лечебных учреждениях, более 200 врачей и 500 средних медработников были переведены на работу в эвакогоспитали. Средний медицинский персонал по сравнению с лечебным преобладал в сельской местности. Так, в городах насчитывалось 440 медсестер, а на селе – 540. В 1943 г. по специальностям средний медперсонал составлял: 331 медицинская сестра, в т. ч. 154 медсестры на селе;

246 фельдшеров, 167 из них работали в селах; 151 акушерка, из них 100 числились в сельской местности; 19 фельдшериц-акушерок, 14 в селах республики; 63 зубных врача, в т. ч. 27 на селе и т. д. [13, с. 15–21]. Активная подготовка медицинских сестер в годы войны проходила через организацию общества Красного Креста. Так, за период войны было подготовлено более 624 медсестры и более 969 сандружинниц, многие из которых были мобилизованы в действующую армию [14].

Республика продолжала остро нуждаться в подготовленных медицинских кадрах, как в средних медработниках, так и высшей квалификации. К 1945 г. требовалось 737 врачей для заполнения всех медицинских должностей, а было всего 399, нехватало 398 специалистов. Таким образом, укомплектованность врачебными кадрами лечебных и санитарно-эпидемических учреждений не превышала 44%. Средних медработников республике требовалось 2381 чел., имелось всего 1011 чел., что составляло 42%, то есть и здесь налицо недоукомплектованность средних медработников учреждений республики.

Для разрешения важной проблемы комплектации лечебных учреждений республики медицинскими кадрами был поставлен вопрос об увеличении набора студентов в медицинские школы республики. Так, в Буйнакской медицинской школе план приема на 1944–1945 учебный год составлял 30 чел., принято такое же количество учащихся. К началу учебного года всего числилось 117 студентов. По национальному составу количество учащихся составляло 48,17%, из них: 51,9% русских, 2,5% казанских татар, 1,7% азербайджанцев, 14% татов, 14% кумыков, 7,6% аварцев, 3,4% грузин, 2,5% лакцев, 0,8% кабардинцев, 0,8% осетин, 0,8 % армян¹⁴.

Махачкалинская медицинская школа с планом приема на 1944–1945 учебный

¹³ ЦГА РД. Ф. р-23. Оп. 34. Д. 10. Л. 18.

¹⁴ ЦГА РД. Ф. 1-п. Оп. 1. Д. 6358. Л. 5.

год в 170 чел. значительно перевыполнила его и приняла 216 студентов. К началу учебного года здесь обучалось 492 чел., из которых 88,5% русских, 1% казанских татар, 1,4% азербайджанцев, 3,2% кумыков, 1% аварцев, 2% лакцев, 2% лезгин, 0,4% даргинцев, 0,2% тюрок. Всего 11,5%¹⁵. Директором махачкалинской медшколы с 1946–1947 учебного года был назначен Малий Владимир Иванович. Учебной частью заведовала Смирнова Раиса Алексеевна. Школа имела свою библиотеку с общим количеством учебников в 1520 книг, из которых 930 были медицинского плана и более 500 – общеобразовательные¹⁶. Студенты ежедневно пользовались услугами библиотеки. Своего здания школа не имела, занятия проходили в здании школы механизации, а затем в здании женского педагогического училища. Конечно, в целом, отсутствие своего помещения, недостаточная обеспеченность учебными пособиями, топливом и ряд других причин влияли на подготовку соответствующих кадров. Поэтому эти вопросы требовали скорейшего решения.

О подготовке средних медицинских кадров в Дагестанской фельдшерско-акушерской и зубоврачебной школе в послевоенные годы можно проследить из отчета Юнусова Камиля Джанакаевича, занимавшего должность директора с 1946 г., учебной частью заведовали Федорова Нина Николаевна и Михельсон Михаил Давыдович, а практические занятия проходили под руководством Максудова Магомеда Магомедовича. К 1946–1947 учебному году школа насчитывала 525 учащихся, новый набор составил 204 чел.¹⁷. После окончания медшколы многие выпускники, работая почти во всех районах республики, продолжали держать тесную связь со школой и консультироваться со своими преподавателями.

¹⁵ Ф. 1-п. Оп. 1. Д. 6358. Л. 5.

¹⁶ Ф. р-23. Оп. 36. Д. 12. ЛЛ. 24-33.

¹⁷ ЦГА РД. Ф. р-23. Оп. 36. Д. 12. ЛЛ. 5.

К началу 1950-х гг. средних медицинских работников по штату в республике насчитывалось 3974 чел., реально работающих было 2374 чел. Статистические данные наглядно показывают существующую в тот период острую нехватку средних медработников. Из числа работающих в республике средних медицинских работников 254 были представителями местных народов Дагестана, из которых 37 – женщины¹⁸.

Учитывая острую потребность в медицинских кадрах, Министерство здравоохранения РСФСР оставило за республикой весь выпуск медицинского училища 1954 г., а также дополнительно отправило в Дагестан выпускников медицинских училищ Пятигорска, Ульяновска, Мичуринска и других городов страны. Для закрепления в республике специалистов и устранения их текучести в 1954 г. был издан приказ Минздрава РСФСР «О подготовке к встрече молодых специалистов выпуска 1954 г.»¹⁹, который обязывал районные здравотделы специально готовиться к приему специалистов на местах и создавать благоприятные условия для работы и быта молодых специалистов. Согласно приказу министра здравоохранения РСФСР, директоры медицинских институтов и медучилищ несли персональную ответственность за своевременный выезд специалистов в места назначения, а также за неисполнение данного приказа.

Медицинское сообщество страны довольно активно откликнулось на Постановление сентябрьского пленума ЦК КПСС «О мерах дальнейшего развития сельского хозяйства СССР»²⁰. Так, многие медработники изъявили желание поехать на работу в сельскую местность для медицинского обслуживания работников МТС, совхозов и колхозов. К примеру, в Дагестан приехали молодые специалисты,

¹⁸ ЦГА РД. Ф. 1-п. Оп. 1. Д. 9607. Л. 73.

¹⁹ ЦГА РД. Ф. р-23. Оп. 36. Д. 58. Л. 2.

²⁰ ЦГА РД. Ф. р-23. Оп. 36. Д. 58. Л. 3.

окончившие Ульяновскую, Мичуринскую медицинские школы, тогда как многие выпускники своей медшколы не всегда выезжали в село по распределению, в результате чего Министерству здравоохранения приходилось принимать серьезные меры для их трудоустройства. Со стороны руководства медицинских школ очень часто возникало недопонимание всей серьезности вопроса распределения медицинских кадров. Министерству здравоохранения приходилось реагировать на подобные проявления по всей строгости. Руководству медицинских школ было рекомендовано на постоянной основе устраивать встречи выпускников медучилища, работающих в сельских районах с учащимися, где будущие специалисты на примерах своих предшественников смогли бы познакомиться с условиями работы на селе.

Для увеличения контингента учащихся из представителей коренных народов Дагестана, с целью их дальнейшего трудоустройства в республике, необходимо было, в первую очередь, своевременно высылать представителей медицинских училищ в средние школы отдаленных районов республики для ознакомления школьников с порядком приема и условиями обучения в медицинских училищах.

В 1953 г. в Дагестане по приказу министра здравоохранения СССР были открыты три медицинских училища в Махачкале, Дербенте и Буйнакске, каждое училище было рассчитано на 60 абитуриентов, а в 1954 г. еще одно училище было открыто в гор. Хасавюрте²¹.

Таким образом, к 1954 г. Дагестанская республика насчитывала уже 5 медицинских училищ, которые занимались выпуском специалистов-медиков среднего звена. Медицинскими училищами была проведена большая подготовительная работа к приему учащихся. Так, всего было подано 1455 заявлений на 480 мест. На этот период приняли 106 выпускников 10-х классов

и 534 с 7-классным образованием. Прием составил чуть больше заявленных цифр, это было связано с тем, что в первый год обучения имелся достаточно большой отсев учащихся, которые неправлялись с представленной программой. Из зачисленных студентов 237 являлись представителями коренных народов республики и более 160 учащихся – представителями других народов²². В большинстве своем среди учащихся преобладали девушки, о чем наглядно можно проследить из статистических данных, которые ежегодно отправляли директоры училищ в качестве отчета о деятельности учебных заведений в Дагестанский обком КПСС. Так, в сообщении директора Дагестанского медицинского училища Мунчаева говорится, что в 1952–1953 учебном году его окончило 86 девушек, из них 15 горянок, в следующем 1953–1954 учебном году – 102 девушки, из них 10 горянок. В 1954–1955 учебном году в училище всего обучалось 471 девушка, из которых 108 были горянки²³. Директор открытого в сентябре 1954 г. Хасавюртовского медицинского училища Чигрин в отчете писал, что в 1955 г. здесь проходили обучение 63 девушки, в том числе 16 горянок²⁴. В 1955 г. было открыто еще одно медицинское училище в гор. Каспийске, под руководством врача Я.А. Мататова, рассчитанное на 60 абитуриентов²⁵, которые после выпуска пополнили ряды средних медицинских работников в учреждениях республики.

Обсуждение и заключение. Изучение проблем, связанных с подготовкой средних медицинских кадров в первой половине XX в., наглядно показывают, что формирование отряда средних медицинских работников в Дагестане проходила в общем русле перемен, которые осуществлялись

²² ЦГА РД. Ф. р-23. Оп. 36. Д. 58. Л. 6.

²³ ЦГА РД. Ф. 1-п. Оп. 2. Д. 898. Л. 2.

²⁴ ЦГА РД. Ф. 1-п. Оп. 2. Д. 898. Л. 3.

²⁵ ЦГА РД. Ф. р-23. Оп. 25. Д. 113. Л. 32.

²¹ ЦГА РД. Ф. р-23. Оп. 36. Д. 58. Л. 4.

в России после установления советской власти. В начале 1930-х гг. в стране происходила коренная реорганизация системы подготовки медицинских кадров. Резко возросшая потребность в специалистах, обусловленная форсированным рывком в социалистическом строительстве, показала существующие проблемы с их подготовкой. Существовавшая сеть медицинских вузов и ссузов в стране была рассчитана на небольшое количество студентов, характер их подготовки без строгого учета потребностей строящихся лечебных учреждений в узких специалистах требовали радикального пересмотра сложившейся системы медицинского образования.

В 1940-е и послевоенные годы на фоне увеличения количества раненых, инвалидов, профессия медицинского работника стала более престижной и востребованной в обществе. К середине 1950-х гг. республика насчитывала уже 5 средних медицинских училищ, которые профессионально занимались подготов-

кой средних медицинских работников. Это, не считая высшего медицинского вуза. Высокие показатели успеваемости в медицинских учебных заведениях страны были обусловлены качественным отбором абитуриентов, так как уже наблюдался большой поток желающих учиться на профессию врача или медицинской сестры.

Организация учебного процесса стала четкой, большую роль в этом играла воспитательная работа среди студентов. Постоянно совершенствовалась методика учебного процесса. Студентам выделялось больше времени на самостоятельную подготовку, для чего дополнительно готовились методические пособия. Основным источником для получения дополнительных профессиональных знаний для студентов медицинских учебных заведений на тот период являлась работа в научных кружках, которой стали уделять большое внимание послевоенные годы.

КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов

CONFLICT OF INTERESTS

The author declares no conflict of interests

ЛИТЕРАТУРА

1. Историческая справка [Электронный ресурс]: URL. <https://minzdravrd.e-dag.ru/versionprint/127?model=msections&url=minzdravrd.e-dag.ru%2fnaimenovanie>
2. Свистунова А.И. Прогрессивная деятельность русской интеллигенции в Дагестане (вторая половина XIX – начало XX вв.). Махачкала: Дагфилиал АН СССР, 1973. 148 с.
3. Аликишиев Р.Ш. Очерки по истории здравоохранения Дагестана. М.: Медгиз, 1958. 176 с.
4. Ибрагимов М.И. Становление и развитие системы здравоохранения Дагестана. Махачкала: Спринт, 2012. 173 с.
5. Абилов А.А. Очерки советской истории Дагестана. Т. II. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1957. 478 с.
6. Каймаразов Г.Ш. Очерки истории культуры народов Дагестана. От времени присоединения до наших дней. М.: Наука, 1971. 475 с.; Его же. Образование и наука в Дагестане в XX веке. Махачкала: Дагкнигоиздат, 2007. 464 с.
7. Мирзабеков М.Я., Ананьева Е.С., Юнаева В.Д. Культура дагестанского села в XX век: история, проблемы. Махачкала: БАРИ, 1998. 308 с.
8. Алиев О.Д., Исмаилов А.А. Здравоохранение в Дагестане. Исторический опыт и современные проблемы. Махачкала, 2007.

9. Каймаразова Л.Г. Социально-культурное развитие Дагестана в 1930-е гг.: гендерный аспект советской модернизации. Махачкала: АЛЕФ, 2022. 284 с.
10. Нагиева М.К. История развития здравоохранения в Дагестане в XX в. Т. I. (1900 – июнь 1941). Документы и материалы. Махачкала: ИИАЭ ДНЦ РАН, 2015. 286 с.; Ее же. Вклад женщин в социально-культурное развитие Дагестана в 1940-е гг. Махачкала: Тагиев Р.Х., 2024. 347 с.
11. Гаджиев А., Абдуллатипов А-К. От фельдшера до организатора здравоохранения в Дагестане [Электронный ресурс]: <https://yoldash.ru/times/History/ot-feldshera-do-organizatora-zdravookhraneniya-v-dagestane/>
12. Обзор Дагестанской области за 1904 г. Темир-Хан-Шура: Типография ар. Г. Зорина, 1905. 137 с.
13. Культурное строительство в Дагестанской АССР. 1941–1977. Сборник документов. Т. 2. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1988. 464 с.
14. Дагестанская правда. 1943. 29 авг.

REFERENCES

1. Historical background [Electronic resource]: URL. <https://minzdravrd.e-dag.ru/versionprint/127?model=msections&url=minzdravrd.e-dag.ru%2fnaimenovanie> [In Russ.]
2. Svistunova, A.I. Progressive activities of the Russian intelligentsia in Dagestan (second half of the 19th – early 20th centuries). Makhachkala: Dagbranch of the USSR Academy of Sciences, 1973. 148 p. [In Russ.]
3. Alikishiev, R.Sh. Essays on the history of healthcare in Dagestan. Moscow: Medgiz, 1958. 176 p. [In Russ.]
4. Ibragimov, M.I. Formation and development of the healthcare System in Dagestan. Makhachkala: Sprint, 2012. 173 p. [In Russ.]
5. Abilov, A.A. Essays on the Soviet history of Dagestan. Vol. II. Makhachkala: Dagknigoizdat, 1957. 478 p. [In Russ.]
6. Kaimarazov, G.Sh. Essays on the cultural history of the peoples of Dagestan. From the time of annexation to the present day. Moscow: Nauka, 1971. 475 p.; Ditto. Education and science in Dagestan in the 20th century. Makhachkala: Dagknigoizdat, 2007. 464 p. [In Russ.]
7. Mirzabekov, M.Ya., Ananyeva E.S., Yunaeva V.D. The Culture of the Dagestani village in the 20th century: history and problems. Makhachkala: BARI, 1998. 308 p. [In Russ.]
8. Aliev, O.D., Ismailov, A.A. Healthcare in Dagestan. Historical experience and contemporary problems. Makhachkala, 2007. [In Russ.]
9. Kaimarazova, L.G. Socio-cultural development of Dagestan in 1930s: the gender aspect of Soviet modernization. Makhachkala: ALEF, 2022. 284 p. [In Russ.]
10. Nagieva, M.K. History of healthcare development in Dagestan in the 20th century. Vol. I. (1900–June 1941). Documents and materials. Makhachkala: Institute of Historical and Ethnographic Ethnography, Dagestan Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, 2015. 286 p.; Ditto. Women's contribution to the socio-cultural development of Dagestan in the 1940s. Makhachkala: Tagiev R.Kh., 2024. 347 p. [In Russ.]
11. Gadzhiev, A., Abdullatipov, A-K. From a paramedic to a healthcare organizer in Dagestan [Electronic resource]: <https://yoldash.ru/times/History/ot-feldshera-do-organizatora-zdravookhraneniya-v-dagestane/> [In Russ.]
12. Review of the Dagestan Region for 1904. Temir-Khan-Shura: Printing House of G. Zorin, 1905. 137 p. [In Russ.]
13. Cultural development in the Dagestan ASSR. 1941–1977. Collection of documents. Vol. 2. Makhachkala: Dagknigoizdat, 1988. 464 p. [In Russ.]
14. Dagestanskaya Pravda. 1943. August 29. [In Russ.]

Информация об авторе / Information about the author

Мадина Курбанисмаиловна Нагиева, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра Российской академии наук, 367030, Российская Федерация, Республика Дагестан, г. Махачкала, ул. М. Ярагского, д. 75, e-mail: nagieva-73@mail.ru

Madina K. Nagieva, PhD (Hist.), Senior researcher, Institute of History, Archeology and Ethnography of the Dagestan Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences, the Russian Federation, the Republic of Daghestan, Makhachkala, 75 M. Yaragsky st., e-mail: nagieva-73@mail.ru

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.
The author has read and approved the final manuscript.

Поступила в редакцию 19.07.2025

Received 19.07.2025

Поступила после рецензирования 11.08.2025

Revised 11.08.2025

Принята к публикации 12.08.2025

Accepted 12.08.2025

Оригинальная статья / Original paper

<https://doi.org/10.47370/2078-1024-2025-17-4-54-66>
УДК 294(470.47)



Буддизм в социокультурном пространстве Калмыкии: современное состояние и тенденции

Н.Г. Очирова

*Федеральный исследовательский центр Южный научный центр
Российской академии наук, Ростов-на-Дону, Российская Федерация
ngochirova00@mail.ru*

Аннотация. Введение. Статья посвящена исследованию современного состояния и основных тенденций в развитии буддизма в социокультурном пространстве Калмыкии в конце XX – первой четверти XXI в. Основная цель статьи – комплексный анализ и освещение истории буддизма в Калмыкии на современном этапе как одного из основополагающих ценностей национальной культуры калмыцкого народа. Анализируется роль и влияние традиционных конфессий на сохранение стабильности в регионе, их взаимоотношение с органами государственной власти и общественными организациями.

Материалы и методы. В исследовании использованы ретроспективный, сравнительно-исторический и проблемно-хронологический методы, а также междисциплинарный подход с опорой на архивные, нормативно-правовые и научные источники.

Результаты исследования. Выявлено, что, несмотря на репрессивную политику советской власти, закрытие хурулов (монастырей) и отсутствие багшер и гелюнгов (буддийских учителей и священнослужителей), буддизм существовал как неотъемлемая часть этнокультурной идентичности калмыцкого народа. Показана выдающаяся роль Зая-пандиты в распространении буддизма среди волжских калмыков и всего монголоязычного мира. Проанализировано сотрудничество современной буддийской церкви Калмыкии с отечественным и международным буддийским сообществом, вклад в укрепление взаимопонимания, мира и согласия между народами.

Обсуждение и заключение. Буддизм играет ключевую роль в укреплении межконфессионального согласия, духовно-нравственного воспитания молодежи и сохранении национальной культуры. Его интеграция в современное социокультурное пространство Калмыкии демонстрирует устойчивую тенденцию к дальнейшему развитию и институционализации.

Ключевые слова: Россия, Калмыкия, история, буддизм, религия, репрессии, государственные органы власти, межконфессиональное взаимодействие

Благодарность. Работа выполнена в рамках государственного задания ЮНЦ РАН на 2025 г., № гос. рег. 125011200150-2.

Для цитирования: Очирова Н.Г. Буддизм в социокультурном пространстве Калмыкии: современное состояние и тенденции. *Вестник Майкопского государственного технологического университета*. 2025; 17(4): 54–66. <https://doi.org/10.47370/2078-1024-2025-17-4-54-66>

Buddhism in the sociocultural space of Kalmykia: current status and trends

N.G. Ochirova

*Federal Research Center, Southern Scientific Center, the Russian Academy of Sciences,
Rostov-on-Don, the Russian Federation
ngochirova00@mail.ru*

Abstract. Introduction. The article examines the current status and main trends in the development of Buddhism in the sociocultural space of Kalmykia from the late 20th to the first quarter of the 21st century. The main objective is to comprehensively analyze and illuminate the history of Buddhism in Kalmykia today, as one of the fundamental values of the national culture of the Kalmyk people. The role and influence of traditional faiths in maintaining stability in the region, as well as their relationship with government bodies and public organizations, have been analyzed.

The materials and methods. The study utilizes retrospective, comparative historical, and problem-chronological methods, as well as an interdisciplinary approach based on archival, legal, and scholarly sources.

The research results. It has been revealed that despite the repressive policies of the Soviet regime, the closure of khuruls (monasteries), and the absence of bagshis and gelungs (Buddhist teachers and clergy), Buddhism persisted as an integral part of the ethnocultural identity of the Kalmyk people. The outstanding role of Zaya-pandita in spreading Buddhism among the Volga Kalmyks and the entire Mongolian-speaking world is demonstrated. The collaboration of the modern Buddhist Church of Kalmykia with the domestic and international Buddhist community and its contribution to strengthening mutual understanding, peace, and harmony between peoples is analyzed.

Discussion and conclusion. Buddhism plays a key role in strengthening interfaith harmony, the spiritual and moral education of youth, and the preservation of national culture. Its integration into the modern sociocultural space of Kalmykia demonstrates a steady trend toward further development and institutionalization.

Keywords: Russia, Kalmykia, history, Buddhism, religion, repression, government authorities, interfaith interaction

Note of acknowledgment. The research was carried out within the framework of the state assignment of the Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences for 2025, state registration number 125011200150-2.

For citation: Ochirova N.G. Buddhism in the sociocultural space of Kalmykia: current status and trends. *Vestnik Majkopskogo gosudarstvennogo tehnologičeskogo universiteta*. 2025; 17 (4): 54–66. <https://doi.org/10.47370/2078-1024-2025-17-4-54-66>

Введение. Одним из уникальных национальных регионов Российской Федерации является Республика Калмыкия. Калмыки, приковав в пределы Российского государства из Центральной Азии в начале XVII века и заняв степи в низовьях Волги и по берегам Дона, оказались единственным этносом «азиатского происхождения» в Европе. Добровольно войдя в пространство Российского государства и находясь в нем свыше четырех столетий,

они вместе со всем многонациональным народом страны пережили тяжелейшие социальные катаклизмы, испытали горечь поражений и радость побед.

Будучи кочевым народом, калмыки владели не только неисчислимыми табунами лошадей, стадами крупного рогатого скота и верблюдов, но имели богатую духовную и материальную культуру, национальную письменность, восходившую своими корнями к старомонгольской

традиции, обладали сокровищами устного народного творчества, вершиной которого был калмыцкий героический эпос «Джангар». Вдали от своей прародины, оторванные от сородичей, они стали одним из малочисленных российских народов и, продолжая свое развитие в новых исторических условиях, в иноэтнической, иноязычной и в другой конфессиональной среде, стремились сохранить свою самобытную культуру, вековые традиции предков, свой язык и одну из древнейших мировых религий – буддизм.

Как отмечают исследователи, ойраты – предки калмыков – стали последователями буддизма не позднее XII в. В последней трети XVI в. в монгольском мире, в том числе и у калмыков, буддийская вера получает широкое распространение. Этому во многом способствовала ойратская знать, которая прилагала огромные усилия для внедрения буддизма среди соплеменников. В этих целях ойратские (калмыцкие) правители посвящали в тойоны (духовное лицо из привилегированного сословия) по одному из своих сыновей, что свидетельствовало о значении, которое они придавали распространению буддийской религии в среде народа и авторитету священнослужителей, одновременно строя планы о создании в будущем объединенного могущественного монголоязычного государства под эгидой лхасских первосвященников.

Одним из юношей, направленных на обучение и воспитание в Лхасу, был приемный сын Байбагас-хана, будущий Зая-пандита, выдающийся религиозный и общественно-политический деятель, просветитель и гуманист, создатель национальной письменности и литературы, внесший бесценный вклад в историю и духовную культуру ойрат-калмыцкого народа. Жизнь и деятельность Зая-пандиты пришлась на бурное время, когда ойратам принадлежала важная роль на всем огромном центральноазиатском пространстве, где пересекались торговые пути между Западом и Востоком.

Зая-пандита дважды посещал волжских калмыков и сыграл важную роль в широком распространении буддизма среди кочевого народа [16]. Зая-пандита, будучи на Волге в 1645 и 1655 гг., распространяя среди них учение Будды, совершал богослужения, читал проповеди, принимал участие в урегулировании вопросов, связанных с взаимоотношениями ойратской знати. Это время отмечено интенсивными контактами Калмыцкого ханства с Тибетом и его высшими иерархами, прежде всего, с Далай-ламой V, сопровождавшиеся достаточно частыми и длительными путешествиями калмыцких тайшей в Лхасу на поклонение и получение религиозных наставлений. Тайши нередко обсуждали с Верховным иерархом Тибета Далай-ламой V проблемы политического характера, которые касались внутренней жизни Калмыцкого ханства. Кроме того, обращались с вопросами обучения детей, решали вопросы об оснащении монастырей буддийской литературой и пр. С тех пор и поныне буддизм в Калмыкии тесно связан с тибетским буддизмом. Таким образом, Калмыкия – единственный европейский регион, где традиционно распространен тибетский буддизм, который калмыки исповедуют с конца XVI века, основной их школой является Гелуг.

Обзор литературы. Вопросы религии и государственно-церковных отношений всегда вызывали живой интерес у отечественных и зарубежных исследователей. Так, различные стороны конфессиональных проблем, в частности буддизма, нашли отражение в трудах основоположников отечественной буддологии В.П. Васильева [4], И.П. Минаева [14], А.М. Позднеева [18].

Многим аспектам государственно-церковных отношений, религиозной политики посвящены труды А.А. Красикова [13], Ф.М. Мухаметшина [15], П.К. Дашковского, У.П. Бичелдея, А.В. Монгуш [7], И.Г. Актамова, Т.Б. Бадмацыренова, Ц. Цэцэнбилэг [1], Ц.П. Ванчиковой, С. Цэдэндамба [3].

В русле рассматриваемой проблемы важными представляются работы зарубежных и отечественных авторов, в частности по развитию буддизма в Монголии, где проживают родственные калмыкам народы. Исследованиям социорелигиозных процессов в Монголии посвящены труды М. Гантуяа [5], П.К. Дацковского, М. Гантуяа, Е.А. Шершневой, И. Бүрэнэлзий и др. [8], И.В. Колосовой [12].

Отдельный блок рассматриваемой в статье проблематики представлен работами калмыцких исследователей, таких как Г.Ш. Дорджиева [9], В.Т. Тепкеев, В.П., Санчиров [19], Э.-Б.М. Гучинова [6], С.С. Белоусов [2].

Следует отметить, что заметным вкладом в историю отечественной буддологии стали фундаментальные труды «История буддизма в СССР и Российской Федерации 1985–1999 гг. [10], «Калмыки» [11].

Одним из видных теоретиков концепции постсекулярности считается Юрген Хабермас (2008) [21], который рассматривал постсекулярность как результат развития высокоразвитых европейских обществ. Этот подход выносит за рамки социорелигиозные процессы в странах Азии и Африки, а также Восточной Европы, в том числе и в России в силу специфики процессов, протекавших в этих странах. Различие в секулярности обуславливает и разницу в процессах постсекулярности. П. Бергер даже обозначил модель евросекулярности [17, с. 10].

Материалы, методы. Прошло уже более 260 лет со времени законодательного утверждения и признания буддизма в качестве одной из традиционных религий России. Буддийская вера явилаась второй после православия официально признанной религией страны. Екатерина II, утвердившая в России институт Пандито Хамбо-Лам, была признана буддистами воплощением Белой Тары, божества, символизирующего чистоту, мудрость, сострадание, долголетие и исцеление. На протяжении всей истории буддизм в

России, как и все традиционные религии, в своем развитии прошел ряд этапов, которые в полной мере отражают историю и сложный путь, пройденный страной. Предметом настоящего исследования является процесс постсоветского возрождения буддизма в Калмыкии (конец XX – первая четверть XXI в.). Цель данной статьи – комплексный анализ и освещение развития буддизма в Калмыкии на современном этапе как одного из основополагающих духовных ценностей калмыцкого народа. Исходя из поставленной цели, автор формулирует новизну работы, отмечая, что комплексное изучение данной проблемы в означеный период исследователями ранее не проводилось. Актуальность исследования продиктована, прежде всего, проблемами буддизма, связанными с советской политикой секуляризации религии, восстановлением буддийской веры в современном калмыцком обществе, осмыслинением историко-культурного наследия как источника получения новых знаний в духовной сфере, достижением стабильности и согласия в регионе, воспитания подрастающего поколения на нравственных ценностях предыдущих поколений, выработкой новых подходов в разработке национальной политики в многонациональной Российской Федерации. Немаловажным фактором является рост интереса к буддизму в мире, что способствует развитию контактов и сотрудничеству российских верующих с буддийскими центрами зарубежных стран для установления мира и согласия между народами. С методологической точки зрения данное исследование представляет собой опыт выстраивания комплексного видения проблемы. Междисциплинарный, комплексный подход в решении текущих исследовательских задач дает возможность синтезировать все релевантные аспекты изучения современной истории возрождения буддизма в Калмыкии и ее тенденции. В исследовании использованы также ретроспективный, сравнительно-

исторический и проблемно-хронологический методы. Автору настоящей работы в определенной степени удалось отразить религиозную ситуацию в регионе в контексте новых политических реалий и государственно-конфессиональных отношений в современный период.

Результаты исследования. В конце XX – начале XXI в. произошли коренные изменения в государственном и политическом строе России. Важной составной частью общих социально-политических реформ стала демократизация государственно-церковных отношений и религиозной сферы. Были устраниены ранее существовавшие административные ограничения на культовую и вероисповедную деятельность, существенным образом изменившие государственно-конфессиональные отношения. В этих условиях в обществе начался поиск оптимальных решений по духовному возрождению России. Духовное обновление всех сфер жизни, в том числе и религиозной, происходит в эти годы в постсоветской Калмыкии, в которой проживают представители трех традиционных мировых религий – буддизма, православия и ислама. В период с 1990 по 1997 г. кардинально изменилось законодательство Российской Федерации и ее субъектов о свободе совести и вероисповеданий. Начался стремительный процесс возрождения религии и активное участие религиозных организаций в общественно-политической, культурной, экономической и других сферах общества. На фоне этих событий значительно активизировали свою деятельность верующие традиционных конфессий Калмыкии. Следует отметить, что среди мировых религий, исповедуемых российскими народами, с середины 1980-х годов значительное развитие получил буддизм, находившийся в годы советской секуляризации в Калмыкии практически на грани исчезновения. В конце 30-х гг. прошлого столетия хурулы (храмы) были повсеместно закрыты, разрушены. В свя-

зи с незаконной 13-летней депортацией калмыцкого народа в восточные районы страны, книги, рукописи, буддийские тексты, картины и другие культурные и материальные ценности, напоминавшие о калмыцком этносе и его истории, были изъяты из пользования, что способствовало тому, что выросли поколения, не знавшие своей этнической истории. Более того, после возвращения из депортации практически утратившие родной язык калмыки, воспитанные на антирелигиозной пропаганде советского времени, отказывались от предметов культа (буддийских реликвий в виде скульптурных изображений божеств, четок и пр.), сохранившихся в их семьях от ушедших в иной мир старших родственников, в лучшем случае передавая их в краеведческие музеи, но чаще закапывая в степи или на курганах, поскольку буддизм и всякая другая религия считались в стране «пережитком прошлого».

Калмыкия в советское время часто позиционировалась среди других регионов как атеистическая республика, в которой религиозность населения была преодоленной. В этих условиях единственными источниками знаний о буддизме для подрастающего поколения были старшие родственники (бабушки, дедушки), носители калмыцкой духовной культуры, традиционного верования. К ним следует отнести и небольшое число представителей буддийского духовенства, выживших в годы гонений на религию и практиковавших тайно от официальных органов, занимаясь различного вида обрядами жизненного цикла и др. Таково было положение буддизма в Калмыкии накануне начала его возвращения в калмыцкое общество. Кардинальные перемены, произошедшие в стране, и процессы демократизации в обществе на волне перестройки в конце 1980-х гг. вызвали всплеск и активизацию деятельности различных групп, объединений верующих – буддистов, православных, последователей ислама в Калмыкии. Они обращались в органы государственной власти с настоя-

тельной просьбой об оказания содействия в возрождении конфессий, в регистрации религиозных общественных организаций и общин, строительстве хурулов (храмов) и церквей.

Несмотря на значительный ущерб, нанесенный советской политикой секуляризации, в 1985–2000-е гг. начинается мощный процесс «возрождения» конфессий и их участие в общественно-политической, культурной, военной, экономической и других сферах современного российского общества. В течение 1990–1997 гг. изменяется законодательство о свободе совести и вероисповеданий в Российской Федерации. Так, 26 сентября 1997 г. был принят Федеральный Закон РФ «О свободе совести и религиозных объединениях» № 125, оформивший юридическую базу конфессиональной политики современного российского государства. Данным Законом закрепляются светский характер российского государства, принцип невмешательства государства в деятельность религиозных объединений, если она не противоречит законодательству РФ [20].

Обсуждение и заключение. В конце 80-х – начале 90-х гг. прошлого века процессы перестройки и демократизации в СССР и России привели к существенному изменению характера общественных отношений. После многих лет забвения наступило время бурного развития буддийских институтов, регистрации религиозных организаций, а также накопления новых знаний о буддизме, особенно это ярко просматривается в традиционных «буддийских» регионах России – Бурятии, Калмыкии, Туве, имеющих давнюю и богатую историю. Первая буддийская община в Калмыкии была зарегистрирована в 1985 г. в период, названный в новейшей историографии России «перестройкой». К этому времени в республике осталось не более десяти человек, которые некогда являлись священнослужителями и имели дореволюционное буддийское

образование, прошедшие через горнило репрессивной политики советской власти, большинство из них отсидели в лагерях. По сути, кроме них, в республике не было людей, практиковавших буддийскую веру, знакомых с основополагающими принципами учения Будды. В этих непростых условиях начиналось возвращение буддизма в социорелигиозное пространство Калмыкии. В связи со сложившимися обстоятельствами другим направлением на пути к возрождению буддизма в Калмыкии стало привлечение на службу священнослужителей из Бурятии и Монголии, а также подготовка кадров для обучения в Иволгинском дацане Бурятии, а позже в Монголии и Индии. Людей для выезда на учебу было вначале немного, но они были с определенной мотивацией на религиозную деятельность, ссылаясь на родственников старшего поколения, которые до советской власти служили в калмыцких хурулах (храмах). Особенное значение для возрождающегося буддизма имело посещение Калмыкии в 1989 г. авторитетной личностью в буддийском мире Кушокой Бакулой Ринпоче, возглавлявшим Азиатскую буддийскую конференцию (АБКМ) и в течение длительного периода являвшимся послом Индии в Монголии. Большинство калмыков, даже старшего поколения, впервые имели возможность лицезреть и общаться со столь высоким духовным лицом. Многие впервые видели облачение буддийского монаха, которое абсолютно многим современным калмыкам было незнакомо, не говоря уже о буддийском вероучении и богослужениях. Пребывание в республике высокого духовного лица, встречи его с общественностью, выступления в средствах массовой информации воодушевили верующих, дали новый импульс и побудили к действию дремавшее доселе национальное самосознание калмыцкого этноса.

С началом процессов возвращения религии в жизнь общества, инициированное законодательными актами государства,

активное участие в решении конфессиональных вопросов играли властные структуры республики, поскольку это направление работы рассматривалось как важная составляющая на пути к демократизации, гласности, объявленной государством «перестройки». Вопросы кадрового обеспечения, решавшиеся в характеризуемый период с помощью командированных бурятских священнослужителей, также постоянно находились в зоне пристального внимания руководства Калмыкии. В 1990 г. при содействии Совета Министров Калмыцкой АССР в Монголию была направлена первая группа (5 человек) будущих священнослужителей для обучения в Улан-Баторской духовной академии (Монголия). Вскоре группа из семи человек была направлена на учебу в Иволгинский дацан Бурятии. Условиями для их отправления на учебу были: совершеннолетний возраст, наличие полного среднего образования и др. Первый набор студентов составляли будущие священнослужители в возрасте от 22 до 37 лет. Они были направлены в регионы распространения буддизма, где проживали родственные калмыкам монголоязычные народы (монголы, буряты). Кроме того, обозначилась устойчивая тенденция получения духовного образования в монастырях и университетах Индии.

Вопросами кадровой подготовки священнослужителей активно занимались депутаты Верховного Совета Калмыцкой АССР, прежде всего, образованная при высшем органе представительной власти Комиссия по национальной политике, межнациональным отношениям и религии (предс. Н.Г. Очирова). На заседаниях Комиссии депутаты ВС РК-ХТ регулярно рассматривали вопросы, связанные с состоянием дел в религиозной сфере, подготовки кадров для хурулов, проявляли заботу о направленных на обучение, связываясь с органами власти соответствующих регионов, способствовали взаимодействию конфессий по сохранению мира

и стабильности в регионе, участвовали в конференциях буддистов Калмыкии, встречались с представителями других традиционных конфессий, выступали с разъяснениями новых правил регистрации религиозных организаций и пр. Депутаты Верховного совета Калмыкии информировали верующих о своей деятельности, о мерах, принимаемых по их запросам.

В рамках существующего законодательства представители традиционных религиозных объединений включаются в политическую систему республики на правах общественных объединений, гражданского общества, выражителей мнения определенной части населения. Они участвуют в работе различных советов при органах государственной и муниципальной власти региона, играют роль экспертов при обсуждении каких-либо вопросов, проектов нормативно-правовых актов и пр. Большое распространение приобретают совместные мероприятия с государственными органами власти всех уровней, носящие публичный характер и широко освещющиеся в средствах массовой информации. Обычно они были направлены на решение каких-либо острых социальных проблем: воспитание молодежи, борьба с наркоманией и преступностью, аварийностью на дорогах и пр. В частности, по инициативе буддийской общины Советом Министров Калмыцкой АССР (до 18 октября 1990 г.) направлялось обращение мэру г. Ленинграда (ныне г. Санкт-Петербург) А. Собчаку о содействии в возвращении Калмыцкому хурулу предметов буддийского культа, отправленных в свое время (1913) в буддийский дацан (монастырь) Гунзэчойнэй, находившийся в г. Ленинграде (г. Санкт-Петербург).

Возвращение буддийской веры в калмыцкое общество вызвало живой интерес в различных центрах буддизма за рубежом, и в первую очередь, что было отрадно, в офисе Его Святейшества Далай-ламы XIV, сообщение о котором было тепло встречено жителями Калмыкии. В апреле 1991 г.,

по приглашению руководства Калмыкии, состоялось посещение республики делегацией тибетского правительства, которое положило начало возобновлению контактов, прерванных на длительный период в силу исторических обстоятельств. Одним из важнейших результатов этой встречи стал визит Его Святейшества Далай-ламы XIV в Калмыкию с 25 июля по 30 июля 1991 г. Незадолго до приезда высшего буддийского иерарха Далай-ламы, 23 июня, состоялся Первый форум буддистов Калмыкии и Астраханской области. На этой конференции делегаты объявили о создании Объединения буддистов Калмыкии (ОБК) и провозгласили свою независимость от Центрального духовного управления буддистов СССР (ЦДУБ).

Визиты Его Святейшества Далай-ламы XIV в Калмыкию стали историческими событиями в жизни калмыцкого народа, с которыми связывали расцвет религии, процветание и благополучие народов, проживающих на калмыцкой земле, решение вопросов становления буддийских институтов. Автору этой статьи посчастливилось быть причастной к организации встреч с Его Святейшеством Далай-ламой XIV в дни празднования 250-летия буддизма в Бурятии и России в июле 1991 г. и в Калмыкии в августе – сентябре 1992 г., участвовать и наблюдать, насколько были более раскованными бурятские верующие по сравнению с калмыцкими в совершении религиозных обрядов при встрече со своим Первосящениником. При общей огромной радости с обеих сторон от встречи с Его Святейшеством Далай-ламой XIV калмыцкие верующие в проявлении своих религиозных чувств были более сдержанными, менее эмоциональными, вероятно, оказывались годы ссылки, и то, что они в отличие от бурятских сородичей находились вдали от буддийского мира, в том числе Монголии и Бурятии, где минимально, но сохранялись в советское время дацаны и буддийские монастыри, места, где они могли совершать религиозные ритуалы.

Накануне второго приезда в Калмыкию Далай-ламы XIV, в 1992 г., впервые делегация Калмыкии посетила г. Дхарамсалу – резиденцию Далай-ламы XIV и Центр тибетского правительства в изгнании. Делегацию возглавлял первый заместитель председателя Совета министров Республики Калмыкия – Хальмг Тангч (РК-ХТ) М.Б. Мукубенов, председатель комиссии Верховного Совета по культуре, депутат А.И. Коокуева, позже ставшая руководителем общественной организации «Друзья Тибета», а также настоятель буддийского хурула, депутат Верховного Совета РК-ХТ В.Р. Цымпилов (лама Туван Дорж). В повестке у делегации стояли вопросы, связанные с укреплением сотрудничества с мировым Центром буддизма, направлением в Калмыкию тибетских монахов для службы в хурулах и подготовкой кадров в буддийских учебных заведениях.

Помнится, что в дни празднования 250-летнего юбилея буддизма в Бурятии, летом 1991 г. Далай-ламу XIV сопровождала внушительная свита, в которой обращал на себя внимание высокий стройный молодой монах, о котором говорили, что он этнический калмык. Мы познакомились с ним, это был Эрдни Басан Омбадыков (будущий Верховный лама Калмыкии Тэло Тулку Ринпоче), происходивший из простой семьи калмыцких эмигрантов, живших в США. В раннем детстве он был определен на учебу в тибетский монастырь Индии, признан одиннадцатым перерождением индийского святого Тилопы и был учеником Его Святейшества Далай-ламы XIV. Спустя год, в 1992 г., в возрасте 20 лет на конференции ОБК Тэдо Тулку Ринпоче был избран Верховным ламой Калмыкии (Шаджин-ламой). С тех пор в течение 30 лет Шаджин-лама Калмыкии верно служил буддийской сангхе, положив все свои недюжинные знания, опыт, высокий статус, авторитет официального представителя Далай-ламы XIV в России, СНГ и Монголии в дело возрождения и развития духовной культуры своих предков.

Вступив в должность буддийского иерарха Калмыкии, Шаджин-лама Тэло Тулку Ринпоче быстро адаптировался к местным условиям, начал активную деятельность по решению вопросов строительства буддийских храмов, регулярных проведений буддийских практик для верующих, укрепления связей с органами государственной власти республики и другими конфессиями. Выросший с детства в монастырских условиях со строгими правилами и жесткой дисциплиной, он был требователен к монахам, служившим в хуруле. Благодаря такому подходу к делу социорелигиозные процессы в республике набирали темпы, повышалась роль религии в обществе. Следует отметить, что в свой первый приезд в 1991 г. Далай-лама XIV освятил место строительства Хурульного комплекса в Калмыкии. Возведением первого буддийского монастыря занимался архитектор В. Гиляндиков, победивший в конкурсе на лучший проект буддийского храма в Элисте. Сложность заключалась в том, что в республике это был первый опыт возведения буддийского культового сооружения, которое не имело аналогов в современном зодчестве Калмыкии. Торжественное открытие первого Хурульного комплекса Калмыкии «Геден Шеддуп Чойкорлинг» (Сякюсн Сюме) состоялось 5 октября 1996 г. и вылилось во всенародный праздник. Название храму даровал Его Святейшество Далай-лама XIV в 1992 году. А 1 декабря 2004 г. Его Святейшество во время третьего своего визита в Калмыкию освятил возведенный и действовавший Хурульный комплекс и совершил церемонию освящения «рабне», которая означает, что хурул после этого становится настоящей обителью божеств. Вслед за открытием храма «Сякюсн сюме» стали вступать в строй новые хурулы в районных центрах и поселках: Ики-Бурул, в пос. Аршань-Зельмень (1995) и мн. др. Активная работа велась ОБК по работе с молодежью. Еще в 1991 г. на встрече с молодежью Тэло

Тулку Ринпоче посоветовал образовать молодежный буддийский центр, в котором могла бы собираться для изучения и практики учения Будды столичная молодежь. Под руководством Б.К. Элистаева (ученик известного гелюнга, доктора буддийской философии С. Уланова) был создан молодежный «Дхарма»-центр, который в короткое время получил широкую популярность в молодежной среде.

С приходом в 1993 г. к руководству республикой первого президента Республики Калмыкия – Хальмг Тангч К.Н. Илюмжинова процессы «реабилитации и «возрождения» религиозных конфессий в республике значительно возрастают. Начинается активное взаимодействие органов государственной власти и традиционных конфессий республики. Одним из составляющих этих процессов явилось принятие Закона «Об изменении статьи 46 Конституции Республики Калмыкия – Хальмг Тангч» от 6 июля 1993 г. № 32-IX, из статьи 46 Конституции Республики Калмыкия 1978 г. была исключена ч. 2 «Религиозные объединения в Республике Калмыкия – Хальмг Тангч отделены от государства». Одновременно в части 1 ст. 46 сохранялось положение о том, что гражданам гарантируется свобода совести. 31 октября 1995 г. в Республике Калмыкия был принят Закон РК «О свободе совести и вероисповеданий», который закреплял принцип светского государства и гарантировал, что «Все религии и религиозные объединения равны перед законом».

Время с 1993 по 1995 г. стало особым периодом в жизни буддистов Калмыкии, поскольку религия была объявлена частью государственной политики, что объяснялось желанием руководства республики содействовать возрождению традиционных конфессий региона. Этноконфессиональная ситуация в Калмыкии определяется традициями мирного сосуществования всех традиционных религий: буддизма, православия,

ислама. Наряду с Обществом буддистов Калмыкии в республике осуществляют свою деятельность Элистинская и Калмыцкая Епархия, Духовное управление мусульман. Религиозные общины активно взаимодействуют и сотрудничают с органами государственной власти республики и др. За прошедшие годы со временем стремительного возвращения буддийской сангхи в социокультурное пространство Калмыкии построено 31 большое и 46 малых хурулов (буддийских храмов). 21 сентября 2025 г. в преддверии III Международного буддийского форума (Элиста, 26–29 сентября 2025 г.) в Кетченеровском районе состоялось открытие 31-го хурула «Цанид Чөөрө Хурл» и стало символом преемственности традиций, возвращения к истокам – к высшей буддийской духовной академии, существовавшей здесь более века назад...

Главным храмом Калмыкии является Центральный хурул «Золотая обитель Будды Шакьямуни», торжественно открытый 27 декабря 2005 г. Несмотря на относительную молодость, храм носит статус буддийской святыни. За короткий срок храм стал центром духовной культуры, в котором изучают калмыцкий язык, читают на нем буддийские сутры, осуществляют перевод с тибетского и издают священные сутры на родном языке и др. Цель всех этих мероприятий – сохранение духовных ценностей народа и передача их подрастающему поколению. Проведение международных, всероссийских конференций, круглых столов, изучение старокалмыцкой письменности, участие в форумах, проводимых буддийскими отечественными центрами, а также ближнего и дальнего зарубежья, паломничество, выезды на учения, проводимые в Индии и других регионах мира Его Святейшеством Далай-ламой, стали неотъемлемой частью духовной жизни верующих Калмыкии. Стало традицией проведение крупных религиозно-культурных мероприятий, таких как музыкальные, танце-

вальные (исполнение мистерии Цам) и другие, наполненные духовным смыслом подношения в связи с буддийскими праздниками и торжествами.

Недавно огромным событием стала выставка священных реликвий Будды Шакьямуни, впервые вывезенных из Индии и доставленных специальным рейсом в Калмыкию. С трепетом в сердце верующие лицезрели святыни, это было поистине величайшее событие, которое навсегда сохранится в их памяти. Руководство республики и Монашеская Сангха отметили большую значимость данного события не только для калмыцкого народа, но и для всей страны, поскольку само присутствие реликвий Капилавасту в России уже считается благословением самого Будды. Все эти важные мероприятия, несомненно, способствуют укреплению дружеских связей между народами Индии и России. Важный вклад в сотрудничество буддистов вносит деятельность калмыцкого Общества друзей Тибета, созданного в 1990-е для укрепления утраченных связей калмыцкого народа с Тибетом. Одной из главных целей этой организации является содействие возрождению буддийской философии, культуры в Калмыкии. Хурулы Калмыкии сотрудничают, поддерживают связи с буддийскими монастырями Тибетского автономного района КНР (ТАР КНР) и др.

Таким образом, исходя из проведенного исследования, приходим к выводу, что, несмотря на многие годы забвения, политику секуляризации в годы советской власти, калмыки сохранили свою историческую религию – буддизм и национальную идентичность. Калмыцкое общество является преимущественно религиозным, важно отметить, что молодежь выражает большую приверженность к буддийской сангхе, стремится познать суть философии древнего учения. В современный период буддизм в Калмыкии получил широкое распространение, укрепился и имеет тенденцию к дальнейшему расширению.

КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов
CONFLICT OF INTERESTS

The author declares no conflict of interests

ЛИТЕРАТУРА

1. Актамов И.Г., Бадмацыренов Т.Б., Цэцэнбилэг Ц. Буддизм и постсекулярное общество: социорелигиозные процессы в Монголии в конце XX – начале XXI в. // Народы и религии Евразии. 2024. Т. 30, № 1. С. 137-150. DOI: 10.14258/nreur (2025)1–08.
2. Белоусов С.С. Государственная религиозная политика в отношении Русской православной церкви в Калмыкии в XX – начале XXI вв. в отечественной историографии // Становление духовно-нравственной личности человека на традициях православной культуры: материалы всероссийской научно-практической конференции (28 апр. 2012 г.). Элиста, 2012. С. 50-53.
3. Ванчикова Ц.П., Самдангийн Ц. Современные процессы в монгольском буддизме: 1990–2007 гг. // Гуманитарный вектор. Серия: Философия, культурология. 2014. № 2 (38). С. 89-96.
4. Васильев В.П. Буддизм, его догматы, история и литература. Т. 2. СПб.: Академия наук, 1857–1869. 23 с.
5. Гантуя М. Некоторые методологические подходы исследования религиозности граждан приграничных с Россией территорий Монголии // Ермоловские чтения: материалы юбилейной V научно-практической конференции с международным участием, посвященной 100-летию образования Тувинской Народной Республики (Кызыл, 26–27 авг. 2021 г.). Кызыл: Нац. библиотека им. А.С. Пушкина Республики Тыва, 2021. С. 101-108. DOI: <https://doi.org/10.24412/2686-9624-2021-101-108>.
6. Гучинова Э.-Б.М. Возвращение буддизма: религия и политика в современной Калмыкии // Сибирские исторические исследования. 2023. № 1. С. 171-191.
7. Дацковский П.К., Бичелдей У.П., Монгуш А.В. Положение буддийских общин в Туве в системе государственно-конфессиональных отношений СССР в середине 1950-х гг. // Народы и религии Евразии. 2024. Т. 29, № 4. С. 211-233. DOI: 10.14258/10.14258/nreur(2024)4-11.
8. Дацковский П.К., Гантуя М., Шершнева Е.А. Религиозные процессы на территории Монголии (по результатам социологического исследования) // Народы и религии Евразии. 2022. Т. 27, № 1. С. 72-89. DOI: [https://doi.org/10.14258/nreur \(2022\)1-05](https://doi.org/10.14258/nreur (2022)1-05).
9. Дорджиева Г.Ш. Репрессированное буддийское духовенство Калмыкии. Элиста: КалмГУ, 2014. 191 с.
10. История буддизма в СССР и Российской Федерации 1985–1999 гг. М.: Фонд современной истории, 2011. 392 с.
11. Калмыки. М.: Наука, 2010. 568 с.
12. Колосова И.В. Государственно-конфессиональная политика в России // Проблемы постсоветского пространства. 2024. № 11(3). С. 249-264. DOI: <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2024-11-3-249-264>.
13. Красиков А.А. Свобода совести и государственно-конфессиональные отношения в постсоветской России // Новые церкви, старые верующие – старые церкви, новые верующие. Религия в постсоветской России. М., 2007. 399 с.
14. Минаев И.П. Буддизм: Исследования и материалы: Сочинение И.П. Минаева. Т. 1, вып. 1: Введение: об источниках. СПб, 1887. 280 с.
15. Мухаметшин Ф.М., Мусульмане России: судьбы, перспективы, надежды. М.: РАГС, 2001. 156 с.
16. Очирова Н.Г., Бо Менгкай. Зая-пандита – духовный реформатор монгольских народов (1599–1662) // Известия СОИГСИ. 2020. Вып. 38 (77). С. 14-23. DOI: 4.46698/p9189-4608-5959-1.

17. Питер Б. Фальсифицированная секуляризация // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2012. № 2 (30). С. 8-20.
18. Позднеев А.М. Очерки быта буддийских монастырей и буддийского духовенства в Монголии в связи с отношением сего последнего к народу. Вып. XVI. СПб.: тип. Имп. Акад. наук, 1887. 493 с.
19. Тепкеев В.Т., Санчиров В.П. Калмыцко-тибетские отношения на рубеже XVII–XVIII вв. // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2016. № 4. С. 12-20.
20. О свободе совести и о религиозных объединениях: Федеральный закон от 26 сентября 1997 г. № 125-ФЗ // СЗ РФ. 1997. № 39. Ст. 4465.
21. Хабермас Ю. Расколотый Запад. М.: Весь мир, 2008. 192. с.

REFERENCES

1. Aktamov, I.G., Badmatsyrenov, T.B., Tsetsenbileg, Ts. Buddhism and post-secular society: socioreligious processes in Mongolia in the late 20th – early 21st centuries // Peoples and religions of Eurasia. 2024. Vol. 30, No. 1. P. 137-150. DOI: 10.14258/nreur (2025)1-08. [In Russ.]
2. Belousov, S.S. State religious policy towards the Russian orthodox church in Kalmykia in the 20th – early 21st centuries in Russian Historiography // Formation of the spiritual and moral personality of a person based on the traditions of orthodox culture: Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference (April 28, 2012). Elista, 2012. P. 50-53. [In Russ.]
3. Vanchikova, Ts.P., Samdangiin, Ts. Modern processes in Mongolian Buddhism: 1990–2007 // Humanitarian vector. Series: Philosophy, Cultural studies. 2014. No. 2 (38). P. 89-96. [In Russ.]
4. Vasiliev, V.P. Buddhism its dogmas, history and literature. Vol. 2. St. Petersburg: Academy of Sciences, 1857–1869. 23 p. [In Russ.]
5. Gantuya, M. Some methodological approaches to the study of the religiosity of citizens of the territories of Mongolia bordering Russia // International Ermolaev Scientific Conference: materials of the jubilee 5th scientific and practical conference with international participation, dedicated to the 100th anniversary of the formation of the Tuva People’s Republic (Kyzyl, August 26–27, 2021). Kyzyl: National A.S. Pushkin Library of the Republic of Tuva, 2021. P. 101-108. DOI: <https://doi.org/10.24412/2686-9624-2021-101-108>. [In Russ.]
6. Guchinova, E.-B.M. The Return of Buddhism: religion and politics in modern Kalmykia // Siberian Historical Research. 2023. No. 1. P. 171-191. [In Russ.]
7. Dashkovsky, P.K., Bicheldey, U.P., Mongush, A.V. The position of Buddhist communities in Tuva in the system of state-confessional relations of the USSR in the mid-1950s // Peoples and religions of Eurasia. 2024. Vol. 29, No. 4. P. 211-233. DOI: 10.14258/10.14258/nreur (2024) 4-11. [In Russ.]
8. Dashkovsky, P.K., Gantuya, M., Shershneva, E.A. Religious processes in the territory of Mongolia (based on the results of a sociological study) // Peoples and religions of Eurasia. 2022. Vol. 27, No. 1. P. 72-89. DOI: [https://doi.org/10.14258/nreur \(2022\) 1-05](https://doi.org/10.14258/nreur (2022) 1-05). [In Russ.]
9. Dordzhieva, G.Sh. Repressed Buddhist clergy of Kalmykia. Elista: KalmSU, 2014. 191 p. [In Russ.]
10. History of Buddhism in the USSR and the Russian Federation in 1985–1999. Moscow: Fund of Contemporary History, 2011. 392 p. [In Russ.]
11. The Kalmyks. Moscow: Nauka, 2010. 568 p. [In Russ.]
12. Kolosova, I.V. State-Confessional Policy in Russia // Problems of the post-Soviet space. 2024. No. 11(3). P. 249-264. DOI: <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2024-11-3-249-264>. [In Russ.]
13. Krasikov, A.A. Freedom of conscience and state-confessional relations in Post-Soviet Russia // New Churches, Old Believers – Old Churches, New Believers. Religion in Post-Soviet Russia. Moscow, 2007. 399 p. [In Russ.]
14. Minaev, I.P. Buddhism: research and materials: Work by I.P. Minaev. Vol. 1, Issue 1: Introduction: About the Sources. St. Petersburg, 1887. 280 p. [In Russ.]

15. Mukhametshin, F. M., Muslims of Russia: Fates, Prospects, Hopes. Moscow: RAGS, 2001. 156 p. [In Russ.]
16. Ochirova, N. G., Bo Mengkai. Zaya Pandita – a spiritual reformer of the Mongolian Peoples (1599–1662) // Izvestia SOIGSI. 2020. Issue 38 (77). P. 14-23. DOI: 4.46698/p9189-4608-5959-1. [In Russ.]
17. Peter, B., Falsified Secularization // State, Religion, Church in Russia and Abroad. 2012. No. 2 (30). P. 8-20. [In Russ.]
18. Pozdneev, A.M. Essays on the life of Buddhist monasteries and the Buddhist Clergy in Mongolia in connection with the latter's attitude to the people. Issue XVI. St. Petersburg: Printing House of the Imperial Academy of Sciences, 1887. 493 p. [In Russ.]
19. Tepkeev, V.T., Sanchirov, V.P. Kalmyk-Tibetan relations at the turn of the 17th–18th centuries // Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanitarian Research of the Russian Academy of Sciences. 2016. No. 4. P. 12-20. [In Russ.]
20. On Freedom of Conscience and Religious Associations: Federal Law of September 26, 1997. No. 125-FZ // Collected Legislation of the Russian Federation. 1997. No. 39. Art. 4465. [In Russ.]
21. Habermas, J. The Split West. Moscow: Ves' mir, 2008. 192 p. [In Russ.]

Информация об авторе / Information about the author

Нина Гаряевна Очирова, кандидат политических наук, ведущий научный сотрудник. Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Федеральный исследовательский центр Южный научный центр Российской академии наук», 344006, Российская Федерация, г. Ростов-на Дону, пр. Чехова, д. 41, e-mail: ngochirova00@mail.ru

Nina G. Ochirova, PhD (Political Science), Leading researcher, Federal Research Center, Southern Scientific Center, Russian Academy of Sciences, Rostov-on-Don, the Russian Federation, e-mail: ngochirova00@mail.ru

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The author has read and approved the final manuscript.

Поступила в редакцию 12.10.2025

Received 12.10.2025

Поступила после рецензирования 14.11.2025

Revised 14.11.2025

Принята к публикации 15.11.2025

Accepted 15.11.2025

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

PEDAGOGICAL SCIENCES

Обзорная статья / Review paper

<https://doi.org/10.47370/2078-1024-2025-17-4-67-83>
УДК 378.016:811.161.1'342



Проблемы фонетической интерференции при обучении иностранных студентов фонетике русского языка, пути их решения и преодоления

Ф.А. Аутлева

*Майкопский государственный технологический университет,
г. Майкоп, Российская Федерация
e-mail: autlevaf@yandex.ru*

Аннотация. Введение. Статья посвящена актуальной проблеме преподавания фонетики русского языка иностранным студентам. Ключевой проблемой выступает фонетическая интерференция – перенос произносительных навыков родного языка на изучаемый.

Цель исследования заключается в систематизации, анализе и обобщении существующих исследований, разработок, методик по заявленной теме.

Методы исследования. При исследовании использованы системный подход и общие методы научного познания: анализ, синтез, обобщение, наблюдение; сравнительно-сопоставительный анализ фонетических систем русского и родных языков студентов.

Материалы исследования. Данные экспериментально-фонетических исследований, проведенных на базе различных языковых центров с участием иностранных студентов разных национальностей.

Результаты исследования. Установлено, что основные фонетические трудности иностранных студентов связаны с произношением специфических русских звуков, не имеющих аналогов в родных языках обучающихся, освоением системы твердости-мягкости согласных и соблюдением закономерностей озвончения / оглушения согласных. Выявлено, что эффективное обучение фонетике требует комбинирования подражательного и фонетического методов с особым вниманием к осознанной работе над артикуляцией. Обоснована необходимость наглядной демонстрации артикуляционных особенностей звуков с использованием схем и рисунков.

Обсуждения и заключение. Исследование подтверждает необходимость комплексного подхода к преподаванию русской фонетики иностранным студентам. Доказана эффективность использования цифровых технологий в процессе обучения русской фонетике, включая онлайн-аудио-

самоучители и мультимедийные библиотеки. Практическая значимость работы заключается в том, что обобщенные методические рекомендации и разработки для решения конкретных задач, учитывающих специфику фонетической системы русского языка и особенности восприятия обучающихся, могут быть использованы на практике преподавателями РКИ, что вызвано острой необходимостью освоения иностранными студентами фонетической основы русского языка с целью овладения компетенцией, обеспечивающей успешное усвоение лексического материала.

Ключевые слова: русская фонетика, методика преподавания, фонетическая интерференция, артикуляционные навыки, национально-ориентированный подход, произносительные нормы, фонематический слух, ритмико-интонационные особенности, цифровая педагогика, коммуникативная направленность

Для цитирования: Аутлева Ф.А. Проблемы фонетической интерференции при обучении иностранных студентов фонетике русского языка, пути их решения и преодоления. *Вестник Майкопского государственного технологического университета*. 2025; 17(4): 67–83. <https://doi.org/10.47370/2078-1024-2025-17-4-67-83>

Problems of phonetic interference in teaching Russian phonetics to international students: solutions and overcoming

F.A. Autleva

Maikop State Technological University, Maikop, the Russian Federation
e-mail: autlevaf@yandex.ru

Abstract. Introduction. The article addresses the pressing issue of teaching Russian phonetics to international students. The key issue is phonetic interference—the transfer of native language pronunciation skills to the target language.

The purpose of the research is to systematize, analyze, and summarize existing research, developments, and methods on this issue.

The research methods. A systems approach and general scientific methods were used in the research, namely, analysis, synthesis, generalization, and observation; and a comparative analysis of the phonetic systems of the Russian language and the students' native languages.

The research materials. Data from experimental phonetic studies conducted at various language centers with the participation of international students of different nationalities.

The research results. It has been established that the main phonetic difficulties of international students are related to the pronunciation of specific Russian sounds that have no equivalents in their native languages, mastering the hard-soft system of consonants, and observing the patterns of voiced/voiceless consonants. It has been found that effective phonetics instruction requires a combination of imitative and phonetic methods, with particular attention to conscious articulation. The need for visual demonstrations of the articulatory features of sounds using diagrams and drawings has been substantiated.

Discussion and conclusion. The study confirms the need for a comprehensive approach to teaching Russian phonetics to international students. The effectiveness of using digital technologies in teaching Russian phonetics, including online audio tutorials and multimedia libraries, has been demonstrated. The practical significance of the research lies in the fact that the generalized methodological recommendations and developments for solving specific problems, taking into account the specific features of the Russian phonetic system and the peculiarities of learners' perception, can be used by teachers of Russian as a foreign language. This is due to the urgent need for international students to master

the phonetic foundations of the Russian language in order to acquire the competence necessary for successful acquisition of vocabulary.

Keywords: Russian phonetics, teaching methods, phonetic interference, articulation skills, nationally-oriented approach, pronunciation norms, phonemic awareness, rhythmic and intonation features, digital Pedagogy, communicative focus

For citation: Autleva F.A. Problems of phonetic interference in teaching Russian phonetics to international students: solutions and overcoming. *Vestnik Majkopskogo gosudarstvennogo tehnologičeskogo universiteta*. 2025; 17(4): 67–83. <https://doi.org/10.47370/2078-1024-2025-17-4-67-83>

Введение. Преподавание русской фонетики иностранным студентам представляет собой одну из наиболее сложных задач в методике обучения русскому языку как иностранному. Фонетическая система русского языка с ее уникальными артикуляционными характеристиками, противопоставлением твердых и мягких согласных, специфической системой ударения и интонации создает значительные трудности для иностранцев. Особую проблему представляет фонетическая интерференция – явление, при котором обучающиеся непроизвольно переносят произносительные навыки родного языка на изучаемый, что приводит к акценту и нарушениям в коммуникации.

Актуальность данного исследования обусловлена растущим интересом к изучению русского языка в мире и необходимостью совершенствования методов преподавания русской фонетики с учетом специфики различных языковых групп. Несмотря на наличие многочисленных исследований в этой области, проблема эффективного обучения произношению остается остро стоящей в практике преподавания РКИ. Недостаточное внимание к формированию правильных произносительных навыков приводит к закреплению ошибок, которые впоследствии сложно исправить.

Анализ научных работ показывает, что существующие подходы к преподаванию русской фонетики не всегда учитывают комплексный характер проблемы. Исследователи отмечают необходимость дифференцированного подхода в зависимости от родного языка студентов. Особую зна-

чимость приобретает национально-ориентированный подход, предполагающий тщательный анализ фонетических систем родного и изучаемого языков для выявления потенциальных трудностей.

Проблема интенсификации обучения русской фонетике также требует внимания. Традиционные методы, основанные преимущественно на имитации, оказываются недостаточными для формирования устойчивых произносительных навыков. Исследователи отмечают, что произносительные навыки, сформированные исключительно посредством имитации, нестабильны и могут приводить к смешению сходных звуков в контактирующих языках. Важным аспектом является интеграция цифровых технологий в процесс обучения русской фонетике. Недостаточно изученной остается проблема обучения интонации, которая играет ключевую роль в передаче коммуникативных намерений говорящего.

Целью данного исследования является проведение анализа научных публикаций и методической литературы по вопросам системного применения взаимодополняющих методологических подходов, обеспечивающих всесторонний анализ современных методик преподавания русской фонетики в иноязычной аудитории, и обобщение опыта применения различных педагогических технологий и методов по теме исследования для дальнейшей разработки методики комплексного подхода к преподаванию русской фонетики иностранным студентам, учитывающего как лингвистические особенности фонетической системы русского языка и родного языка студентов, так и психологические

асpekты формирования произносительных навыков, направленного на преодоление фонетической интерференции и формирования у студентов правильного произношения, максимально приближенного к произношению носителей языка.

Обзор литературы. Обучение иностранных студентов фонетическому строю русского языка представляет собой одну из наиболее сложных задач методики преподавания РКИ. Как справедливо отмечает Бакирова Л.Р., «без целенаправленной и систематической работы, направленной на постановку и артикуляционной, и перцептивной базы, которые свойственны неродному языку, невозможно дальнейшее формирование навыков и умений в разных видах речевой деятельности» [1].

Овладение русской фонетической системой представляет значительную трудность для иностранных студентов в силу ее специфических особенностей. Как справедливо отмечает Е.А. Андреюшина, система русского консонантизма с ее оппозициями по твердости-мягкости и глухости-звонкости создает серьезные препятствия для иностранцев, особенно для тех, в родных языках которых данные фонологические противопоставления отсутствуют. Проблема различия согласных по твердости-мягкости является одной из наиболее сложных в процессе обучения русскому произношению. Для носителей романо-германских языков эта дифференциация представляет особую сложность, поскольку в их языках данное противопоставление не имеет фонологического значения. В английском языке, например, согласные могут быть лишь частично палатализованы перед гласными переднего ряда, однако это явление не влияет на смыслоразличение [2].

Не менее значимой проблемой является дифференциация согласных по признаку глухости-звонкости. Как указывает Л.В. Ракитина, у китайских учащихся эта оппозиция вызывает серьезные затруднения, поскольку в их родном языке данный

признак существует лишь формально. В китайском языке основным дифференциальным признаком служит «сила-слабость», а не «глухость-звонкость». Так, сильные согласные китайского языка можно охарактеризовать как оглушенные или неполнозвонкие варианты звонких согласных, а слабые согласные преимущественно реализуются как придыхательные варианты русских глухих [3].

А.С. Сашина справедливо обращает внимание на то, что работа над произношением должна охватывать и интонационные конструкции. Недостаточное усвоение типов интонации неизбежно приводит к ошибкам в говорении и чтении, делая речь учащихся монотонной и лишенной выразительности. Интонация выполняет важную коммуникативную функцию, позволяя говорящему не только выражать эмоциональное состояние, но и отношение к предмету разговора. На занятиях по фонетике студенты знакомятся с основными типами интонационных конструкций (ИК), причем преподаватель должен акцентировать внимание на их смыслоразличительной роли. Для эффективного усвоения интонационных моделей используются различные методические приемы: выделение интонационного центра силой голоса, обозначение движений тона посредством жестов. Каждая интонационная конструкция требует тщательной отработки. Сначала студенты слушают образец, затем повторяют за преподавателем и, наконец, самостоятельно читают. На этом этапе чрезвычайно важно своевременное исправление ошибок.

Для закрепления интонационных навыков необходима систематическая работа с использованием разнообразных упражнений, максимально приближенных к условиям реальной коммуникации. Успешное овладение интонацией возможно только при сочетании имитации и осознанной самостоятельной работы студентов с материалами, имитирующими ситуации естественного общения [4].

Т.И. Капитонова отмечает, что в методике преподавания русского языка как иностранного существуют национально-ориентированные учебники по практической фонетике, которые строятся на сопоставлении русского языка с родным языком учащихся или языком-посредником. В таких пособиях последовательность подачи фонетических явлений определяется данными контрастивного анализа, позволяющего выявить сходства и различия в фонетических системах сопоставляемых языков и прогнозировать возможные трудности. На основе этого анализа фонетический материал располагается по принципу нарастания сложности, что способствует более эффективному усвоению русской фонетики [5].

При изучении фонетики русского языка Стародумов И.В. выделяет несколько важнейших целей. Во-первых, коммуникативная цель заключается в формировании и развитии навыков общения через правильное произношение и построение речи. Во-вторых, профессиональная цель направлена на формирование произносительных навыков с соблюдением структурности и логичности языковых форм. В-третьих, научно-исследовательская цель предполагает развитие умений квалифицированно анализировать и корректировать явления звукового строя языка. Наконец, образовательная цель, являющаяся главной в обучении фонетике русского языка, заключается в получении комплекса знаний и навыков для осуществления профессиональной деятельности.

Современная система образования активно внедряет дистанционные технологии в процесс обучения русскому языку как иностранному [6].

Материалы и методы исследования. Исследование основано на комплексном анализе методических подходов к преподаванию русской фонетики иностранным студентам. В качестве материала использовались научно-методические работы ведущих специалистов в области препо-

давания РКИ, посвященные фонетическому аспекту обучения. Методологической основой исследования послужил сравнительно-сопоставительный анализ фонетических систем русского и родных языков студентов. Это позволило выявить типичные зоны фонетической интерференции и определить ключевые проблемы в освоении русского произношения.

В работе применялся метод теоретического моделирования учебного процесса с учетом национально-ориентированного подхода., основанный на тщательном анализе особенностей фонологических систем контактирующих языков и позволяющий прогнозировать возможные произносительные трудности. Проведен анализ эффективности традиционных и инновационных методик обучения произношению, включая имитационный метод, метод фонетических ассоциаций, психолингвистический подход к изучению механизмов формирования произносительных навыков. аудиовизуальный и коммуникативный методы. Особое внимание уделялось оценке эффективности использования цифровых технологий в процессе формирования фонетических навыков.

В рамках исследования были рассмотрены проблемы постановки отдельных звуков русского языка, формирования ритмико-интонационных навыков и преодоления фонетической интерференции при работе с обучающимися из различных языковых групп.

Результаты исследования. Проблема фонетической интерференции при обучения русскому языку как иностранному рассмотрена на материалах, основанных на обобщенных и широко известных в лингвистике и методике преподавания русского языка как иностранного исследований.

В процессе освоения русской фонетической системы иностранные студенты сталкиваются с различными трудностями. Э. Аяри в своих исследованиях подчеркивает, что основная проблема заключается

в непривычной для родного языка артикуляции определенных звуков. Это приводит к явлению фонетической интерференции, когда происходит подмена звуков изучаемого языка похожими звуками из родного языка обучающегося. Особую сложность представляет звук [ы], не имеющий аналогов во многих языках мира. Обучающиеся часто заменяют его на [и] или [э], что приводит к искажению смысла слов. Например, «было» произносится как «било». Система твердости-мягкости согласных также вызывает затруднения, поскольку во многих языках такое противопоставление отсутствует [7].

Согласно исследованиям Ли Чжунчжи практика показывает, что у иностранных студентов возникают значительные трудности с восприятием и дифференциацией русских звуков на слух. В связи с этим методика преподавания должна включать систему тренировочных упражнений, ориентированных на решение данной проблемы. На начальном этапе обучения эффективным приемом является работа со скороговорками, которые позволяют не только отрабатывать правильное произношение, но и осваивать интонационные модели русской речи [8].

А.А. Арский обращает внимание на важность использования английского языка как вспомогательного инструмента в преподавании русской фонетики, поскольку он часто является первым иностранным языком для многих студентов. Это позволяет эффективнее объяснять особенности произношения и давать инструкции на понятном для обучающихся языке. В частности, студенты при произношении мягкого [л] также добавляют дополнительный звук (глайд) между [л] и испытывают трудности с различением твердого и йотированными гласными. Для преодоления фонетических трудностей рекомендуется использовать специализированные учебные пособия, например, «Русский язык как иностранный: фонетика» Н.Б. Битехтиной [9]. Важно также учитывать особенности фо-

нологической системы родного языка учащихся и строить обучение на основе сравнительного анализа звуковых систем обоих языков. Эффективность преподавания во многом зависит от квалификации преподавателя, его знания иностранных языков и опыта работы с различными языковыми группами. Особое внимание следует уделять постановке базовых произносительных навыков и регулярной практике произношения сложных звуков [10].

Исследования А.В. Пеетерс-Подгаевской демонстрируют, что для нидерландских студентов эта пара согласных представляет исключительную трудность. У них часто наблюдается интерференция: некоторые склонны смягчать твердый [л], другие, напротив, произносят мягкий [л'] твердо и с лабиализацией. Особенно проблематичны сочетания мягкого [л'] с гласными [а], [о], [у], когда студенты добавляют глайд: [l'ja], [l'jo], [l'ju].

Другой типичной ошибкой нидерландских учащихся при артикуляции мягких [д'] и [т'] является появление нежелательной фрикативности, что приводит к произношению, близкому к [ч] и [дж']. Таким образом, слова «тетя» или «дядя» трансформируются в [чоча] и [дж'адж'а] [11].

Особенность русского языка заключается в том, что базовой единицей письма и чтения выступает слог, а не отдельная буква. М.Д. Ниматулаева и Н.В. Большая в своих исследованиях подчеркивают, что различия фонетических систем родного и изучаемого языков создают существенные трудности в освоении русского произношения иностранными студентами. Процесс обучения русской фонетике строится на постепенном формировании правильных произносительных навыков. Важно понимать, что даже звуки, кажущиеся схожими в разных языках, могут иметь существенные артикуляционные различия. Например, в речи иностранных студентов часто наблюдается замена мягких согласных полутвердыми или твердыми вариантами, особенно если в их родном

языке отсутствует категория мягкости согласных [12].

М.Н. Шутова отмечает необходимость поэтапного формирования произносительных навыков. Сначала происходит осознанная отработка артикуляционных операций при произнесении отдельного звука, затем этот звук отрабатывается в составе слога и слова. Наиболее важным этапом является включение отработанного материала в осмыщенное коммуникативное высказывание, когда фонетическая сторона речи становится автоматизированной. Особое внимание следует уделять развитию фонематического слуха учащихся, поскольку правильное восприятие звуков является основой для их корректного воспроизведения. В процессе работы над произношением необходимо учитывать специфические особенности русского языка, такие как подвижность ударения и сложная система интонационных конструкций. Практика показывает, что теоретические объяснения должны сопровождаться большим количеством практических упражнений, направленных на формирование устойчивых произносительных навыков. Важно также отметить, что работа над фонетикой должна вестись комплексно, охватывая как изолированные звуки, так и их реализацию в словах и предложениях. Только такой подход может обеспечить формирование полноценных навыков русского произношения у иностранных учащихся [13].

В методике преподавания русской фонетики иностранным студентам важно учитывать комплексный подход к формированию произносительных навыков. А.М. Литовкина и С. Мяо подчеркивают, что простого повторения и прослушивания недостаточно для освоения специфичных звуков русского языка. Особую значимость приобретает наглядная демонстрация артикуляционных особенностей, включая положение языка при произнесении различных звуков. При работе с иностранными студентами эффективным является

использование сопоставительного анализа фонетических систем русского и родного языков учащихся. Важно предоставлять краткие комментарии на родном языке обучающихся, что способствует лучшему пониманию материала. Существенную роль играет визуальная поддержка обучения – использование рисунков и схем, помогающих создать прочные ассоциативные связи между звуком и его графическим образом [14].

И.В. Немыкина в своих исследованиях отмечает важность комбинированного применения подражательного и фонетического методов в обучении произношению. При этом подражательный метод, основанный на слуховом восприятии, должен дополняться осознанной работой над артикуляцией, поскольку правильное произношение требует определенных изменений в привычных движениях речевого аппарата. Особое внимание следует уделять подбору учебного материала. Тексты и предложения должны быть эмоционально окрашенными, иметь четкую логическую структуру и соответствовать уровню подготовки учащихся. В полиглассических группах важно учитывать различия в фонетических трудностях, характерных для носителей разных языков. Для достижения автоматизма в произношении необходима систематическая работа над артикуляцией каждого звука в различных позиционных условиях. Преподаватель должен внимательно отслеживать возможные фонетические нарушения и своевременно корректировать их, обеспечивая формирование правильных произносительных навыков [15].

Основная проблема в обучении иностранцев русской фонетике заключается в фонетической интерференции. Межязыковая фонетическая интерференция не позволяет обучающимся правильно воспроизводить звуковой образ слова в процессе речепроизводства и адекватно воспринимать слово лишь на основе его объективных характеристик, соответствующих системе изучаемого языка. При

этом необходимо различать восприятие как процесс узнавания значимых единиц с использованием всего объема лингвистической и экстравербальной информации и восприятие как лингвистическую процедуру интерпретации звукового сигнала. Особую сложность вызывает оппозиция твердых и мягких губных согласных на конце слова, что является специфической чертой фонетической системы русского языка (например: всем – в семь, кров – кровь). Также иностранцам сложно соблюдать позиционную закономерность озвончения / оглушения перед последующим шумным согласным. Для эффективной организации работы над фонетическим аспектом речи иностранных студентов преподавателю необходимо выбирать результативные способы работы над русской фонемной системой. Восприимчивость к обучению русскому языку иностранных студентов также в значительной степени зависит от их возраста, личностных особенностей, уровня образования и других факторов [16].

Методика преподавания русской фонетики иностранным учащимся требует особого внимания к национально-ориентированному подходу. Данный аспект подразумевает тщательный анализ фонетических систем родного и изучаемого языков, что позволяет выявить потенциальные трудности в освоении русских звуков. С.С. Буркова в своих исследованиях указывает на ряд звуков, представляющих особую сложность для иностранных учащихся. В частности, она отмечает проблемы с произношением твердого шипящего [ж], свистящего твердого [з], сонорных [л] – [л'] и звука [j] [17].

Интересный подход к решению фонетических проблем предлагает Л.Р. Бакирова, обращая внимание на важность учета фонетического контекста при постановке звуков. По ее мнению, качество произношения согласных во многом зависит от их позиции в слове и характера соседних звуков. При обучении произношению особую роль играет наглядная демонстрация артикуляции. Преподавателю рекоменду-

ется использовать артикуляционные таблицы, схемы и изображения, помогающие учащимся понять механизм образования звуков. Например, при постановке звука [ж] важно объяснить положение губ, языка и зубов, используя уточняющие вопросы и наглядные пособия. Эффективным приемом в обучении является работа с идиоматическими выражениями. Такой подход не только способствует отработке произношения, но и знакомит учащихся с культурологическим аспектом языка. К примеру, при изучении свистящих звуков можно использовать такие выражения, как «С сильным не борись, с богатым не судись» или «Конец – делу венец» [6, 7].

Авторы научных трудов и методических рекомендаций для преподавателей русского языка как иностранного, исследующих основные трудности в русской фонетике у студентов из стран Средней Азии (Узбекистан, Казахстан, Киргизстан, Таджикистан, Туркменистан), возникающие по их мнению, из-за интерференции (Агафонова А.А., Кутяева У.С., Майер А.С., Сапарова Н.Б., Шукрова К.Ш., Григорян А.А., Попкова Е.Б.), обозначают следующие проблемы:

- редукция гласных: в русском языке безударные гласные (особенно «о» и «е») редуцируются (например, «молоко» произносится как [мълако]), в языках Средней Азии гласные обычно произносятся четко в любой позиции, что приводит к нередуцированному произношению русских слов и акценту;

- различие гласных: могут возникать сложности с различением некоторых русских гласных звуков, например, «ы» и «и», «э» и «е»;

- произношение согласных: одной из основных трудностей является различие и правильное произнесение пар твердых и мягких согласных (например, мал и мял, луг и люк). В большинстве среднеазиатских языков нет такой систематической оппозиции твердости / мягкости, как в русском [20, 21, 22, 23, 24].

Методика преподавания русской фонетики иностранным учащимся представляет собой комплексную систему работы, требующую особого внимания к индивидуальным особенностям обучающихся и специфике их родного языка. Н.Н. Глоба и М.В. Третьяк в своих исследованиях обращают особое внимание на проблему освоения звука [р], который вызывает значительные трудности не только у иностранцев, но и у носителей русского языка. Ученые отмечают различные виды искажения данного звука, среди которых увулярное, велярное, боковое и другие произношения. При этом важно понимать, что правильная артикуляция звуков [р] и [р'] достигается путем точного позиционирования кончика языка относительно альвеолярного отростка [25].

Особый интерес представляет позиция Л.В. Ворониной относительно системного подхода к обучению фонетике. Исследователь подчеркивает необходимость многоаспектной работы, включающей различные формы фонетической практики – от речевых разминок до полноценных занятий в рамках сопроводительного курса. В качестве учебного материала могут использоваться фонетические таблицы, пословицы, скороговорки и другие языковые единицы. При работе с профессиональной лексикой важно начинать с правильного произношения термина и только потом переходить к его контекстному использованию. Существенным аспектом является включение сопроводительного курса фонетики в рабочие программы, учитывающего специфику родного языка обучающихся. Следует отметить высокую энергозатратность фонетических занятий как для преподавателей, так и для студентов. Достижение правильного произношения требует многократных повторений, индивидуального подхода к каждому учащемуся и постоянной коррекции с учетом личных фонетических особенностей [26].

А.А. Арский в своих исследованиях подчеркивает значимость цифровой пе-

дагогики в процессе обучения русской фонетике. Исследователь указывает на эффективность использования различных интернет-ресурсов, включая онлайн-аудио-самоучители и мультимедийные библиотеки, которые существенно расширяют возможности самостоятельной подготовки обучающихся. Особое внимание в методике преподавания фонетики уделяется комплексному подходу к формированию речепроизносительных навыков. Важно понимать, что восприятие речи происходит как целостного речевого потока, несущего определенную смысловую нагрузку. При этом работа над отдельными фонетическими единицами должна осуществляться в контексте их функционирования в живой речи [27].

По мнению С.М. Медина и Е.А. Будник, в основе эффективного обучения фонетике лежит лингво-этноориентированный подход, предполагающий учет особенностей родного языка учащихся. Данный подход базируется на необходимости рассмотрения специфики изучаемого языка через призму родного или языка-посредника при организации контролируемого учебного процесса. Коммуникативная направленность современного преподавания определяет взаимосвязанное формирование языковой, речевой и коммуникативной компетенций студентов. Исследования фонетической интерференции показывают, что основные сложности обучающихся связаны с национально-специфическими особенностями восприятия звукового строя изучаемого языка. При отборе текстов для обучения фонетике необходимо соблюдать методические принципы, особенно принцип постепенности. Важно понимать, что трудности студентов определяются в соответствии с особенностями их родного языка, поэтому освоение фонетического материала через тексты должно реализовываться с учетом сходств и различий родного языка в сравнении с изучаемым. Для оптимизации обучения русскому произношению объем и последо-

вательность представления фонетического материала должны определяться путем сопоставления фонологических систем родного и изучаемого языков с учетом фонологических особенностей родного языка студентов. При постановке звуков студент должен опираться не только на имитацию, но и на контролируемую артикуляцию в русском языке, поскольку произносительные навыки, сформированные путем имитации, нестабильны и могут приводить к смешению сходных звуков в контактирующих языках [28].

Как отмечает С.С. Хромов, в обучении русской фонетике необходимо учитывать не только традиционные характеристики, описанные в классической интонологии, но и особенности вербального дискурса, которые приобретают особую значимость в межкультурной коммуникации. К таким характеристикам относятся речевой объем, темп речи, эмоционально-экспрессивный интонационный модус и паралингвистические средства. Особую сложность для иностранных учащихся представляет русская интонация. При отборе учебных материалов для освоения фонетики следует соблюдать принцип постепенности, учитывая фонетические трудности, характерные для студентов с конкретным родным языком. На начальном этапе обучения ограниченный словарный запас (750 слов на уровне A1 и 1500 слов на уровне A2) создает дополнительные трудности при отборе текстового материала, что требует от преподавателя особого внимания к адаптации учебных текстов. При постановке звуков студенту необходимо опираться не только на имитацию, но и на контролируемую артикуляцию, поскольку произносительные навыки, сформированные исключительно посредством имитации, нестабильны и могут приводить к смешению сходных звуков. В контексте обучения важно также учитывать эмоционально-экспрессивные аспекты интонации. Носители языка интуитивно владеют интонацией, не задумываясь о том, как выразить радость, гнев,

недовольство или просьбу. Для иностранца же сложно различать шутку, ironию, разочарование, недоверие, сомнение и другие эмоциональные оттенки в русской речи. На продвинутом этапе иностранных студентов следует обучать выражению таких коммуникативных интенций через интонацию, используя интонационные конструкции в различных речевых ситуациях [29].

Как подчеркивает Кузнецова Е.Г., применение таких технологий позволяет решать множество задач: приобретение новых знаний, формирование навыков чтения, совершенствование умений письменной речи, расширение словарного запаса и развитие устойчивой мотивации к изучению языка. Дистанционные методы обучения фонетике включают разнообразные способы взаимодействия между преподавателем и обучающимся, а также специализированные информационные ресурсы. Средствами коммуникации выступают электронная почта, чаты, форумы, видеоконференции на различных интернет-платформах. В качестве информационных ресурсов используются текстовые, аудио- и визуальные материалы на русском языке, подобранные под конкретную тему или для выполнения определенного задания. Особую важность при выборе информационного ресурса имеют такие критерии, как информативность, точность, целесообразность и адекватность. Для эффективного обучения фонетике могут применяться справочные каталоги, онлайн-словари, банки тестовых заданий, специальные программы для проверки грамотности, синтеза речи и конвертации текста в транскрипцию [30]. Бондаренко В.А. отмечает, что хотя цели, задачи и содержание обучения русскому языку как иностранному не зависят от формы организации образовательного процесса, дистанционный формат требует тщательного выбора методов и принципов, которые будут эффективны в виртуальной среде. В развитии дистанционного обучения вы-

деляются два направления: использование сетевых платформ открытого образования для самостоятельного обучения и проведение занятий в формате видеоконференций. Актуальной задачей остается успешное сочетание этих подходов для минимизации недостатков как традиционного, так и дистанционного обучения [31].

Обсуждение и заключение. В результате проведенного исследования установлено, что эффективное преподавание русской фонетики иностранным студентам требует комплексного подхода, учитывающего как лингвистические особенности контактирующих языков, так и психологические аспекты формирования произносительных навыков. Анализ обобщенных и широко известных в лингвистике и методике преподавания русского языка как иностранного данных о фонетической интерференции выявил ключевые проблемные зоны в освоении русского языка: различия фонетических систем родного и изучаемого языков, фонетическая интерференция, замена мягких согласных полутвердыми или твердыми вариантами, редукция гласных, противопоставление твердых и мягких согласных, оппозиция по глухости-звонкости, произношение специфических звуков ([ы], [р], [ж], [л]), а также овладение интонационными конструкциями русского языка. Особую сложность представляет явление фонетической интерференции, когда учащиеся переносят произносительные навыки родного языка на изучаемый.

Существенным аспектом обучения является формирование у студентов навыков восприятия и воспроизведения ритмико-интонационных особенностей русской речи. Это включает работу над правильным распознаванием языковых единиц в потоке речи через аудирование, формирование слухового образа и соответствующей артикуляционной настройки. В процессе обучения важно учитывать коммуникативную направленность фонетических навыков. Звуковые средства, наряду с лексико-син-

таксическими, служат для реализации различных коммуникативных намерений говорящего – от простого вопроса до сложных речевых актов. Поэтому формирование фонетических навыков должно быть направлено на облегчение понимания и продуцирования иноязычной речи в реальных коммуникативных ситуациях.

Исследование показало, что традиционные методики, основанные преимущественно на имитации, недостаточно эффективны. Наиболее результативным оказывается комбинированное применение подражательного и сознательного фонетического методов с использованием визуальной поддержки для демонстрации артикуляции. Важным элементом обучения выступает поэтапное формирование произносительных навыков: от осознанной отработки артикуляции отдельных звуков к их включению в коммуникативно значимые высказывания. По справедливо замечанию М.К. Тхехурай, в настоящее время в вузе происходит усиление коммуникативной направленности при обучении речевым нормам при рассмотрении языковых единиц и введение в учебный процесс активных коммуникативно ориентированных методов и приемов обучения как письменной, так и устной речи представляется целесообразным и актуальным [32].

Национально-ориентированный подход с тщательным анализом фонетических систем родного и изучаемого языков позволяет прогнозировать потенциальные трудности и выстраивать индивидуальные стратегии обучения. Современные цифровые технологии существенно расширяют возможности самостоятельной работы обучающихся и повышают эффективность обучения фонетике.

Проведенное исследование методики преподавания русской фонетики иностранным студентам позволяет констатировать, что эффективное обучение возможно только при комплексном подходе, учитывающем особенности фонетической системы родного языка обучающихся. Существен-

ную роль играет правильная организация учебного процесса, включающая поэтапное формирование произносительных навыков и систематическую работу над артикуляцией. Результаты исследования демонстрируют необходимость сочетания подражательного и фонетического методов обучения с обязательным использованием наглядных материалов и схем артикуляции. Важным аспектом является применение современных цифровых технологий и мультимедийных ресурсов, способствующих более эффективному освоению фонетического материала. Анализ научных работ показывает, что особое внимание следует уделять формированию правильного восприятия и воспроизведения ритмико-интонационных особенностей русской речи. При этом работа над произношением должна вестись в контексте реальной коммуникации, что обеспечивает практическое применение полученных навыков.

Исследование подтверждает, что успешное освоение русской фонетики возможно только при условии учета на-

ционально-ориентированного подхода и систематической работы над преодолением фонетической интерференции. Ключевым фактором является квалификация преподавателя и его способность адаптировать методику под индивидуальные особенности учащихся.

Анализ научных публикаций и методической литературы, по вопросам системного применения взаимодополняющих современных методик преподавания русской фонетики в иноязычной аудитории и обобщение опыта применения различных педагогических технологий и методологических подходов по теме исследования, позволяет утверждать, что данное направление представлено достаточно полно и многосторонне. Рассмотренные в статье принципы разных концептуальных подходов могут помочь в дальнейших исследованиях, целью которых будет разработка эффективных приемов и методов преподавания русской фонетики, способствующих формированию культуры речи иностранных студентов.

КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов

CONFLICT OF INTERESTS

The author declares no conflict of interests

ЛИТЕРАТУРА

1. Бакирова Л.Р. Обучение русской фонетике (на примере стихотворений, скороговорок, пословиц, идиоматических выражений) [Электронный ресурс] // Молодой ученый. 2021. № 36 (378). С. 72-73. URL: <https://moluch.ru/archive/378/83920> (дата обращения: 05.11.2025).
2. Андреюшина Е.А. Трудности освоения русской фонетики иноязычной аудиторией в зависимости от родного языка учащихся [Электронный ресурс] // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2014. № 12 (42), ч. 2. С. 19-22. URL: <https://moluch.ru/archive/378/83920> (дата обращения: 15.11.2025).
3. Ракитина Л.В., Розова О.Г. О нарушениях реализации русских аффрикат в речи носителей китайского языка на начальном этапе обучения // Изучение и преподавание русского языка и литературы в контексте современной языковой политики России: материалы докладов и сообщений XIX Международной научно-методической конференции. СПб., 2014. С. 283-287.
4. Тойганбекова М.Е. Обучение русскому языку иностранных студентов в системе высшего медицинского образования [Электронный ресурс] // Global Science and Innovations: Central Asia International scientific journal. Nur-Sultan, 2021. Т. 5. № 1 (12). С. 157-161. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_46263926_78094308.pdf (дата обращения: 14.10.2025).

5. Капитонова Т.И., Московкин Л.В. Методика обучения русскому языку как иностранному на этапе предвузовской подготовки [Электронный ресурс]. СПб.: Златоуст, 2020. 272 с. URL: <https://www.ibooks.ru/bookshelf/374092/reading> (дата обращения: 19.11.2025).
6. Shutova M.N., Khromov S.S. Teaching Russian Interrogative Intonation to Foreign Students // Amazonia Investiga. 2020. Vol. 9, No. 29. C. 45. DOI: 10.34069/AI/2020.29.05.6.
7. Аяри Э. Сложности при освоении русской фонетики иностранными студентами // Terra Rusistica. 2021. C. 9-11. EDN LHVCHZ.
8. Ли Чжунчжи. Приемы преодоления фонетических проблем при обучении китайских студентов русскому языку как иностранному [Электронный ресурс] // Филологические науки. Вопросы теории. 2025. Т. 1, вып. 9. <https://doi.org/10.30853/phil20250558>.
9. Битехтина Н.Б., Климова В.Н. Русский язык как иностранный. Фонетика. 2-е изд. М.: Русский язык. Курсы, 2014. 128 с.
10. Арский А.А. К вопросу об обучении иностранных слушателей базовым слухоизносительным навыкам русского языка // Педагогический журнал. 2021. Т. 11, № 5-1. С. 525-532. DOI 10.34670/AR.2021.73.70.046.
11. Пеетерс-Подгаевская А.В., Андреюшина Е.А. Трудности в освоении фонетики русского языка нидерландскими студентами [Электронный ресурс] // Язык, литература, культура: актуальные проблемы изучения и преподавания: сборник научных и научно-методических статей. Вып. 9. М.: МАКС Пресс, 2013. С. 277-290. <http://www.dialogue.msu.su> (дата обращения: 14.10.2025).
12. Ниматулаева М.Д., Большая Н.В. Особенности обучения иностранных студентов русской фонетике // РКИ: Лингвометодическая образовательная. 2023. С. 162-166. EDN KAKXZZ.
13. Шутова М.Н. Методические приемы постановки русских звуков иностранным учащимся // Открытие русского мира: преподавание русского языка как иностранного и общеобразовательных дисциплин в современном образовательном пространстве: сборник научных статей V Международной научно-практической конференции (Курск, 25–26 мая 2023 г.). Курск: Юго-Западный государственный университет, 2023. С. 85-91. EDN MTKTJO.
14. Литовкина А.М., Мяо С. Методы и приемы обучения китайских студентов фонетике русского языка // Global and Regional Research. 2023. Т. 5, № 3. С. 236-242. EDN IWJVQT.
15. Немыкина И.В. Обучение артикуляции в преподавании русского языка как иностранного // Язык и культура в аспекте проблем языкового образования современной России. 2024. С. 352-355. EDN WNIGVS.
16. Yakubova M.I. Russian as a foreign language. Elimination of phonetic errors of foreign students [Электронный ресурс] // ISSN: 2776-0979. 2022. Vol. 3, № 2. URL: <https://philpapers.org/rec/ISMRAA> (дата обращения: 17.10.2025).
17. Буркова С.С. Постановка фонетики на начальном этапе обучения русскому языку как иностранному // Язык и культура в аспекте проблем языкового образования современной России. 2024. С. 325-328. EDN JTDELU.
18. Бакирова Л.Р. Особенности русской фонетической системы (на примере изучения звуков [п] и [б] в иностранной аудитории) // Языковая подготовка в юридических вузах: традиции и инновации в эпоху глобальных перемен. 2023. С. 26-31. EDN GHLTSV.
19. Бакирова Л.Р. Приемы постановки и различия звуков [с], [з] и [ц] на занятиях по русскому языку как иностранному // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2022. № 1(95). С. 113-118. EDN FKQTAG.
20. Агафонова А.А. Динамика таджикско-русской интерференции в разных видах речевой деятельности: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20. М., 2021. 218 с.
21. Кутяева У.С., Майер А.С. Трудности туркменских студентов при обучении русскому языку [Электронный ресурс] // Актуальные вопросы лингвистики и методики преподавания иностранных языков: материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Екатеринбург: Ажур, 2024. С. 19-23. URL: <https://elar.urfu.ru/handle/10995/138281> (дата обращения: 12.11.2025).

22. Сапарова Н.Б. Анализ и трудности в освоении русского языка у студентов-билингвов (на материале фонетики и графики) [Электронный ресурс] // Science and innovation. 2022. No. 1(4). P. 163-167. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-i-trudnosti-v-osvoenii-russkogo-yazyka-u-studentov-bilingvov-na-materiale-fonetiki-i-grafiki> (дата обращения: 20.09.2025).
23. Шукрова К.Ш. О некоторых трудностях в усвоении русской фонетики узбекскими учащимися [Электронный ресурс] // Актуальные проблемы обучения русскому языку как иностранному на современном этапе. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-nekotoryh-trudnostyah-v-usvoenii-russkoy-fonetiki-uzbekskimi-uchaschimisy> (дата обращения: 15.09.2025).
24. Григорян А.А., Попкова Е.Б. Обучение русскому языку студентов из Туркменистана // Филологический класс. 2021. Т. 26, № 4. С. 302-315. DOI: 10.51762/1FK-2021-26-04-27.
25. Глоба Н.Н., Третьяк М.В. Приемы коррекции и дифференциации звуков [p], [p'] в иностранной аудитории [Электронный ресурс] // Образование, инновации, исследования как ресурс развития сообщества. 2024. С. 316-318. <https://phsreda.com/e-articles/10572/Action10572-109858.pdf> (дата обращения: 10.09.2025).
26. Воронина Л.В. Фонетический аспект в обучении русскому языку как иностранному на этапе довузовской подготовки: проблемы и пути решения // Гуманитарные основы инженерного образования: методические аспекты в преподавании речеведческих дисциплин и проблемы речевого воспитания в вузе: сборник материалов IX Всероссийской научно-методической конференции (Петергоф, 26 мая 2023 г.) / ред. Т.В. Рябова, О.А. Кунникова. СПб.; Петергоф, 2023. С. 39-43. EDN KMBFYD.
27. Арский А.А. Преподавание начальных фонетических навыков русского языка // Проблемы управления качеством образования. 2021. С. 20-22. EDN IUMDDQ.
28. Medina S.M., Budnik E. The potential of dialect phonetic mistakes in teaching Russian as a foreign language // Society. Integration. Education: Proceedings of the International Scientific Conference. May 28th–29th, 2021. Vol. V: COVID-19 Impact on Education, Information Technologies in Education, Innovation in Language Education. 2021. DOI: 10.17770/sie2021vol5.6235.
29. Хромов С.С. Полифункциональный анализ русской интонации в языке и речи в начале XXI в. [Электронный ресурс] // Ярославский педагогический вестник. 2011. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/polifunktionalnyy-analiz-russkoy-intonatsii-v-yazyke-i-rechi-v-nachale-hhi-v> (дата обращения: 20.11.2025).
30. Кузнецова Е.Г. Применение дистанционных образовательных технологий в обучении русскому языку как иностранному // Современные проблемы науки и образования. 2022. № 1. С. 11-19.
31. Бондаренко В.А. Проблемы организации дистанционного обучения русскому языку как иностранному (из опыта подготовительных курсов для иностранных слушателей) // Молодой ученый. 2020. № 39 (329). С. 185-187.
32. Тлехурай М.К. Методические аспекты развития научной речи обучающихся нефилологических вузов // Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2020. Вып. 2. С. 98-106. DOI: 10.24411/2078-1024-2020-12010.

REFERENCES

1. Bakirova, L.R. Teaching Russian phonetics (based on poems, tongue twisters, proverbs, and idiomatic expressions) [Electronic Resource] // Young Scientist. 2021. No. 36 (378). P. 72-73. URL: <https://moluch.ru/archive/378/83920> (date of access: 05.11.2025). [In Russ.]
2. Andreyushina, E.A. Difficulties in mastering Russian phonetics by foreign-language audiences depending on the students' native language [Electronic Resource] // Philological Sciences. Theoretical and Practical Issues. 2014. No. 12 (42), Part 2. P. 19-22. URL: <https://moluch.ru/archive/378/83920> (date of access: 15.11.2025). [In Russ.]

3. Rakitina, L.V., Rozova, O.G. On the violations of the realization of Russian affricates in the speech of native Chinese speakers at the initial stage of learning // studying and teaching Russian language and Literature in the context of Russian modern language policy: proceedings of the reports and communications of the XIX International scientific and methodological conference. St. Petersburg, 2014. P. 283-287. [In Russ.]
4. Toyganbekova, M.E. Teaching Russian to foreign students in the system of higher medical education [Electronic Resource] // Global science and innovations: Central Asia International Scientific Journal. Nur-Sultan, 2021. Vol. 5. No. 1 (12). P. 157-161. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_46263926_78094308.pdf (access date: 14.10.2025). [In Russ.]
5. Kapitonova, T.I., Moskovkin, L.V. Methods of teaching Russian as a foreign language at the pre-university preparation stage [Electronic resource]. St. Petersburg: Zlatoust, 2020. 272 p. URL: <https://www.ibooks.ru/bookshelf/374092/reading> (access date: 19.11.2025). [In Russ.]
6. Shutova, M.N., Khromov, S.S. Teaching Russian interrogative intonation to foreign students // Amazonia Investiga. 2020. Vol. 9, No. 29. P. 45. DOI: 10.34069/AI/2020.29.05.6. [In Russ.]
7. Ayari, E. Difficulties in mastering Russian phonetics by foreign students // Terra Rusistica. 2021. P. 9-11. EDN LHVCHZ. [In Russ.]
8. Li Zhongzhi. Techniques for overcoming phonetic problems in teaching Chinese students Russian as a Foreign language [Electronic resource] // Philological Sciences. Theoretical Issues. 2025. Vol. 1, issue 9. <https://doi.org/10.30853/phil20250558> [In Russ.]
9. Bitektina, N.B., Klimova, V.N. Russian as a foreign language. Phonetics. 2nd ed. Moscow: Russian Language. Courses, 2014. 128 p. [In Russ.]
10. Arsky, A.A. On the issue of teaching foreign listeners basic listening and pronunciation skills of the Russian language // Pedagogical Journal. 2021. Vol. 11, No. 5-1. P. 525-532. DOI 10.34670/AR.2021.73.70.046. [In Russ.]
11. Peeters-Podgaevskaya, A.V., Andreyushina, E.A. Difficulties in mastering Russian language phonetics by Dutch students [Electronic resource] // Language, literature, culture: current problems of studying and teaching: collection of scientific and scientific-methodical articles. Issue 9. Moscow: MAKS Press, 2013. P. 277-290. <http://www.dialogue.msu.su> (access date: 14.10.2025). [In Russ.]
12. Nimatulaeva, M.D., Bolshakova, N.V. Features of teaching Russian phonetics to foreign students // RKI: Lingvomethodological educational. 2023. P. 162-166. EDN KAKXZZ. [In Russ.]
13. Shutova, M.N. Methodological techniques for teaching Russian sounds to foreign students // Discovering the Russian world: teaching Russian as a foreign language and general educational disciplines in the modern educational space: collection of scientific articles from the V International scientific and practical conference (Kursk, May 25–26, 2023). Kursk: Southwestern State University, 2023. P. 85-91. EDN MTKTJO. [In Russ.]
14. Litovkina A.M., Miao S. Methods and techniques for teaching Chinese students Russian phonetics // Global and Regional Research. 2023. Vol. 5, No. 3. P. 236-242. EDN IWJVQT. [In Russ.]
15. Nemykina, I.V. Teaching articulation in teaching Russian as a foreign language // Language and culture in the aspect of problems of language education in modern Russia. 2024. P. 352-355. EDN WNIGVS. [In Russ.]
16. Yakubova, M.I. Russian as a foreign language. Elimination of phonetic errors of foreign students [Electronic Resource] // ISSN: 2776-0979. 2022. Vol. 3, No. 2. URL: <https://philpapers.org/rec/ISMRAA> (access date: 17.10.2025). [In Russ.]
17. Burkova, S.S. Phonetics development at the initial stage of teaching Russian as a foreign language // Language and culture in the aspect of problems of language education in modern Russia. 2024. P. 325-328. EDN JTDELU. [In Russ.]
18. Bakirova, L.R. Features of the Russian phonetic system (based on the study of the sounds [p] and [b] in a foreign audience) // Language training in law schools: traditions and innovations in the era of global change. 2023. P. 26-31. EDN GHLTSV. [In Russ.]

19. Bakirova, L.R. Techniques for producing and distinguishing the sounds [s], [z] and [ts] in Russian as a foreign language classes // Bulletin of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022. No. 1(95). P. 113-118. EDN FKQTAG. [In Russ.]
20. Agafonova, A.A. Dynamics of Tajik-Russian interference in different types of speech activity: diss. ... PhD (Philology): 10.02.20. Moscow, 2021. 218 p. [In Russ.]
21. Kutyayeva, U.S., Mayer A.S. Difficulties of Turkmen students in learning Russian [Electronic resource] // Current issues in linguistics and methods of teaching foreign languages: materials of the All-Russian scientific and practical conference with international participation. Ekaterina burg: Azhur, 2024. P. 19-23. URL: <https://elar.urfu.ru/handle/10995/138281> (access date: 12.11.2025). [In Russ.]
22. Saparova, N.B. Analysis and difficulties in mastering the Russian language by bilingual students (based on phonetics and graphics) [Electronic resource] // Science and innovation. 2022. No. 1(4). P. 163-167. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-i-trudnosti-v-osvoenii-russkogo-yazyka-u-studentov-bilingvov-na-materiale-fonetiki-i-grafiki> (access date: 20.09.2025). [In Russ.]
23. Shukurova, K.Sh. On Some difficulties in mastering Russian phonetics by Uzbek students [Electronic Resource] // Current Issues of Teaching Russian as a Foreign Language at the Current Stage. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-nekotoryh-trudnostyah-v-usvoenii-russkoy-fonetiki-uzbekskimi-uchaschimisya> (access date: 15.09.2025). [In Russ.]
24. Grigoryan, A.A., Popkova, E.B. Teaching Russian to students from Turkmenistan // Philological Class. 2021. Vol. 26, No. 4. P. 302-315. DOI: 10.51762/1FK-2021-26-04-27. [In Russ.]
25. Globa, N.N., Tretyak, M.V. Methods of correction and differentiation of the sounds [r], [r'] in a foreign audience [Electronic resource] // Education, innovation, research as a resource for community development. 2024. P. 316-318. <https://phsreda.com/e-articles/10572/Action10572-109858.pdf> (access date: 10.09.2025). [In Russ.]
26. Voronina, L.V. Phonetic aspect in teaching Russian as a foreign language at the stage of pre-university training: problems and solutions // Humanitarian foundations of engineering education: methodological aspects in teaching speech disciplines and problems of speech education in universities: collection of materials of the IX All-Russian scientific and methodological conference (Peterhof, May 26, 2023) / ed. by T.V. Ryabova, O.A. Kunikova. St. Petersburg; Peterhof, 2023. P. 39-43. EDN KMBFYD. [In Russ.]
27. Arskiy, A.A. Teaching Basic Phonetic Skills of the Russian Language // Problems of Education Quality Management. 2021. P. 20-22. EDN IUMDDQ. [In Russ.]
28. Medina, S.M., Budnik, E. The potential of dialect phonetic mistakes in teaching Russian as a foreign language // Society. Integration. Education: Proceedings of the International Scientific Conference. May 28th–29th, 2021. Vol. V: COVID-19 Impact on Education, Information Technologies in Education, Innovation in Language Education. 2021. DOI: 10.17770/sie2021vol5.6235. [In Russ.]
29. Khromov, S.S. Polyfunctional analysis of Russian intonation in language and speech at the beginning of the 21st century. [Electronic resource] // Yaroslavl Pedagogical Bulletin. 2011. No. 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/polifunktionalnyy-analiz-russkoy-intonatsii-v-yazyke-i-rechi-v-nachale-hhi-v> (access date: 20.11.2025). [In Russ.]
30. Kuznetsova, E.G. Application of distance educational technologies in teaching Russian as a foreign language // Modern problems of science and education. 2022. No. 1. P. 11-19. [In Russ.]
31. Bondarenko, V.A. Problems of organizing distance learning in Russian as a foreign language (from the experience of preparatory courses for foreign students) // Young scientist. 2020. No. 39 (329). P. 185-187. [In Russ.]
32. Tlekhurai, M.K. Methodological aspects of the development of scientific speech of students of non-philological universities // Bulletin of Maikop State Technological University. 2020. Issue 2. P. 98-106. DOI: 10.24411/2078-1024-2020-12010 [In Russ.]

Информация об авторе / Information about the author

Фатима Аминовна Аутлева, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка как иностранного. Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Майкопский государственный технологический университет», 385000, Российская Федерация, г. Майкоп, ул. Первомайская, д. 191, e-mail: autlevaf@yandex.ru

Fatima A. Autleva, PhD (Philology), Associate Professor, Department of Russian as a Foreign Language, Maikop State Technological University, 191 Pervomayskaya St., Maikop, 385000, the Russian Federation, e-mail: autlevaf@yandex.ru

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.
The author has read and approved the final manuscript.

Поступила в редакцию 01.11.2025

Received 01.11.2025

Поступила после рецензирования 20.11.2025

Revised 20.11.2025

Принята к публикации 21.11.2025

Accepted 21.11.2025

Обзорная статья / Review paper

<https://doi.org/10.47370/2078-1024-2025-17-4-84-98>

УДК 378.126



Портфолио как инструмент мониторинга результатов профессионального саморазвития научно-педагогического работника

Е.В. Киселева

*Майкопский государственный технологический университет»,
г. Майкоп, Российская Федерация
evk2106@mail.ru*

Аннотация. Введение. В условиях трансформации механизмов управления сферой образования, популяризации цифровизации, продвижения единого информационного научно-образовательного пространства актуализируются вопросы, связанные с личностным ростом научно-педагогических работников. Успех профессиональной деятельности преподавателя высшей школы напрямую связан с показателями эффективности работы образовательной организации. Портфолио является сегодня наиболее эргономичным средством мониторинга педагогической деятельности на всех уровнях образования, позволяя проводить независимую экспертизу профессиональных достижений. Цель данного исследования состоит в обосновании технологии портфолио как инструмента мониторинга результатов профессионального саморазвития научно-педагогического работника в современных условиях.

Материалы и методы. При подготовке статьи использовались исследования, посвященные педагогическим идеям цифровизации образования в условиях глобализации, идеям проектирования профессиональной деятельности преподавателя в условиях цифрового пространства, взглядам на содержание портфолио преподавателя высшей школы. Методы исследования: сравнение, классификация, исторический метод, синтез, обобщение.

Результаты исследования. Автором описано понятие «портфолио научно-педагогического работника»; раскрыта его классификация; предложены рекомендации по его составлению.

Обсуждение и заключение. Портфолио научно-педагогического работника – единая база данных личных и профессиональных достижений преподавателя, дифференцированных в соответствии с определенными блоками, представленными в электронном формате. Существует несколько видов портфолио преподавателя: тематическое, рефлексивное, методическое, информационное, научно-исследовательское, комплексное. При составлении портфолио необходимо: четкое определение целей его создания, структурирование материала, регулярное обновление содержащейся в нем информации, следование требованиям вуза, применение современных информационных технологий, включение качественных материалов.

Ключевые слова: портфолио, профессиональное саморазвитие, процедура оценивания, мониторинг, научно-педагогический работник, преподаватель вуза, цифровизация образования, электронная информационная образовательная среда, качество образования

Для цитирования: Киселева Е.В. Портфолио как инструмент мониторинга результатов профессионального саморазвития научно-педагогического работника. *Вестник Майкопского государственного технологического университета*. 2025; 17(4): 84–98. <https://doi.org/10.47370/2078-1024-2025-17-4-84-98>

Portfolio as a tool for monitoring professional self-development of academic staff

E.V. Kiseleva

*Maikop State Technological University,
Maikop, the Russian Federation
evk2106@mail.ru*

Abstract. Introduction. In the context of the transformation of educational governance mechanisms, the popularization of digitalization, and the promotion of a unified scientific and educational information space, issues related to the personal growth of academic staff are becoming increasingly important. The professional success of university teachers is directly linked to the performance indicators of the educational organization. A portfolio is currently the most ergonomic means of monitoring teaching activities at all levels of education, allowing for independent assessment of professional achievements. The goal of the research is to substantiate the use of portfolio technology as a tool for monitoring the professional development of academic staff nowadays.

The materials and methods. The article was prepared using research on pedagogical ideas for the digitalization of education in the context of globalization, ideas for designing a teacher's professional activity in the digital space, and views on the content of a higher education teacher's portfolio. The research methods included comparison, classification, historical method, synthesis, and generalization.

The research results. The author describes the concept of a «teacher's portfolio», discloses its classification, and offers recommendations for its compilation.

Discussion and Conclusion. A teacher's portfolio is a unified database of a teacher's personal and professional achievements, categorized according to specific blocks presented in electronic format. There are several types of portfolios: thematic, reflective, methodological, informational, research-based, and comprehensive ones. When compiling a portfolio, it is necessary to define its purpose, structure the material, regularly update the information contained within, adhere to university requirements, utilize modern information technologies, and include high-quality materials.

Keywords: portfolio, professional development, assessment procedure, monitoring, academic staff, university professor, digitalization of education, electronic information educational environment, quality of education

For citation: Kiseleva E.V. Portfolio as a tool for monitoring professional self-development of academic staff. *Vestnik Majkopskogo gosudarstvennogo tehnologičeskogo universiteta*. 2025; 17(4): 84–98. <https://doi.org/10.47370/2078-1024-2025-17-4-84-98>

Введение. В нынешних условиях формирования высшей школы актуальной проблемой является поиск инновационных, более достоверных механизмов оценки результатов профессиональной деятельности научно-педагогических работников [14].

Вполне очевидно, что професионализм педагогов выступает базовым системообразующим фактором обеспечения качества образования на всех уровнях. Труд преподавателя вуза подвергается сегодня процессу модернизации, основными составляющими

которого выступают: оптимизация осуществления трудовых функций; совершенствование содержания и форм педагогической работы в условиях цифрового образовательного пространства; конкурентный характер труда научно-педагогического работника в соответствии с запросом рынка. Деятельность педагога высшей школы сопряжена с процедурой независимой экспертизы при заключении трудового соглашения. Средством такой оценки выступает портфолио преподавателя. С другой стороны, эффективность работы современного вуза во многом детерминирована качеством применяемой электронной информационной образовательной системы (ЭИОС) как неотъемлемого компонента управления в условиях цифровой среды. Технология портфолио является ответным инструментом в контексте национальных требований к построению единого образовательного информационного пространства, призванного оперативно и эффективно управлять каждой образовательной организацией и системой образования в целом [14]. В связи с этим возрастает потребность в теоретическом анализе накопленного педагогического опыта по разработке вопросов, связанных с портфолио научно-педагогического работника как составляющей электронной информационной образовательной среды высшего учебного заведения. Это привело к поиску новых подходов к проблеме разработки электронного портфолио преподавателя.

Обзор литературы. В имеющихся исследованиях по рассматриваемой проблеме констатируется прямая связь популяризации создания в учебных заведениях портфолио с глобальными изменениями в обществе, значимым из которых является цифровизация всех социальных сфер, включая сферу образования [3, 5, 23]. Рядом исследований доказана значимая роль портфолио педагога в оценке его индивидуальных достижений (Блинова Т.И., 2015; Леоньева А.В. с соавт., 2021; Крашакова Т.Ю., Тубер И.И., 2022) [1, 8, 23] и др. Среди научных статей по рассмат-

риваемой проблеме доминируют работы, посвященные разработке структурных компонентов портфолио научно-педагогического работника в зависимости от преподаваемой учебной дисциплины. Так, составляющие портфолио преподавателя иностранного языка рассмотрены Блиновой Т.И. [1], Кошкинбаевой А.О. и Хайыржановой А.Х. [7].

Исторические аспекты появления и применения портфолио в образовательной практике раскрыты в статьях Новиковой Т.Г., Пинской М.А, Прутченкова А.С., Федотовой Е.Е. «Портфолио в зарубежной образовательной практике» (2004) [13] и Блиновой Т.И. «Портфолио как средство оценивания профессионального развития преподавателя» (2015) [1].

Портфолио как разновидность педагогической технологии в современной рефлексивно-образовательной среде вуза рассмотрено Малаховой О.Ю. [11]. Новикова Т.Г. с соавт. представили разновидности портфолио преподавателя вуза в зависимости от назначения [13]. Галкиной А.И., Бурнашевой Е.А., Гришан И.А., Кадыровой Э.А. предложена классификация портфолио научно-педагогического работника в зависимости от его содержания. Учеными делается акцент на рефлексивную составляющую всего пакета представленных в нем документов как условия личностного роста преподавателя [21].

Цели и принципы составления портфолио преподавателя иностранного языка, а также алгоритм его создания изучены в статье Кошкинбаевой А.О., Хайыржановой А.Х. «Методика составления портфолио преподавателя иностранного языка» (2024) [7]. Список рекомендаций по разработке педагогом высшей школы портфолио рассмотрен в исследованиях Кошкинбаевой А.О., Хайыржановой А.Х., Надточий Ю.Б., Гуровой М.Е. [7, 12].

Опыт создания моделей портфолио преподавателя высшей школы отражен в работах Рязанцева И.И., Бузиной Т.С., Надточий Ю.Б., Гуровой М.Е. [16]. Леуш-

кановой О.Ю. разработаны структурные компоненты организационно-методического обеспечения внедрения портфолио в педагогическую деятельность преподавателя вуза: мотивационный, содержательный, технологический, рефлексивный, организационный [9].

Следовательно, можно утверждать, что вопросы создания портфолио научно-педагогического работника составляют довольно актуальный научный контент педагогических исследований.

Материалы и методы. Полученные автором результаты опираются на педагогические идеи цифровизации образования в условиях глобализации (Зейналов Г.Г., Кадакин В.В., 2021; Кисарин А.С., 2021; Розин В.М., 2021; Толипов У.К., Алибеков С.А., 2024; Агапова Т.В., Айснер Л.Ю., 2024; Широколобова А.Г., Гавриков Л.Ю., Монахова А.Л., 2024; Ваганова О.И., 2019) [4-5, 15, 18, 22, 24-25], проектирования профессиональной деятельности научно-педагогического работника в условиях внедрения в учебный процесс информационно-коммуникативных технологий (Ли Яцюань, 2021; Чистобаева Л.В., 2023; Дмитриев О.Н., Новиков С.В., 2024) [10, 19, 24].

Автором применялись следующие методы теоретического познания: сравнения (для сравнения структурных компонентов портфолио в разных вузах), классификации (позволил классифицировать целевые ориентиры разработки портфолио научно-педагогического работника на две группы: основные и дополнительные), исторический метод (его применение имело целью рассмотреть исторические аспекты зарождения и развития категории «портфолио»), синтез (позволил разработать практические рекомендации по составлению портфолио преподавателя, где отдельные предложения были соединены в единое целое), обобщения (позволил обобщить всю полученную информацию, сформулировать научно обоснованные выводы и практические рекомендации по составлению элек-

тронного портфолио). Основу методологии данного исследования составила интегрированная совокупность принципов познания, в числе которых принципы объективности, историзма, познаваемости, всесторонности, конкретности. Логика данного исследования предполагала следование следующему алгоритму:

– Осмысление научной проблемы, обоснование понятия «портфолио научно-педагогического работника», определение целей и задач его создания, описание существующих его видов.

– Представление структуры портфолио научно-педагогического работника, обобщение педагогического опыта.

– Разработка практических рекомендаций для научно-педагогических работников по созданию портфолио, формулировка полученных выводов.

Результаты исследования. Оценка профессиональной деятельности научно-педагогического работника представляет собой «...целенаправленный процесс установления соответствия качественных характеристик (степень сформированности профессиональных компетентностей), результатов профессиональной деятельности требованиям квалификационных характеристик» [1, с. 19]. Преподаватель высшей школы проходит традиционную процедуру оценивания своей профессиональной пригодности в виде конкурсного отбора. По мнению Т.И. Блиновой, сегодня функции конкурсного отбора «сводятся в основном к оценке профессиональной компетентности преподавателя, при этом в ходе процесса аттестации не выявляется зона ближайшего развития преподавателя, не выясняются причины возможных затруднений профессионального роста» [1, с. 19]. В условиях глобализации и реализации образовательной деятельности в цифровом пространстве в качестве возможного и эргономичного инструмента образовательного менеджмента стала популярной технология портфолио.

Исторический экскурс в рассматриваемую проблему позволил выявить

неоднозначность трактовки категории «портфолио». Зарождение портфолио связано с эпохой Возрождения, когда архитекторы Западной Европы заказчикам демонстрировали собственные работы и проекты строительных объектов в особой папке – «портфолио». На основании документов, содержащихся в этой папке, у заказчика создавалось впечатление о профессиональных качествах архитектора. Гульпенко К.В. и Тумашик Н.В. выдвинули несколько иную точку зрения, согласно которой термин «портфолио» имеет отношение к творческой работе художников [2]. Применительно к институту образования идея внедрения портфолио появилась гораздо позже – в 80-х годах XX века в США, распространившись в Канаде, на терри-

тории Европы, в Японии. В нашей стране данная идея получила свое развитие в начале XXI века в аспекте интеграции России в единое европейское образовательное пространство. Слово «портфолио» имеет английское происхождение («portfolio») и дословно означает «портфель / папку для хранения документов, письменных работ» и т. д. На французском языке оно означает «излагать», «формулировать», «досье», «собрание достижений». Следовательно, портфолио называется папка, содержащая набор документов, демонстрирующих достижения в какой-либо сфере деятельности [1].

В педагогическом контексте можно констатировать разные подходы к пониманию портфолио (рис. 1).

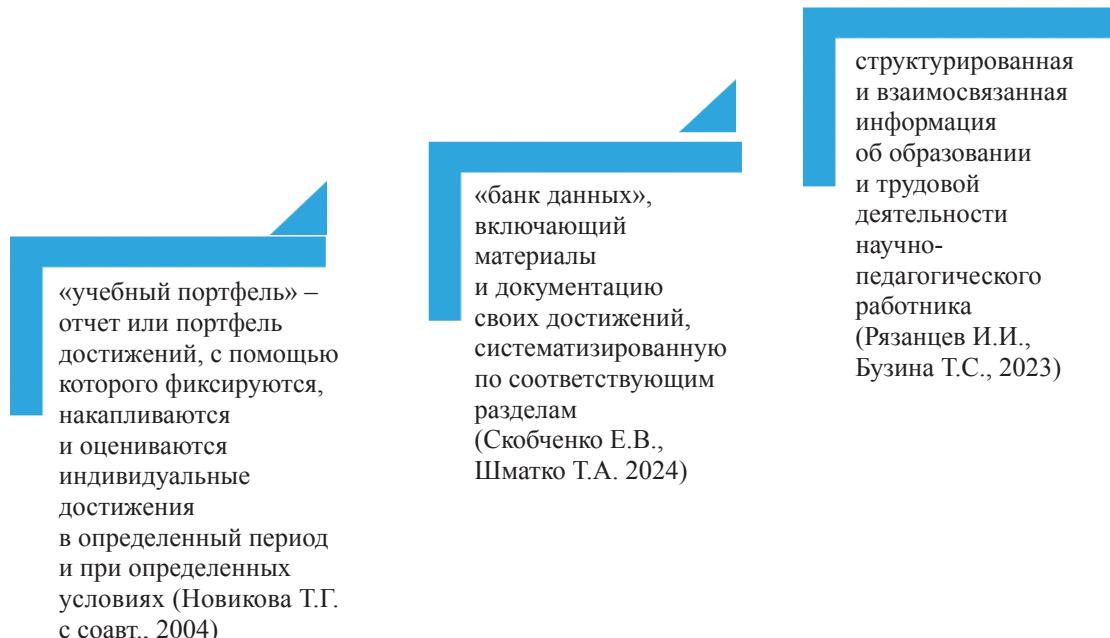


Рис. 1. Подходы к содержанию категории «портфолио» в педагогике
(составлено по источникам 13, 16-17)

Fig 1. Approaches to the content of «portfolio» category in Pedagogy (compiled from sources 13, 16-17)

Как видим, для категории «портфолио» характерно довольно широкое многообразие трактовок, общим для которых выступает один критерий: специальный сбор доказательств достижений научно-педагогического работника как определенный способ системной рефлексии на конкурентном рынке труда.

Сегодня дефиниция «портфолио» нашла воплощение в ряде законодательных актов применительно к образовательной деятельности (ФГОСах для разных уровней образования), а также в научных исследованиях. В педагогических исследованиях раскрыты цели и задачи, особенности содержа-

ния портфолио научно-педагогического работника, технология его создания в условиях ЭИОС вуза, его структурное наполнение, а также его разновидности.

По результатам изучения источников

можно обозначить следующие целевые ориентиры разработки портфолио преподавателя вуза, которые допустимо дифференцировать на две группы: основные и дополнительные (рис. 2).

Основные:

Аттестация. Портфолио используется для оценки профессионального уровня преподавателя, его квалификации, прохождения процедуры избрания по конкурсу.

Повышение квалификации. Портфолио помогает преподавателю отслеживать свой профессиональный рост и планировать мероприятия по повышению квалификации.

Трудоустройство. Портфолио является важным документом при трудоустройстве на новую работу, позволяя работодателю оценить квалификацию и опыт преподавателя.

Саморазвитие. Портфолио помогает преподавателю анализировать свою работу, выявлять сильные и слабые стороны, а также ставить цели для дальнейшего саморазвития.

Выступает инструментом демонстрации преподавателем своего профессионального роста.

Является средством самооценки своих профессиональных достижений.

Стимулирует развитие мотивации к непрерывному образованию.

Демонстрирует общую педагогическую культуру.

**Рис. 2. Целевые составляющие разработки портфолио научно-педагогического работника
(составлено по источникам 1, 7, 12-13)**

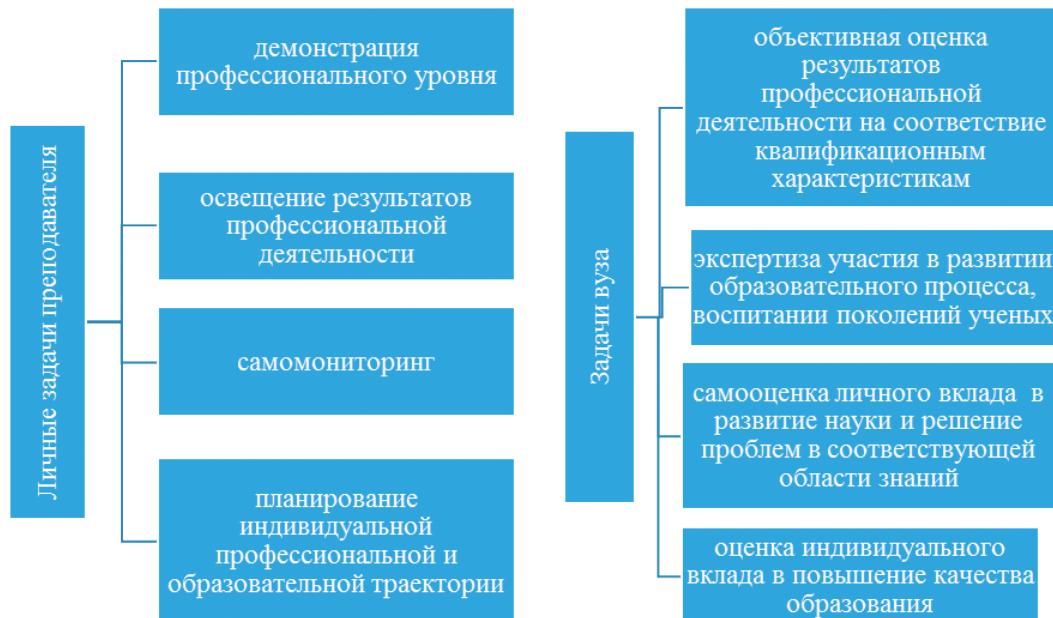
Fig 2. Target components for developing a portfolio of academics (compiled based on sources 1, 7, 12-13)

Гульпенко К.В. и Тумашик Н.В. считают, что работа по созданию портфолио научно-педагогического работника позволяет одновременно решать две группы задач – личные и задачи вуза (рис. 3).

Вполне очевидно, что работа над собственным портфолио является демонстрацией творческих способностей преподавателя, его цифровой культуры, общей подготовленности к трудовой

деятельности. Далее остановимся на принципах разработки портфолио науч-

но-педагогического работника, которые отражены на рис. 4.



**Рис. 3. Задачи создания портфолио научно-педагогического работника
(составлено по источнику 2)**

**Fig 3. The objectives of creating a scientific and pedagogical portfolio
(compiled based on source 2)**

Принципы	Описание
Полнота:	включает все необходимые документы и материалы, которые подтверждают квалификацию и опыт преподавателя.
Актуальность:	информационные материалы портфолио должны быть актуальными и отражать последние достижения преподавателя.
Доступность:	Портфолио должно быть понятным и удобным для восприятия.
Наглядность:	Достижения преподавателя имеют наглядное представление; допускается творческий подход к представлению информации о научно-педагогическом работнике.
Систематичность:	Необходимо постоянное обновление информации в соответствии с запросами времени и достигнутыми результатами.
Системность:	Представленный материал должен быть дифференцирован в зависимости от видов деятельности научно-педагогического работника, что отражено в разделах портфолио.

**Рис. 4. Принципы разработки портфолио научно-педагогического работника
(составлено по источнику 7)**

**Fig 4. Principles for developing a portfolio for an academic staff
(compiled based on source 7)**

В ряде исследований содержится информация, касающаяся классификации портфолио научно-педагогического работника. Ниже приведем пример такой классификации.

Классификации, предложенной сотрудниками Института управления образованием Российской академии образования [21]. Данная классификация представлена на рис. 5.

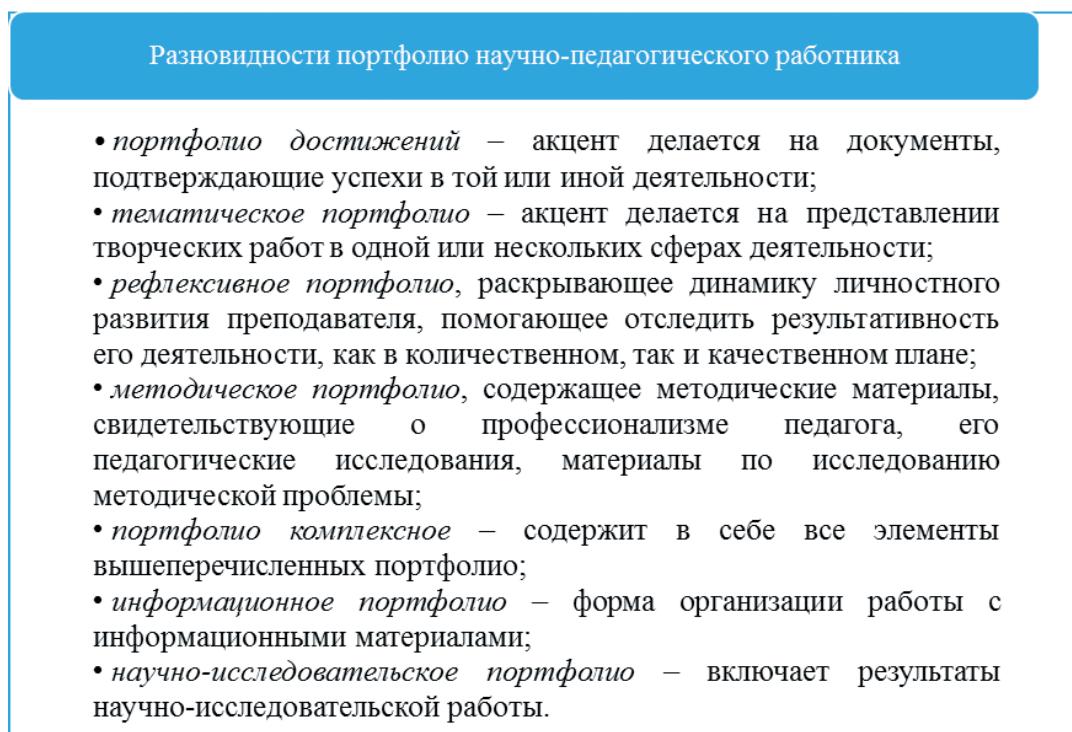


Рис. 5. Классификация портфолио научно-педагогического работника [21]

Fig 5. Classification of the portfolio of an academician [21]

Интерес вызывает разновидность портфолио – электронное рефлексивное портфолио, на основе которого можно отследить динамику личностного развития научно-педагогического работника с помощью материалов Объединенного фонда электронных ресурсов «Наука и образование» в двух направлениях (количественной и качественной результативности работы педагога применительно к разработке электронных образовательных ресурсов). Такой подход во многом детерминирован требованиями к высшим учебным заведениям в части частоты использования электронных образовательных ресурсов как составляющей показателей мониторинга образовательных организаций [21].

Модель портфолио научно-педагогического работника может иметь разно-

образную структуру, но в целом она включает совокупность следующих разделов и их компонентов (рис. 6):

Данная модель основана на требованиях нормативных документов в сфере образования.

Блинова Т.И. предлагает расширить представленную модель, включив в нее два важных, на ее взгляд, компонента: внеаудиторную деятельность и основания для избрания на претендуюшую должность [1].

Современные технологии представляют возможность каждому вузу формировать электронную информационную образовательную среду, одним из компонентов которой является электронное портфолио научно-педагогического работника.

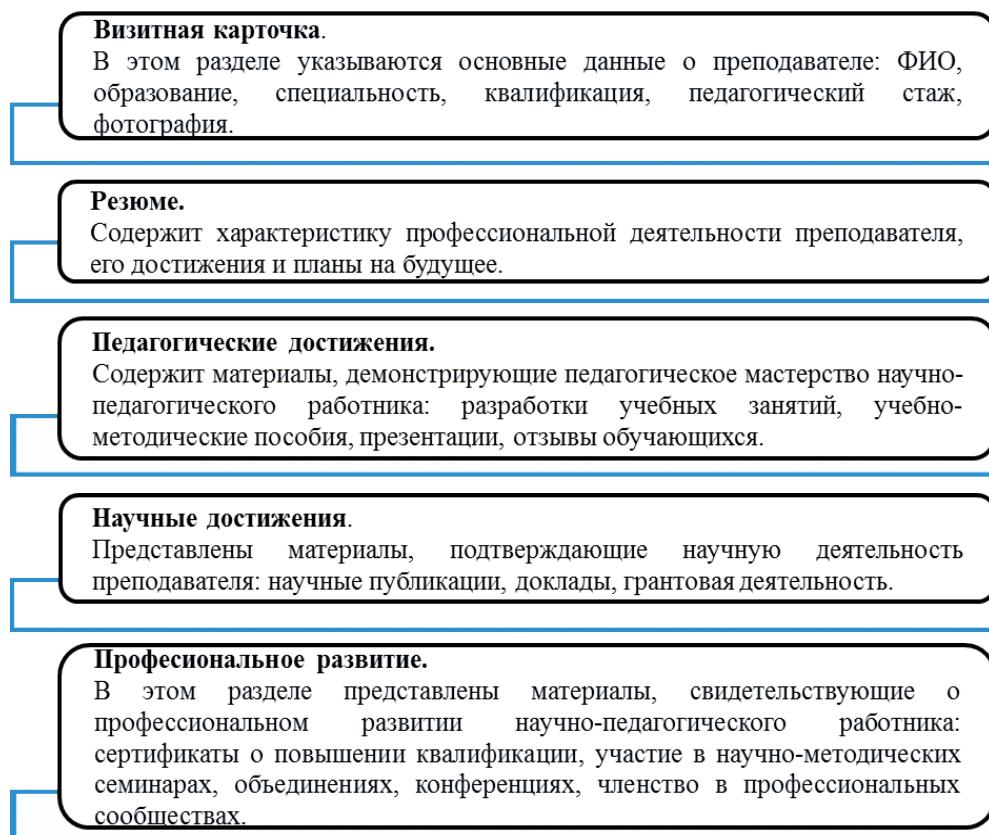


Рис. 6. Модель портфолио научно-педагогического работника (составлено по источнику 7)

Fig 6. Portfolio model of an academician (compiled based on source 7)

В Иркутском государственном аграрном университете им. А.А. Ежевского электронное портфолио научно-педагогических работников создается на базе единого электронного документооборота на платформе «1С: Университет ПРОФ». Каждый научно-педагогический работник имеет в электронной информационной образовательной среде личный кабинет, содержащий сведения о его квалификации, ученой степени и званиях, преподаваемых дисциплинах, распределении годовой учебной нагрузки. Документ «Портфолио сотрудников» представляет частный случай документа «План» и выполняет функции хранения портфолио научно-педагогических работников. Заполнение портфолио осуществляется для каждого вида работ в специальном документе – «Регистрация результатов по этапу». Удобство данного

инструмента заключается в его возможности обрабатывать данные посредством консоли запросов. Эти консоли помогают выбирать необходимую информацию из базы данных и представлять ее в разных форматах: таблицах, списках, диаграммах и пр. [16].

В ФГБОУ ВО «МИРЭА – Российский технологический университет», г. Москва, цифровое портфолио научно-педагогического работника представлено восьмью разделами: 1) раздел учебной работы (презентации к лекциям, дидактические инструменты к семинарским занятиям, рабочие программы по читающим дисциплинам, электронные курсы, сведения по руководству практиками студентов, выпускными квалификационными работами, магистерскими диссертациями и пр.); 2) раздел учебно-методической работы (разработанные и

изданные учебные издания, методические указания, фонды оценочных средств, тестовые материалы, отчетные документы и пр.); 3) раздел научно-исследовательской работы (список опубликованных научных работ, перечень научных конференций и конкурсов, в которых принимал участие преподаватель); 4) раздел организационно-воспитательной работы (участие в приемной кампании вуза, Днях открытых дверей, составлении расписания, подготовке студенческих мероприятий и пр.); 5) раздел повышения квалификации (перечень программ повышения квалификации, которые прошел преподаватель, список сертификатов и дипломов);

6) раздел дополнительного образования (дипломы о дополнительном образовании); 7) раздел общественных и других видов работ (изготовление рекламных буклетов, организация экскурсий, участие в волонтерской деятельности, спортивных соревнованиях и пр.); 8) раздел «Награды» (почетные грамоты, благодарности и т. п.) [12].

Изучение педагогических исследований по рассматриваемой проблеме, а также личный многолетний опыт работы в вузе позволили обозначить практические рекомендации по составлению портфолио научно-педагогического работника, которые представлены на рис. 7.

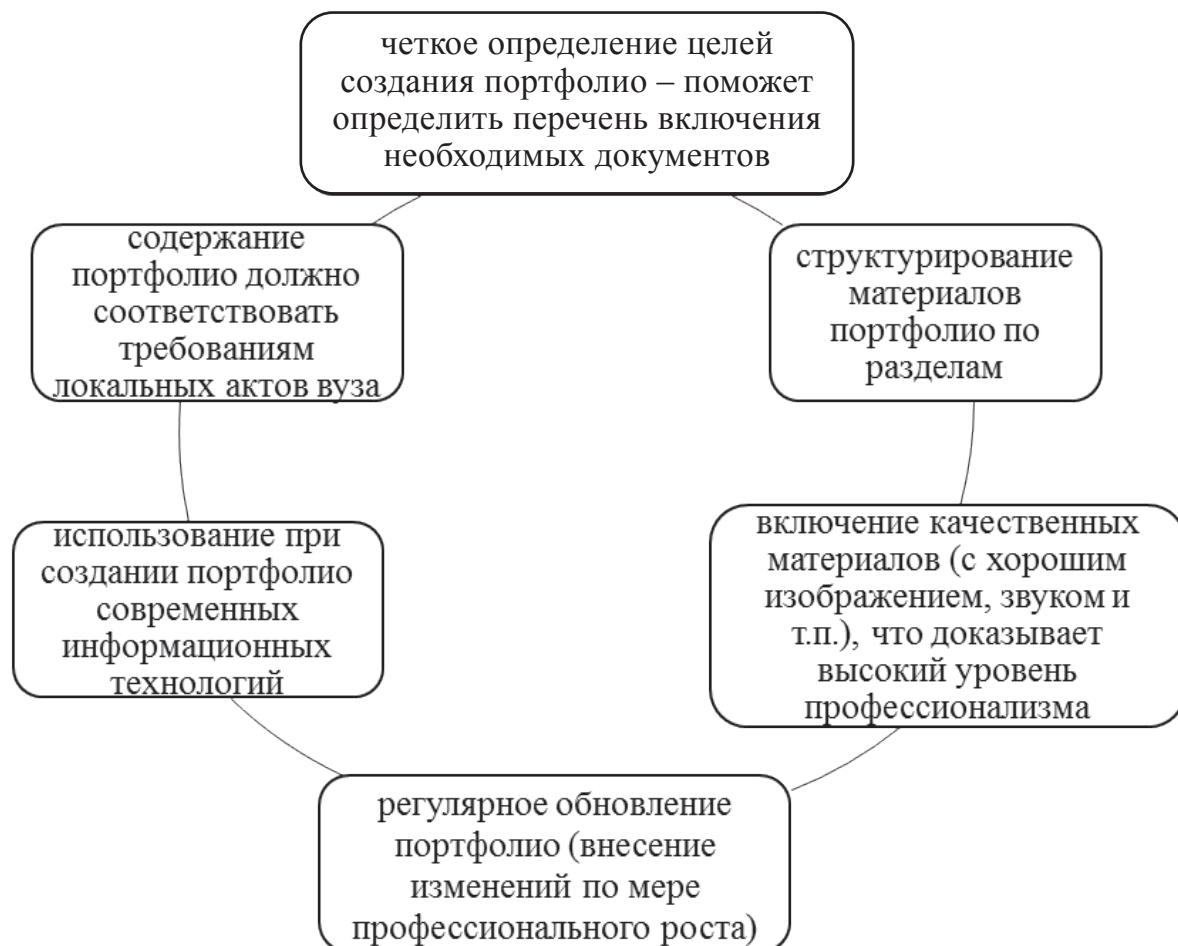


Рис. 7. Практические рекомендации по составлению портфолио научно-педагогического работника (составлено автором)

Fig 7. Practical recommendations for compiling an academician's portfolio (compiled by the author)

Обсуждение и заключение. Проблема технологии портфолио научно-педагогического работника представлена в педагогических исследованиях довольно широко. Проведенное исследование позволило получить следующие выводы.

Электронное портфолио научно-педагогического работника является составляющей электронной информационной образовательной среды вуза, создание которой детерминировано действующими федеральными образовательными стандартами по всем направлениям подготовки; это по сути явилось ответом на повсеместные процессы цифровизации и компьютеризации в глобальном мире.

Введение цифрового портфолио обусловлено вызовами современности, предопределившими качественно новый технологический подход к решению ряда вопросов в условиях глобального распространения интернет-технологий.

Портфолио научно-педагогического работника – современный действенный инструмент оценки эффективности деятельности научно-педагогического работника – механизм совершенствования управления сферой образования; средство оценки «интеллектуального капитала» педагога [12, с. 77].

К настоящему времени нет единого требования, обязывающего каждого

научно-педагогического работника создавать индивидуальное портфолио, однако косвенно элементы портфолио имеют место быть в личных кабинетах преподавателей.

Структурные элементы портфолио научно-педагогических работников могут отличаться в зависимости от профильности вуза, а также требований локальных документов, регламентирующих образовательную деятельность высшего учебного заведения. В наиболее общем виде базовыми компонентами портфолио преподавателя выступают общая информация, учебная, научная, воспитательная, общественная и иные виды деятельности.

Портфолио научно-педагогических работников нацелено на решение вопросов качества образования и выступает своеобразным инструментом внутреннего образовательного менеджмента.

Содержащиеся в работе сведения и предложенные автором практические рекомендации могут быть использованы вузами при разработке локальных актов, касающихся требований к созданию научно-педагогическими работниками портфолио, а также быть полезными широкому кругу педагогов в целях разработки собственных портфолио в образовательной среде учебного заведения.

КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов

CONFLICT OF INTERESTS

The author declares no conflict of interests

ЛИТЕРАТУРА

1. Блинова Т.И. Портфолио как средство оценивания профессионального развития преподавателя [Электронный ресурс] // Труды Братского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2015. Т. 1. С. 18-22. URL <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=25296596> (дата обращения 13.09.2025).
2. Гульпенко К.В., Тумашик Н.В. Формирование портфолио преподавателя вуза [Электронный ресурс] // Наука и образование в условиях цифровой трансформации экономики и обществ: сборник лучших докладов профессорско-преподавательского состава X Национальной научно-практической конференции института магистратуры с международным участием

(Санкт-Петербург, 19-20 апр. 2021 г.). СПб.: СПбГЭУ, 2021. С. 56-63. URL <https://elibrary.ru/item.asp?id=47194496> (дата обращения 13.09.2025).

3. Электронная образовательная среда вуза как инновационный ресурс профессиональной подготовки будущих психологов и социальных педагогов / Деткова И.В. [и др.] // Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2021. Т. 13, № 2. С. 62-70. DOI 10.47370/2078-1024-2021-13-2-62-70.

4. Зейналов Г.Г., Кадакин В.В. Цифровизация культуры и трансформация образования // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2021. № 12-1. С. 43-45. DOI 10.23672/t0425-2287-7144-i.

5. Кисарин А.С. Проблемы инноваций в дополнительном образовании в условиях цифровизации образования [Электронный ресурс] // Заметки ученого. 2021. № 6-1. С. 159-162. URL <https://elibrary.ru/item.asp?id=46240970> (дата обращения 12.09.2025).

6. Киселева Е.В. Теоретические подходы к определению понятия «Цифровое образование» // Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2022. Т. 14, № 1. С. 75-81. DOI 10.47370/2078-1024-2022-14-1-75-81.

7. Кошкинбаева А.О., Хайыржанова А.Х. Методика составления портфолио преподавателя иностранного языка [Электронный ресурс] // Актуальные исследования. 2024. № 4(186). С. 38-41. URL <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=59887434> (дата обращения 12.09.2025).

8. Крашакова Т.Ю., Тубер И.И. ЭОР «Электронное портфолио преподавателя» как инструмент оптимизации процесса подготовки к аттестации педагога на квалификационную категорию в АИС «Аттестация» [Электронный ресурс] // От цифровизации к цифровой трансформации: материалы VI Международной научно-практической конференции (Миасс, 28 янв. 2022 г.). Челябинск: Челябинский институт развития профессионального образования, 2022. С. 28-32. URL <https://elibrary.ru/item.asp?id=48700975> (дата обращения 16.09.2025).

9. Леушканова О.Ю. Развитие рефлексивно-оценочного компонента профессионально-цифровой культуры педагога: возможности использования веб-портфолио // Ученые записки университета им. П.Ф. Лесгафта. 2023. № 11(225). С. 225-231. DOI 10.34835/issn.2308-1961.2023.11.p225-231.

10. Ли Яцзюань. Профессиональное развитие педагога в условиях цифровизации образования [Электронный ресурс] // Профессиональное образование и общество. 2021. № 3(39). С. 208-212. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=46420983> (дата обращения 19.09.2025).

11. Малахова О.Ю. Реализация педагогической технологии портфолио в рефлексивно-образовательной среде вуза [Электронный ресурс] // Балтийский гуманитарный журнал. 2018. Т. 7, № 3(24). С. 261-265. URL <https://cyberleninka.ru/article/n/realizatsiya-pedagogicheskoy-tehnologii-portfolio-v-refleksivno-obrazovatelnoy-srede-vuza> (дата обращения 16.09.2025).

12. Надточий Ю.Б., Гурова М.Е. Портфолио как инструмент оценки интеллектуального капитала // Экономические системы. 2020. Т. 13, № 1(48). С. 77-85. DOI 10.29030/2309-2076-2020-13-1-77-85.

13. Портфолио в зарубежной образовательной практике / Новикова Т.Г. [и др.] // Вопросы образования. 2004. № 3. С. 201-239. URL <https://vo.hse.ru/article/view/14859/13915> (дата обращения 16.09.2025).

14. Освоение технологии электронного портфолио участниками образовательного процесса (на примере Северо-Кавказской государственной академии) / Л.Х. Хапаева [и др.] // Мир науки, культуры, образования. 2020. № 1(80). С. 99-103. DOI 10.24411/1991-5497-2020-00041.

15. Розин В.М. Цифровизация в образовании (по следам исследования «Трудности и перспективы цифровой трансформации образования») [Электронный ресурс] // Мир психологии. 2021. № 1-2(105). С. 104-115. URL <https://elibrary.ru/item.asp?id=46300147> (дата обращения 19.09.2025).

16. Рязанцев И.И., Бузина Т.С. Разработка модуля интеграции портфолио сотрудника в «1С: Университет ПРОФ» с личным кабинетом преподавателя в ЭИОС Иркутского ГАУ [Электронный ресурс] // Научные исследования студентов в решении актуальных проблем АПК: материалы

Всероссийской студенческой научно-практической конференции (Иркутск, 16–17 февр. 2023 г.): в 3 т. Т. 2. Молодежный: Иркутский ГАУ им. А.А. Ежевского, 2023. С. 297-301. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=53754399> (дата обращения 19.09.2025).

17. Скобченко Е.В., Шматко Т.А. Портфолио преподавателя СПО как инструмент самодиагностики [Электронный ресурс] // Вестник науки. 2024. Т. 2, № 3 (72). С. 200-203. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_62498749_52321755.pdf (дата обращения 18.09.2025).

18. Толипов У.К., Алибеков С.А. Цифровизация системы высшего образования: основная цель и задачи // Universum: психология и образование. 2024. № 4(118). С. 8-11. DOI 10.32743/UniPsy.2024.118.4.17098.

19. Чистобаева Л.В. Особенности профессиональной деятельности научно-педагогического работника в условиях цифровой образовательной среды // Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2023. Т. 15, № 1. С. 117-125. DOI 10.47370/2078-1024-2023-15-1-117-125.

20. Широколобова А.Г., Гавриков Л.Ю., Монахова А.Л. «Цифровизация образования» и «Цифровая трансформация образования» как базовые понятия цифровой дидактики // Человек и образование. 2024. № 4(81). С. 37-48. DOI 10.54884/1815-7041-2024-81-4-37-48.

21. Электронное рефлексивное портфолио преподавателя университета в диаграммах, таблицах, графиках / А.И. Галкина [и др.] // Образовательные технологии и общество. 2018. Т. 21, № 2. С. 500-514. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_32850678_28171059.pdf (дата обращения 18.09.2025).

22. Agapova, T.V., Aisner L.Yu. Digitalization of education: digital storytelling as a new format of educational activity [Electronic resource] // Pedagogical Journal. 2024. Vol. 14, No. 3-1. P. 131-136. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=68712876> (дата обращения 14.09.2025).

23. An effective contract as an innovative contour for evaluating the results of a teacher's professional activity in higher school [Electronic resource] / A.V. Leontieva [et al.] // Laplage em Revista. 2021. Vol. 7. URL: https://www.researchgate.net/publication/355240129_An_effective_contract_as_an_innovative_contour_for_evaluating_the_results_of_a_teacher's_professional_activity_in_higher_school (дата обращения 14.09.2025).

24. Concept of organization and functioning of integrated electronic infosphere of reporting on R & D works' results [Electronic resource] // Amazonia Investiga. 2019. Vol. 8, No. 21. P. 87-95. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=39168723> (дата обращения 15.09.2025).

25. Vaganova, O.I. Formation of competence in the possession of modern educational technologies at a university [Electronic resource] // Amazonia Investiga. 2019. № 8(23). P. 87-95. URL: <https://amazoniainvestiga.info/index.php/amazonia/article/view/851> (дата обращения 17.09.2025).

REFERENCES

1. Blinova, T.I. Portfolio as a means of assessing a teacher's professional development [Electronic resource] // Proceedings of Bratsk State University. Series: Humanities and Social Sciences. 2015. Vol. 1. P. 18-22. URL <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=25296596> (access date: September 13, 2025). [In Russ.]
2. Gulpenko, K.V., Tumashik, N.V. Formation of a university teacher's portfolio [Electronic resource] // Science and education in the context of the digital transformation of the economy and society: collection of the 10th National Scientific and Practical Conference with International Participation (St. Petersburg, April 19-20, 2021). St. Petersburg: SPbGEU, 2021. Pp. 56-63. URL <https://elibrary.ru/item.asp?id=47194496> (access date: 13.09.2025). [In Russ.]
3. The electronic educational environment of a university as an innovative resource for the professional training of future psychologists and social educators / Detkova I.V. [et al.] // Bulletin of Maikop State Technological University. 2021. Vol. 13, No. 2. P. 62-70. DOI 10.47370/2078-1024-2021-13-2-62-70. [In Russ.]

4. Zeynalov, G.G., Kadakin, V.V. Digitalization of culture and transformation of education // Humanitarian, socio-economic and social sciences. 2021. No. 12-1. P. 43-45. DOI 10.23672/t0425-2287-7144-i. [In Russ.]
5. Kisarin, A.S. Problems of innovations in supplementary education in the context of digitalization of education [Electronic resource] // Notes of a scientist. 2021. No. 6-1. P. 159-162. URL <https://elibrary.ru/item.asp?id=46240970> (access date: 12.09.2025). [In Russ.]
6. Kiseleva, E.V. Theoretical approaches to defining the concept of «digital education» // Bulletin of Maikop State Technological University. 2022. Vol. 14, No. 1. P. 75-81. DOI 10.47370/2078-1024-2022-14-1-75-81. [In Russ.]
7. Koshkinbaeva, A.O., Khaiyrzhanova, A.Kh. Methodology for compiling a foreign language teacher's portfolio [Electronic resource] // Current Research. 2024. No. 4(186). P. 38-41. URL <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=59887434> (access date: 12.09.2025). [In Russ.]
8. Krashakova, T.Yu., Tuber, I.I. The electronic resource «electronic portfolio of a teacher» as a tool for optimizing the process of preparing for a teacher's certification for a qualification category in the AIS «certification» [Electronic Resource] // From digitalization to digital transformation: proceedings of the VI International Scientific and Practical Conference (Miass, January 28, 2022). Chelyabinsk: Chelyabinsk Institute for the Development of Professional Education, 2022. P. 28-32. URL <https://elibrary.ru/item.asp?id=48700975> (access date: September 16, 2025). [In Russ.]
9. Leushkanova, O. Yu. Development of the reflexive-evaluative component of a teacher's professional digital culture: possibilities of using a web portfolio // Scientific Notes of P.F. Lesgaft University. 2023. No. 11(225). P. 225-231. DOI 10.34835/issn.2308-1961. 2023.11. P. 225-231. [In Russ.]
10. Li Yajuan. Professional Development of a Teacher in the Context of Digitalization of Education [Electronic Resource] // Professional Education and Society. 2021. No. 3(39). Pp. 208-212. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=46420983> (access date: September 19, 2025). [In Russ.]
11. Malakhova, O. Yu. Implementation of the pedagogical portfolio technology in the reflective-educational environment of a university [Electronic Resource] // Baltic Journal of the Humanities. 2018. Vol. 7, No. 3(24). P. 261-265. URL <https://cyberleninka.ru/article/n/realizatsiya-pedagogicheskoy-tehnologii-portfolio-v-refleksivno-obrazovatelnoy-srede-vuza> (access date: 16.09.2025). [In Russ.]
12. Nadtochiy, Yu.B., Gurova, M.E. Portfolio as a tool for assessing intellectual capital // Economic Systems. 2020. Vol. 13, No. 1(48). P. 77-85. DOI 10.29030/2309-2076-2020-13-1-77-85. [In Russ.]
13. Portfolio in foreign educational practice / Novikova T.G. [et al.] // Voprosy obrazovaniya. 2004. No. 3. P. 201-239. URL <https://vo.hse.ru/article/view/14859/13915> (access date: 16.09.2025). [In Russ.]
14. Mastering the electronic portfolio technology by participants of the educational process (the case of the North Caucasus State Academy) / L.Kh. Khapaeva [et al.] // The World of Science, Culture, Education. 2020. No. 1(80). P. 99-103. DOI 10.24411/1991-5497-2020-00041. [In Russ.]
15. Rozin, V.M. Digitalization in education (following the study «Difficulties and prospects of digital transformation of education») [Electronic resource] // The World of Psychology. 2021. No. 1-2 (105). P. 104-115. URL <https://elibrary.ru/item.asp?id=46300147> (access date: 19.09.2025).
16. Ryazantsev, I.I., Buzina, T.S. Development of a module for integrating an employee's portfolio in «1C: University PROF» with a teacher's personal account in the Electronic Information and Information System of Irkutsk State Agrarian University [Electronic resource] // Scientific research of students in solving current problems of the agro-industrial complex: materials of the All-Russian student scientific and practical conference (Irkutsk, February 16-17, 2023): in 3 vols. Vol. 2. Youth: Irkutsk State Agrarian University named after A.A. Ezhevsky, 2023. P. 297-301. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=53754399> (access date: 19.09.2025).
17. Skobchenko, E.V., Shmatko, T.A. Portfolio of a secondary vocational education teacher as a self-diagnostic tool [Electronic Resource] // Science Herald. 2024. Vol. 2, No. 3(72). P. 200-203. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_62498749_52321755.pdf (access date: 18.09.2025). [In Russ.]

18. Tolipov, U.K., Alibekov, S.A. Digitalization of the higher education system: main goal and objectives // Universum: Psychology and Education. 2024. No. 4(118). P. 8-11. DOI 10.32743/UniPsy.2024.118.4.17098. [In Russ.]
19. Chistobaeva, L.V. Features of the professional activity of a scientific and pedagogical worker in the context of the digital educational environment // Bulletin of Maikop State Technological University. 2023. Vol. 15, No. 1. P. 117-125. DOI 10.47370/2078-1024-2023-15-1-117-125. [In Russ.]
20. Shirokolobova, A.G., Gavrikov, L.Yu., Monakhova, A.L. «Digitalization of education» and «Digital transformation of education» as basic concepts of digital didactics // Man and Education. 2024. No. 4(81). P. 37-48. DOI 10.54884/1815-7041-2024-81-4-37-48. [In Russ.]
21. Electronic reflective portfolio of a university Teacher in diagrams, tables, and graphs / A.I. Galkina [et al.] // Educational Technologies and Society. 2018. Vol. 21, No. 2. P. 500-514. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_32850678_28171059.pdf (access date: 18. 09. 2025). [In Russ.]
22. Agapova, T.V., Aisner, L.Yu. Digitalization of education: digital storytelling as a new format of educational activity [Electronic resource] // Pedagogical Journal. 2024. Vol. 14, No. 3-1. P. 131-136. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=68712876> (access date: 14.09. 2025).
23. An effective contract as an innovative competition for evaluating the results of a teacher's professional activity in higher school [Electronic resource] / A.V. Leontieva [et al.] // Laplage em Revista. 2021. Vol. 7. URL: https://www.researchgate.net/publication/355240129_An_effective_contract_as_an_innovative_contour_for_evaluating_the_results_of_a_teacher's_professional_activity_in_higher_school (access date: 14.09.2025).
24. Concept of organization and functioning of integrated electronic infosphere of reporting on R & D works' results [Electronic resource] // Amazonia Investiga. 2019. Vol. 8, No. 21. P. 87-95. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=39168723> (date accessed 09/15/2025).
25. Vaganova, O.I. Formation of competence in the possession of modern educational technologies at a university [Electronic resource] // Amazonia Investiga. 2019. No. 8(23). pp. 87-95. URL: <https://amazoniainvestiga.info/index.php/amazonia/article/view/851> (access date: September 17, 2025).

Информация об авторе / Information about the author

Елена Владимировна Киселева, кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков. Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Майкопский государственный технологический университет», 385000, Российская Федерация, Майкоп, ул. Первомайская, д. 191, e-mail: evk2106@mail.ru

Elena V. Kiseleva, PhD (Pedagogy), Associate Professor, the Department of Foreign languages. Maikop State Technological University, 385000, the Russian Federation, Maikop, 191 Pervomayskaya str., e-mail: evk2106@mail.ru

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.
The author has read and approved the final manuscript.

Поступила в редакцию 19.09.2025

Received 19.09.2025

Поступила после рецензирования 11.10.2025

Revised 11.10.2025

Принята к публикации 11.10.2025

Accepted 11.10.2025

Оригинальная статья / Original paper

<https://doi.org/10.47370/2078-1024-2025-17-4-99-115>
УДК 378.016:811



Методологические подходы к обучению профессиональной терминологии на занятиях по иностранному языку в техническом вузе

Т.М. Чеучева

*Майкопский государственный технологический университет,
г. Майкоп, Российская Федерация
yatoma01@yandex.ru*

Аннотация. Введение. В связи с глобализационными процессами, происходящими в современном обществе, роль иностранного языка в становлении квалифицированного специалиста возрастает. Актуальность статьи заключается в необходимости совершенствования методов обучения профессионально ориентированному иностранному языку в техническом вузе в условиях ограниченного количества часов, отводимых на изучение данной дисциплины. Низкая учебная мотивация, недостаточный уровень языковой подготовки, психологические барьеры негативно сказываются на усвоении обучающимися профессиональной лексики, на формировании коммуникативных компетенций. Цель работы заключается в разработке эффективных методов обучения профессиональной терминологии, в обосновании необходимости сочетания когнитивного и коммуникативного подходов в преподавании иностранного языка в техническом вузе.

Материалы и методы. Изучена научно-методическая литература, проанализированы ФГОС ВО, учебные планы, рабочие программы по профильным дисциплинам. При исследовании были использованы научные методы, такие как анализ, наблюдение, обобщение, систематизация.

Результаты исследования. Теоретически и практически обоснована необходимость сочетания коммуникативного и когнитивного подходов при обучении профессиональной лексике. Доказано позитивное влияние на развитие мыслительных способностей таких методов, как этимологический анализ, составление глоссария. Разработаны стратегии к подаче текстового материала, к проведению групповой работы на различных этапах обучения.

Обсуждение и заключение. Достижение высоких результатов в преподавании иностранного языка в техническом вузе требует соблюдения принципов коммуникативно-когнитивного подхода, аутентичности учебных материалов, междисциплинарной интеграции, максимального погружения в профессиональную среду.

Предложенные автором методы обучения профессиональной лексике направлены на повышение учебной мотивации, на формирование языковых и профессиональных компетенций.

Ключевые слова: иностранный язык, терминологическая лексика, профессионально ориентированное обучение, когнитивный подход, коммуникативные компетенции, глоссарий, этимологический анализ

Для цитирования: Чеучева Т.М. Методологические подходы к обучению профессио-нальной терминологии на занятиях по иностранному языку в техническом вузе. *Вестник Майкопского государственного технологического университета*. 2025; 17(4): 99–115. <https://doi.org/10.47370/2078-1024-2025-17-4-99-115>

Methodological approaches to teaching professional terminology in foreign language classes at a technical university

T.M. Cheucheva

*Maikop State Technological University, Maikop, the Russian Federation
yatoma01@yandex.ru*

Abstract. Introduction. Due to globalization processes occurring in modern society, the role of a foreign language in the development of a qualified specialist is increasing. The relevance of the research lies in the need to improve teaching methods for professionally oriented foreign languages at a technical university, given the limited number of hours allocated to this subject. Low academic motivation, insufficient language proficiency, and psychological barriers negatively impact students' acquisition of professional vocabulary and the development of communicative competencies. The goal of the research is to develop effective methods for teaching professional terminology and to substantiate the need to combine cognitive and communicative approaches in teaching foreign languages at a technical university.

The materials and methods. Scientific and methodological literature have been reviewed, the Federal State Educational Standards of Higher Education, curricula, and work programs for specialized disciplines have been analyzed. Scientific methods, such as analysis, observation, generalization, and systematization have been used in the research.

The research results. The need to combine communicative and cognitive approaches in teaching professional vocabulary has been theoretically and practically substantiated. The positive impact of methods such as etymological analysis and glossary compilation on the development of cognitive abilities has been demonstrated. Strategies for presenting textual material and conducting group work at various stages of learning have been developed.

Discussion and Conclusion. Achieving high results in foreign language teaching at a technical university requires adherence to the principles of a communicative-cognitive approach, authenticity of educational materials, interdisciplinary integration, and maximum immersion in the professional environment.

The proposed methods for teaching professional vocabulary are aimed at increasing learning motivation and developing linguistic and professional competencies.

Keywords: foreign language, terminological vocabulary, professionally oriented learning, cognitive approach, communicative competencies, glossary, etymological analysis

For citation: Cheucheva T.M. Methodological approaches to teaching professional terminology in foreign language classes at a technical university. *Vestnik Majkopskogo gosudarstvennogo tehnologičeskogo universiteta*. 2025; 17(4): 99–115. <https://doi.org/10.47370/2078-1024-2025-17-4-99-115>

Введение. Одним из неотъемлемых компонентов становления высококвалифицированного специалиста является владение им терминологической лексикой, благодаря которой приобретаются знания, а в дальнейшем успешно осуществляется коммуникация в процессе профессиональной деятельности.

Владение специализированной терминологией на иностранном языке позволяет выпускнику технического вуза иметь доступ к зарубежным научным источникам информации, эффективно взаимодействовать с коллегами в рамках международных проектов, обмена опытом, быть конкурентоспособным на мировом рынке труда.

Обучение терминологической лексике должно быть основано на коммуникативно-когнитивном подходе с использованием профессионально ориентированных аутентичных текстов. Задача преподавателя иностранного языка заключается в обучении студентов не пассивному заучиванию технических терминов, а их осмысленному использованию в речи для решения коммуникативных задач, связанных с будущей профессией.

Проблема выбора наиболее эффективных методов профессионально ориентированного обучения иностранному языку является сегодня достаточно актуальной, требующей специального изучения. Вызвано это, главным образом, сложившимися в настоящее время противоречиями между требованиями Федеральных государственных образовательных стандартов к дисциплине «Иностранный язык» в техническом вузе и существующими условиями обучения данному предмету [1, с. 146]. В соответствии с ФГОС ВО языковая подготовка будущих специалистов подразумевает способность осуществлять в рамках профессиональной деятельности деловую коммуникацию в устной и письменной формах на русском и иностранном языках, что предполагает умение проводить презентации, участвовать в переговорах,

дискуссиях, круглых столах, вести деловую переписку.

Препятствием для качественного овладения студентами иностранным языком в неязыковом вузе является недостаточное количество часов, отводимое на его изучение, а также низкая учебная мотивация, психологические барьеры, слабый уровень языковой подготовки. В сложившихся условиях необходим поиск новых эффективных подходов к обучению данной дисциплине, включая работу со специализированной лексикой, методику ее подачи, отработки и активизации.

Обзор литературы. Отечественными и зарубежными учеными внесен огромный вклад в разработку как теоретических, так и практических аспектов методики обучения иностранному языку для специальных целей (ESP) в неязыковых вузах. В настоящее время в условиях глобализации общества интерес к данной теме все возрастает, подтверждением чему являются работы многих авторов.

Современные ученые, такие как Г.В. Файзиева, Т.Ю. Полякова, Н.В. Тимриева, в контексте сложившихся противоречий между требованиями образовательных стандартов и условиями преподавания иностранного языка в техническом вузе пытаются разработать новые стратегии и подходы к обучению данной дисциплины [1-3]. И.Н. Авилкина в своей работе «Трудности в преподавании иностранного языка в техническом вузе, поиски путей их преодоления» придает большое значение профессионально ориентированному и ситуативному подходам в подготовке будущих специалистов. Автор видит решение проблем учебного процесса в перераспределении времени между аудиторной и самостоятельной работой обучающихся, а также в активном использовании информационных и коммуникационных технологий [4, с. 148]. Статья Т.Е. Вавиловой и Е.И. Ереминой посвящена актуализации междисциплинарных связей в процессе

обучения иностранному языку в техническом вузе. Авторы уделяют внимание важности подбора учебного материала, направленного на формирование профессиональной иноязычной коммуникации [5, с. 176]. Профессионально ориентированному подходу при обучении иностранному языку в техническом вузе посвящена работа Н.Н. Сергеевой и С.Н. Сорокоумовой, где отмечена необходимость формирования у будущих специалистов навыков научно-исследовательской работы в контексте своей профессиональной деятельности [6].

Разработке эффективных методов обучения профессиональной терминологии на занятиях по иностранному языку в техническом вузе посвящены работы многих современных ученых. Так, К.А. Рокитянская и Э.Ю. Мизюрова в своей публикации отмечают роль активизации профессиональной лексики в формировании иноязычной коммуникативной компетенции студентов неязыковых специальностей [7, с. 11]. В статье А.З. Абдурахмановой представлены способы применения лексического подхода в обучении будущих инженеров-строителей [8]. А.А. Кантышева предлагает новые стратегии с целью преодоления сложностей в процессе усвоения студентами профессионально ориентированной лексики [9].

Когнитивному подходу в обучении иностранному языку как средству развития мотивации посвящена работа А.В. Третьяковой, где автор предлагает упражнения, основанные на современных когнитивно-коммуникативных технологиях [10].

Некоторые ученые считают целесообразным использовать на занятиях по иностранному языку в технических вузах составление терминологического глоссария. О.С. Бобровницкая и А.В. Кузьмина считают данный метод интерактивной работы эффективным средством для успешного овладения профессиональной лексикой, расширения словарного запаса,

формирования и развития когнитивных навыков [11], [12]. По мнению М.С. Ремизовой, составление глоссария делает учебный процесс более осмысленным, мотивирует обучающихся к дальнейшему погружению в язык своей будущей специальности [13, с. 126]. И.Л. Пичугова в своей статье, посвященной составлению глоссария, описывает основные преимущества данного вида работы и раскрывает мотивационный потенциал в процессе овладения обучающимися профессионально-ориентированной лексикой [14].

Часть ученых считает одним из действенных приемов работы с терминами этимологический анализ. Согласно исследованию Е.К. Абрамовой, применение данного метода на уроках иностранного языка помогает осознанно овладевать материалом, делая процесс обучения более продуктивным и увлекательным [15, с. 399]. В своей работе О.В. Шестакова, С.В. Демидова и Л.В. Яшманова утверждают, что применение этимологического анализа при обучении иностранному языку благотворно влияет не только на запоминание лексики, но и на формирование системного мышления [16, с. 92]. Вопросы развития рефлексивных навыков в процессе обучения иностранному языку отражены в исследовании Э.Г. Крылова и Е.П. Пономаренко, по мнению которых благодаря неразрывной взаимосвязи между мышлением и речью овладение иностранным языком становится мощным инструментом для формирования интеллектуального потенциала личности обучающихся [17, с. 23]. Интерактивным методам обучения иностранному языку и их положительному влиянию на усвоение профессиональной лексики посвящены работы И.Ф. Мусаеляна, А.В. Щербаневой [18, 19].

Среди зарубежных авторов можно выделить Таамнеха Иссама Мостафу, одно из исследований которого посвящено интерактивным методам в обучении иностранному языку [20]. Andres Хименес

в своей работе подчеркнул, что ролевые игры позволяют развивать коммуникативные навыки в естественных ситуациях общения, повышая учебную мотивацию, снимая языковой барьер [21]. Контекстуальный подход к овладению лексикой отображен в публикации Гесы ван де Брук, Евы Бесселинг, Линске Хейссен и Май Леттинк [22]. Dana Рус и Мехрин Андлиб фокусируют свое внимание на использовании аутентичных материалов на занятиях по английскому языку для специальных целей, где указывают на преимущества подлинных материалов как ценного источника фактической информации [23, 24].

Несмотря на значительное число научных трудов, посвященных проблемам обучения иностранному языку в техническом вузе, их дальнейшее исследование и развитие остаются актуальными.

Материалы и методы. Теоретической основой исследования, проведенного автором, является анализ научно-методической литературы по вопросам преподавания профессионально ориентированного иностранного языка в техническом вузе. Особое внимание уделено работе со специализированной лексикой. С целью выработки эффективных методов обучения данной дисциплине, правильного подбора аутентичного текстового материала по специальности, а также создания комплекса упражнений изучены профессиональные, в том числе языковые компетенции в контексте Федеральных государственных образовательных стандартов высшего образования, рассмотрены и проанализированы существующие учебные планы, рабочие программы и методическая литература по профильным дисциплинам. С целью отбора учебного материала, а также разработки лексических упражнений проведены анализ и систематизация профессиональной терминологии в области землеустройства и кадастра на базе аутентичных текстов, специализированных глоссариев, англо-русских и

русско-английских словарей. На основе теоретических знаний, изучения и анализа практического опыта ряда технических вузов различного профиля, а также исходя из собственной педагогической практики автором предложены некоторые методологические приемы обучения профессиональной лексике землеустроительной и кадастровой сферы.

Результаты исследования. В соответствии с рабочей программой по дисциплине «Иностранный язык», разработанной для студентов направления подготовки бакалавров «Землеустройство и кадастры» факультета аграрных технологий Майкопского государственного технологического университета, выпускники вуза должны уметь переводить аутентичные профессиональные тексты с иностранного на государственный язык и обратно, знать терминологическую лексику на основе прочитанных и проработанных текстов.

Опираясь на методические исследования и собственный педагогический опыт, можно утверждать, что основным источником формирования лексической компетенции в рамках профессионального иноязычного образования являются аутентичные тексты по изучаемой специальности. Представляя собой реальный языковой материал, они способствуют контекстуальному овладению специализированной терминологией, пониманию структуры и логики изложения научной мысли, приобретению как теоретических, так и практических знаний в профессиональной сфере. В этой связи важное значение имеет отбор текстового материала, основными критериями которого являются аутентичность, актуальность, информативная значимость, практическая ценность. Содержание текстов должно отражать как научные, так и производственные аспекты будущей профессиональной деятельности студентов, соответствовать основным задачам их подготовки как специалистов. Правильно подобранный материал будет

способствовать повышению мотивации обучающихся к изучению иностранного языка, стимулировать их творческий подход к развитию и совершенствованию профессионально-коммуникативных навыков [5, с. 177].

Важным условием грамотного построения процесса обучения иностранному языку для специальных целей является соответствие содержания текстового материала структуре профилирующих дисциплин, соотношению их составляющих. Именно поэтому уже на раннем этапе необходимо взаимодействие с выпускающими кафедрами, что позволит глубже понять специфику и потребности конкретной специальности, ознакомиться с ее терминосистемой и языковыми особенностями.

На начальном этапе изучения иностранного языка мы предлагаем обучающимся направления подготовки бакалавров «Землеустройство и кадастры» небольшие по своему объему аутентичные научно-популярные тексты познавательного характера, благодаря которым происходит знакомство с будущей профессией. Так, студенты в первом семестре работают с такими текстами, как «What does a land surveyor do?» (Чем занимается землестроитель?), «Land surveying history» (История землеустройства), «Conservation of land resources» (Охрана земельных ресурсов), «History of cartmaking» (История картографии). Как правило, такого рода литература не вызывает особых проблем при переводе, так как не загромождена специализированными терминами – они в большей степени носят общетехнический или межотраслевой характер и не являются сложными для понимания и усвоения. Данный подход к подаче текстового материала на раннем этапе обучения позволяет студентам легче преодолевать психологический барьер, что способствует повышению языковой и профессиональной мотивации.

Начиная со второго семестра обучающиеся работают с более объемными

аутентичными текстами узкопрофильного направления, такими, как «Aerial and terrestrial photogrammetry» (Воздушная и наземная фотограмметрия), «Traverse surveying» (Съемка попечерных профилей), «Triangulation and trilateration» (Триангуляция и трилатерация), «Combining angles and distances to determine positions» (Комбинирование углов и расстояний для определения местоположения). Основными характеристиками специальных текстов являются информационная насыщенность, логическая последовательность изложения, четкая передача мысли. Такого рода материал содержит более сложные для понимания и перевода технические термины, отражающие профессиональную сферу будущих выпускников.

Опыт, полученный нами при обучении иностранному языку в техническом вузе, показывает, что самостоятельный поиск и перевод новой специализированной лексики является более эффективным методом ее усвоения студентами. Такой подход активизирует мыслительную деятельность обучающихся, повышает их вовлеченность в образовательный процесс, делая его более интересным и мотивирующим. При возникновении у студентов трудностей с пониманием контекстуальных значений новых терминов предполагается помочь преподавателя.

Особые проблемы при переводе аутентичных текстов по специальности вызывают, как правило, многокомпонентные термины (терминологические словосочетания), представляющие собой семантически целостное сочетание двух и более слов, отражающих единое понятие определенной отрасли знания. Для правильного перевода многокомпонентных терминов студентам необходимо научиться определять структуру слова, выявлять его смысловое ядро, выполняющее роль основного компонента (обычно это существительное), понимать семантическую нагрузку каждого элемента и то, как они

между собой связаны. При обучении перевода терминологических словосочетаний следует также обращать внимание обучающихся на изменение порядка слов, так как он может часто начинаться с последнего элемента. Приведем примеры многокомпонентных терминов, используемых в землестроительной сфере:

- property boundary survey: property/собственность + boundary/граница + survey/топографическая съемка = топографическая съемка границ собственности;
- survey-grade satellite: survey/съемка + grade/класс + satellite/спутник = спутник для геодезических съемок;
- adjacent traverse line: adjacent/смежный + traverse/пересечение + line/линия = смежная линия пересечения;
- electronic distance measurement device: electronic/электронный + distance/расстояние + measurement/измерение + device/устройство = электронное устройство для измерения расстояния;
- measured building survey: measured/измеренный + building/здание + survey/обследование = обследование здания путем обмеров.

Нередко проблемы с переводом у обучающихся возникают в связи с таким явлением, как полисемия (многозначность английских терминов, перевод которых часто зависит от контекста, от их взаимосвязи с окружающими словами). По этой причине студентам необходимо научиться определять контекст, так как без его учета перевод термина может быть неточным, а смысл исходного текста искажен. Например, слово «structure» в широком обиходе имеет значение «структура, конструкция», в инженерно-технической сфере оно переводится как «здание, сооружение». Так, в предложении «In designing a structure it is commonly assumed that the foundation will not move» слово «structure» переводится как «здание, сооружение» (При проектировании здания обычно предполагается, что фундамент не будет двигаться). В та-

ком предложении, как «Good structure of the surface soil is promoted by an adequate supply of organic matter» слово «structure» означает «структура» – речь здесь идет о структуре почвы, что видно из контекста (Хорошей структуре поверхностного слоя почвы способствует достаточное количество органического вещества).

В процессе обучения профессиональной терминологии студентов следует знакомить с различными способами словообразования, что поможет им распознавать и интерпретировать незнакомые слова. Рассмотрим некоторые из распространенных методов словообразования на примере землестроительных терминов.

1. Словосложение – образование нового термина путем сложения основ двух и более слов, при этом объединяться могут различные части речи: neatline (внутренняя рамка карты) – прилагательное «neat» + существительное «line»; sustainability (устойчивое развитие) – глагол «sustain» + существительное «ability»; landowner (землевладелец) – существительное «land» + существительное «owner», landmark (межевой знак) – существительное «land» + существительное «mark».

2. Суффиксация – образование новых слов путем присоединения суффиксов к производящей основе: существительное «assessment» (оценка, оценивание) образовано от глагола «assess»; существительное «property» (собственность, имущество) образовано от прилагательного «proper», существительное «longitude» (долгота) образовано от прилагательного «long», наречие «vertically» (вертикально) образовано от прилагательного «vertical».

3. Префиксация – образование новых слов с помощью присоединения приставок (префиксов) к производящему слову: land (земля) – **upland** (возвышенность); urban (городской) – **suburban** (пригородный); development (застройка) – **redevelopment** (реконструкция); advantage (преимущество) – **disadvantage** (недостаток).

Для закрепления знаний по словообразованию мы предлагаем учащимся такие упражнения, как:

- определите, от каких глаголов образованы следующие слова:

coverage – cover, **information** – inform, **sustainable** – sustain, **fertilizer** – fertilize, **movable** – move, **carrier** – carry;

- образуйте от следующих глаголов существительные:

till – **tilth**, **supply** – **supplement**, **navigate** – **navigation**, **indicate** – **indicator**, **drain** – **drainage**;

- объедините слова в пары для образования новых терминов:

power + line = powerline; fuel + wood = fuelwood; sustain + ability = sustainability; data + base = database; hard + ware = hardware; bench + mark = benchmark.

Как показывает практика, благодаря осознанному изучению структуры терминов и принципов их формирования процесс запоминания для студентов становится более эффективным. Упражнения на словообразование активизируют мыслительную деятельность обучающихся, развивают их языковые навыки, повышают словарный запас. Необходимо отметить, что такие задания, как правило, выполняются с интересом, что является важным мотивирующим фактором изучения иностранного языка.

Неоспоримым условием эффективности формирования навыков, необходимых для использования языка в профессиональной деятельности, является сочетание коммуникативного и когнитивного подходов в обучении иностранному языку специальности. Как известно, коммуникативный подход фокусируется на развитии практических навыков общения в реальных ситуациях, тогда как когнитивный метод направлен на формирование мыслительных способностей, связанных с усвоением языка. Взаимодействие данных подходов позволяет обучающимся не только понимать языковые структуры, но и применять их в контексте своей будущей профессии.

Одним из когнитивных методов изучения терминологии является ее этимологический анализ. Такой подход к обучению профессиональной лексики базируется на единстве слова и понятия, языка и мышления, лингвистических и экстравалигвистических факторов, влияющих на развитие и функционирование терминологии [25, с. 214]. Данный метод способствует более эффективному усвоению профессиональной лексики, так как помогает глубже проникать в значения слов, лучше понимать механизмы, на которых основано их формирование. Приведем несколько примеров этимологического анализа землеустроительных терминов:

«graticule» (масштабная сетка): в конце IX века слово заимствовано из французского языка, изначально происходит от средневекового латинского «crāticula» [graticula] (маленькая решетка) – уменьшительное от «cratis» (препятствие);

«cadastre» (кадастр): в начале XIX века слово заимствовано из французского языка, далее от итальянского «catasto» (кадастр), далее от греческого «κατάστιχον» [katástikhon] (упорядоченный список), далее от латинского «capitatio» (головной налог);

«compass» (компас): в XVII веке слово заимствовано из итальянского языка, где «compasso» (компас), далее происходит от латинского «compassare» (измерять шагами);

«equator» (экватор): происходит от латинского «aequator» (уравнитель), образовано от «aequāre» (делать ровным/равным);

«boundary» (граница): заимствовано из старофранцузского «bonde» или «bodne» (рубеж или пограничный камень), далее происходит от латинского «butina» (граница, лимит).

Методические аспекты применения этимологического анализа при обучении иностранному языку являются пока малоизученными, однако практика

показывает, что благодаря применению данного метода, основанного на целостном понимании процессов языкового взаимодействия, у студентов формируется и развивается системное мышление, расширяется кругозор, пополняется словарный запас [16].

Проблема перевода научных аутентичных текстов связана не только с недостатком языковой компетенции у обучающихся, но и с отсутствием у них специальных знаний в конкретной области. По этой причине многие профессиональные термины, которыми насыщены технические тексты, могут быть им незнакомы. Это приводит к неточному или неверному переводу, замене специализированных слов на общеупотребительные, чтоискажает смысл предложения. В этой связи мы рекомендуем студентам использовать словари научных терминов, а также гlosсарии по определенной специальности, как на английском, так и на русском языке. Опыт показывает, что такой подход к изучению терминологии позволяет совершенствовать коммуникативные навыки, глубже погружаться в специальность.

Одним из эффективных методов обучения правильному переводу терминов, а также четкому и грамотному оформлению их научного определения является составление студентами терминологического гlosсария – толкового словаря профессиональных слов, встречающихся при изучении какой-либо темы. Данный вид деятельности представляет собой продуктивный творческий процесс, мотивирующий обучающихся собирать и анализировать изучаемую информацию, формирующий полезные навыки работы со специализированной лексикой [11, с. 189].

Как считает А.В. Кузьмина, студентов можно обучить составлению гlosсария, ис-

пользуя два алгоритма выполнения задания:

- 1) традиционный гlosсарий с переводом и объяснением значения слова или выражения;
- 2) гlosсарий с учетом положения термина в контексте и окружающих его сопровождающих слов и выражений [12, с. 161].

Прежде чем студенты начнут работать с гlosсарием, преподавателю необходимо ознакомить их со следующими правилами его составления:

- 1) для поиска терминов следует пользоваться достоверными источниками;
- 2) слова должны вноситься в гlosсарий в начальной форме (например, глаголы используются в форме инфинитива (в неопределенной форме), а существительные – в единственном числе);
- 3) недопустимы повторения одних и тех же терминов;
- 4) переводить термины на русский язык следует точно, в соответствии с контекстом;
- 5) определение профессиональной лексики на английском языке должно соответствовать научному стилю, быть по возможности кратким и доступным для понимания.

Важно отметить, что в процессе работы над гlosсарием студенты должны научиться выбирать из аутентичных источников наиболее значимые и употребительные термины по своей специальности, определять способы их образования и употребления, что, в свою очередь, будет способствовать формированию у них четкого представления о конкретной отраслевой терминосистеме [13, с. 125].

Таблица № 1 демонстрирует пример составления традиционного гlosсария, где наряду с обычным переводом дается более подробное объяснение представленных терминов.

Таблица 1. Традиционный глоссарий

Table 1. Glossary

Термин	Значение в языке оригинала	Значение в языке перевода
Cadaster	An official register of real estate, with details of boundaries, area, value, ownership, and other rights associated with the real estate.	Кадастр – государственный реестр различных объектов, официально объединенных в единую электронную базу данных. Государственный кадастр содержит все необходимые сведения относительно объектов, каждый из которых имеет уникальный номер для идентификации.
Aerial photography	Technique of photographing the Earth's surface with cameras mounted on aircraft, rockets, or Earth-orbiting satellites and other space crafts.	Аэрофотосъемка – способ получения фотографии земной поверхности с определенной высоты. Съемка проводится с помощью камеры, установленной на летательном аппарате. Полученные изображения используются для различных целей, включая управление природными ресурсами, городское планирование, развитие инфраструктуры.
Map projection	Means of systematically representing the meridians and parallels of the Earth onto a plane surface.	Картографическая проекция – метод отображения на плоской поверхности карты изогнутой поверхности Земли. Проекции требуются для правильного расчета геодезических данных, четкого отображения на планах зданий и районов.

Из таблицы № 1 видно, что вторая и третья колонки содержат расширенную трактовку терминов. Опыт показывает, что составление такого глоссария способствует более глубокому овладению студентами профессиональными знаниями. Кроме того, приведение примеров из научных источников во втором столбике дает возможность обучающимся значительно пополнить свой словарный запас.

В таблице № 2 показаны примеры контекстуального употребления профессиональной лексики, где студенты, исходя из поставленных задач, могут находить примеры употребления термина в контексте, используя при этом его расширение, то есть слова, находящиеся либо справа, либо слева от него. Практика показывает, что подбор примеров

для технических терминов в сочетании с другими частями речи способствует их лучшему запоминанию, развитию у студентов навыков самостоятельной работы, повышению интереса к языку. Создание подобного глоссария помогает глубже проникать в суть профессиональных слов в рамках конкретного контекста, понимать их роль во взаимосвязи с другими словами. Контекстуальное овладение специализированной лексикой, являющееся одним из критериев коммуникативной профессиональной компетентности специалиста, способствует лучшему пониманию и усвоению информации, полученной из научных источников, формирует навык правильного использования терминов в профессиональной деятельности [20].

Таблица 2. Глоссарий с учетом положения термина в контексте

Table 2. Glossary considering the position of the term in the context

Термин и перевод	Примеры термина с левым расширением	Примеры термина с правым расширением	Пример контекста
Traversing (теодолитная съемка)	- different techniques are used to perform <i>traversing</i> ; - can be taken during chain <i>traversing</i>	- <i>traversing</i> is commonly used for various surveying purposes; - <i>traversing</i> is a technique used to create control networks	<i>Traversing</i> is the process of surveying to find these measurements.
Total station (тахеометр)	- robotic or motorized <i>total stations</i> ; - can be mitigated in many <i>total stations</i>	- <i>total stations</i> allow surveyors; - <i>total stations</i> are workhorses for	Since their introduction, <i>total stations</i> have shifted from optical-mechanical to fully electronic devices.
Graticule (координатная сетка)	- the shape and size of a <i>graticule</i> ; - to fine and coarse <i>graticules</i>	- a <i>graticule</i> may be divided into; - <i>graticule</i> for geolocated data grids	The width of a <i>graticule</i> varies from bottom to top.

В процессе создания глоссария у обучающихся формируются компетенции, необходимые для подготовки специалиста, а именно способность самостоятельно находить, обрабатывать, анализировать и систематизировать научно-техническую информацию. Приобретенные навыки осознанной самостоятельной работы с языковым материалом, в свою очередь, способствуют развитию рефлексивного мышления.

Важно отметить, что работа над составлением терминологического словаря может носить групповой характер, развивая умение работать в команде, оказывать поддержку и взаимопомощь, планировать совместную работу, распределять задачи, что необходимо для будущей профессиональной деятельности.

Очевидно, что создание глоссария имеет значительное преимущество перед формальным составлением списка терминов с переводом и последующим их механическим заучиванием. Однако рецептивный подход к изучению лексики может успешно применяться на начальной стадии обучения при работе с небольшими научно-популярными текстами, не загроможденными узкоспециализированными терминами.

С целью закрепления изученного лексического материала мы предлагаем обучающимся следующие упражнения:

- Make pairs of synonyms from the given words / Составьте пары синонимов из данных слов;
- Use the synonymous words given below instead of italicized ones / Используйте сино-

нимичные слова, приведенные ниже, вместо выделенных курсивом. (e.g. *Regional planning* deals with a still larger environment (*designing*). *Urban* planning as an organized profession has existed for less than a century (*city*). An important aspect that city planners must consider is what type of industry exists in the *community*, and how that industry will best be served (*society*);

- Find in the text equivalents of the following expressions / Найдите в тексте эквиваленты следующих выражений;

• Make up your own professional sentences using new terms / Составьте свои предложения профессиональной направленности с использованием новых терминов;

• Fill in the gaps with the words given below / Заполните пробелы приведенными ниже словами;

• Relate the terms and their definition / Соотнесите термины и их определения;

• Match the beginning and the end of the sentences / Сопоставьте начало и конец предложений.

С целью активизации лексики в речи студентам предлагаются следующие задания:

• Determine whether these statements are true or false. Give your reasons / Определите, являются ли эти утверждения истинными или ложными. Приведите свои доводы;

• Put questions to the sentences / Поставьте вопросы к предложениям;

• Put questions to the text / Поставьте вопросы к тексту;

• Discuss the text in pairs using new terms / Обсудите текст в парах, используя новые термины;

• Discuss the following points of the text in pairs (e.g. Land surveying as a science. The methods of surveying. The profession of surveyor) / Обсудите в парах следующие пункты текста (Землеустройство как наука. Методы геодезии. Профессия геодезиста).

Осмысление обучающимися собственного процесса усвоения новой лексики

посредством различного рода упражнений стимулирует у них развитие когнитивных и рефлексивных навыков, что, в свою очередь, повышает эффективность обучения в целом.

Как мы знаем, активное применение терминологической лексики в устной речи является одним из наиболее эффективных средств ее усвоения. Исходя из требований ФГОС ВО и рабочей программы студенты направления подготовки бакалавров «Землеустройство и кадастры» должны овладеть навыками вербальной и невербальной коммуникации в профессиональной области, научиться аргументированно представлять свою точку зрения в ходе публичных выступлений с учетом литературных норм и приемлемых стилей делового общения. В этой связи нами активно применяется метод ролевой игры, позволяющий приблизить речевую деятельность к реальному общению. Продолжая придерживаться принципа «от простого к сложному», на начальной этапе формирования разговорных навыков мы предлагаем обучающимся составлять диалоги, моделируя различные ситуации, связанные с их будущей профессией, например, интервью журналиста с инженером-землестроителем, беседа между студентами-практикантами и представителем кадастровой палаты, беседа студентов о проведенной ими производственной практике в геодезической компании. Даный вид работы мотивирует обучающихся к иноязычному общению, формируя и развивая навыки коммуникации в профессиональной сфере.

На более поздней стадии, когда у студентов благодаря работе с аутентичными текстами по специальности сформировался достаточный запас узко-профессиональной лексики, а также накопились определенные профессиональные знания, ситуации в ролевых играх уже носят более специализированный характер. Так, смоделированные сценарии могут быть связаны с земельными отношениями, ка-

дастром или управлением территориями, где студенты выступают в качестве геодезистов, землеустроителей, кадастровых инженеров или юристов. На этом этапе целесообразно также проводить различные виды групповой работы, такие как дискуссия, круглый стол, презентация и другие. Создание комфортной атмосферы при проведении подобных мероприятий благоприятно сказывается на снятии речевых и психологических барьеров, на раскрытии творческого потенциала обучающихся. В этой связи в процессе подготовки к групповой работе важно учитывать профессиональные интересы и индивидуальные особенности студентов, их различные языковые возможности при распределении ролей и заданий, при формировании разноуровневых групп. Как правило, в ходе совместной деятельности менее подготовленные учащиеся стараются не отставать от более сильных, в то время как те проявляют лидерские качества, оказывая помочь и поддержку отстающим, что способствует успешному выполнению совместных задач.

В процессе коллективного взаимодействия у студентов формируются необходимые для компетентного специалиста навыки работы в команде, умения принимать совместные решения, вести диалог, аргументировать свою точку зрения, что, в свою очередь, способствует развитию рефлексивных механизмов саморегуляции как процесса обучения, так и будущей профессиональной деятельности [17, с. 28].

Обсуждение и заключение. Важным элементом становления высококлассного специалиста является глубокое владение им терминологией, служащей необходимым средством приобретения специальных знаний и обеспечивающей успешное взаимодействие в условиях профессиональной деятельности. Лексический компонент является одним из ключевых и

одновременно наиболее сложных аспектов освоения иностранного языка в контексте технического образования. Для успешного решения методических и дидактических задач в области преподавания данной дисциплины необходим комплексный и системный подход, основанный на таких принципах, как аутентичность текстового материала, логическая последовательность его подачи, постепенное усложнение учебного контента, контекстуальный подход к обучению терминов, междисциплинарная интеграция.

В контексте универсальных компетенций, необходимых будущему специалисту, целесообразно применять описанные автором такие методы, как словообразование, этимологический анализ, составление глоссария, ориентированные на развитие аналитического и системного мышления, навыков самостоятельной работы, на увеличение словарного запаса. С целью активизации лексики в разговорной речи, а также формирования навыков работы в команде целесообразно на каждом этапе обучения практиковать метод ролевой игры, позволяющий погружаться в реальную профессиональную среду.

Анализ педагогического опыта ряда технических вузов, а также собственная практика привели к выводу о необходимости сочетания коммуникативного и когнитивного подходов при обучении терминологии. Представленные в работе методологические приемы направлены на формирование и развитие как языковых, так и профессиональных коммуникативных компетенций, отвечающих требованиям ФГОС ВО.

Предложенные автором методы обучения специализированной терминологии, а также принципы и стратегии подачи текстового материала могут применяться как в педагогической практике, так и при самостоятельном обучении профессиональному иностранному языку.

КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов
CONFLICT OF INTERESTS

The author declares no conflict of interests

ЛИТЕРАТУРА

1. Файзиева Г.В. Профессионально-ориентированный иностранный язык как модуль компетентности модели подготовки будущего специалиста в вузе // Гуманитарные исследования. Педагогика и психология. 2024. № 19. С. 61-68. DOI: 10.24412/2712-827X-2024-19-61-68.
2. Полякова Т.Ю. Подготовка по иностранному языку в процессе реформирования инженерного образования: перспективы и риски // Высшее образование в России. 2025. Т. 34, № 5. С. 67-86. DOI: 10.31992/0869-3617-2025-34-5-67-86.
3. Тимриева Н.В. Проблемные аспекты обучения профессионально ориентированному иностранному языку в неязыковом вузе // МНКО. 2023. № 1(98). С. 191-194. DOI: 10.24412/1991-5497-2023-198-191-194.
4. Авиликна И.Н. Трудности в преподавании иностранного языка в техническом вузе, поиски путей их преодоления // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. 2024. № 2(43). С. 145-148. DOI: 10.36809/2309-9380-2024-43-145-148.
5. Вавилова Т.Е., Еремина Е. Иностранный язык и междисциплинарные связи // Наука и школа. 2021. № 4. С. 174-183. DOI: 10.31862/1819-463X-2021-4-174-183
6. Сергеева Н.Н., Сорохоумова С.Н. Профессионально ориентированный подход при обучении иностранному языку в неязыковом вузе: сущность и принципы // Язык и культура. 2022. № 57. С. 223-239. DOI: 10.17223/19996195/57/11.
7. Рокитянская К.А., Мизюрова Э.Ю. Формирование иноязычной терминологической компетенции обучающихся неязыковых специальностей // Педагогический журнал. 2022. Т. 12, № 1А. С. 11-17. DOI: 10.34670/AR.2022.16.14.001.
8. Абдурахманова А.З. Применение лексического подхода в обучении английскому языку для формирования профессиональной компетенции (на материале строительной терминологии) // МНИЖ. 2024. № 11(149). С. 1-5. DOI: 10.60797/IRJ.2024.149.74.
9. Кантышева А.А. Эффективные стратегии освоения профессионально ориентированной иноязычной лексики в неязыковом вузе // МНКО. 2025. № 1(110). С. 333-336. DOI: 10.24412/1991-5497-2025-1110-333-336.
10. Третьякова Г.В. Когнитивный подход в обучении иностранному языку как мотивационный инструмент для студентов // Сервис Plus. 2021. Т. 15, № 2. С. 124-132. DOI: 10.24412/2413-693X-2021-2-123-132.
11. Борбоницкая О.С. Совместная работа над глоссарием как способ овладения профессионально ориентированной лексикой студентами финансово-экономических специальностей // Мир науки, культуры, образования. 2021. № 2. С. 186-189. DOI: 10.24412/1991-5497-2021-287-186-189.
12. Кузьмина А.В. Освоение терминологического глоссария как коммуникативное задание для студентов технических вузов [Электронный ресурс] // Вопросы методики преподавания в вузе. 2016. № 5(19-2). С. 158-166. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/osvoenie-terminologicheskogo-glossariya-kak-kommunikativnoe-zadanie-dlya-studentov-tehnicheskikh-vuzov>.
13. Ремизова М.С. Учебный терминологический словарь в профессиональной и научной подготовке специалистов как элемент лингводидактики // МНКО. 2024. № 1(104). С. 124-126. DOI: 10.24412/1991-5497-2024-1104-124-126.
14. Пичугова И.Л. Составление глоссария как одна из стратегий усвоения иноязычной профессиональной лексики [Электронный ресурс] // Преподаватель высшей школы: традиции,

проблемы, перспективы: материалы XI Всероссийской научно-практической Internet-конференции (с международным участием). Тамбов: Державинский. 2020. С. 171-174. Режим доступа: https://www.tsutmb.ru/nauka/internet-konferencii/2020/09112020_prepodavatel/5/Pichugova.pdf.

15. Абрамова Е.К. Элементы этимологического анализа на уроках иностранного языка (на примере названий дней недели во французском языке) // МНКО. 2021. № 1 (86). С. 399-402. DOI: 10.24412/1991-5497-2021-186-399-402.

16. Шестакова О.В., Демидова С.В., Яшманова Л.В. Этимологический анализ на занятиях по английскому языку // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия Гуманитарные науки. 2022. № 5-2. С. 91-93. DOI: 10.37882/2223-2982.2022.05-2.37.

17. Крылов Э.Г., Пономаренко Е.П. Формирование рефлексивного мышления в процессе интерактивного обучения иностранному языку // Вопросы методики преподавания в вузе. 2022. № 3. С. 23-45. DOI: 10.57769/2227-8591.11.3.02.

18. Мусаелян И.Ф. Дискуссия как эффективный метод обучения иностранному языку студентов-нелингвистов // МНКО. 2024. № 1(104). С. 291-294. DOI: 10.24412/1991-5497-2024-1104-291-294.

19. Щербанева А.В. О роли дискуссии как методе обучения иностранному языку в непрофильном вузе // МНКО. 2025. № 1(110). С. 251-254. DOI: 10.24412/1991-5497-2025-1110-251-254.

20. Issam Mostafa Ta'amneh, Abeer Al-Ghazo. The Most Common Group Work Techniques Used Among the Jordanian EFL Teachers when Teaching English as a Foreign Language // Universal Journal of Educational Research. 2021. Vol. 9, No. 1. P. 222-230. DOI: 10.13189/ujer.2021.090124.

21. Andrés Giménez. The effects of role-playing games in second language acquisition // Němitýřá. 2024. Vol. 6, No. 3. P. 34-55. DOI: <https://doi.org/10.47133/NEMITYRA20240603c-A4>.

22. Gesa, S.E. van den Broek, Eva Wesseling, Linske Huijssen, Maj Lettink & Tamara van Gog Vocabulary Learning During Reading: Benefits of Contextual Inferences Versus Retrieval Opportunities // Cognitive Science. 2022. Vol. 46, No. 4. DOI: 10.1111/cogs.13135.

23. Rus, D. Using Adequate Materials in Teaching English for Specific Purposes for the Practice of Language Skills // Acta Marisiensis. Philologia. 2022. Vol. 2, No. 1. P. 1-4. DOI: [org/10.2478/AMPH-2022-0028](https://doi.org/10.2478/AMPH-2022-0028).

24. Andleeb, M.A Review on The Role of Information Technology in Efficient Authentic and Non-Authentic Materials in ESP Classrooms With ESL/EFL Students // Zenodo (CERN European Organization for Nuclear Research). 2022. Vol. 1, No. 2. P. 8-14. DOI: 10.5281/ZENODO.7991882.

25. Широколобова А.Г. Обучение студентов технического вуза работе с терминологией [Электронный ресурс] // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2013. № 2. С. 213-218. URL: www.gramota.net/materials/2/2013/2/57.html.

REFERENCES

1. Fayzieva, G.V. Professionally oriented foreign language as a competence module of the model of training future specialists at a university // Humanitarian Studies. Pedagogy and Psychology. 2024. No. 19. P. 61-68. DOI: 10.24412/2712-827X-2024-19-61-68. [In Russ.]
2. Polyakova, T.Yu. Foreign language training in the process of reforming engineering education: prospects and risks // Higher Education in Russia. 2025. Vol. 34, No. 5. P. 67-86. DOI: 10.31992/0869-3617-2025-34-5-67-86. [In Russ.]
3. Timrieva, N.V. Problematic aspects of teaching a professionally oriented foreign language in a non-linguistic university // MNKO. 2023. No. 1(98). P. 191-194. DOI: 10.24412/1991-5497-2023-198-191-194. [In Russ.]
4. Avilkina, I.N. Difficulties in teaching a foreign language in a technical university, the search for ways to overcome them // Bulletin of Omsk State Pedagogical University. Humanitarian research. 2024. No. 2 (43). P. 145-148. DOI: 10.36809/2309-9380-2024-43-145-148. [In Russ.]

5. Vavilova, T.E., Eremina, E. Foreign language and interdisciplinary connections // Science and School. 2021. No. 4. P. 174-183. DOI: 10.31862/1819-463X-2021-4-174-183. [In Russ.]
6. Sergeeva, N.N., Sorokoumova, S.N. Professionally oriented approach to teaching a foreign language in a non-linguistic university: essence and principles // Language and Culture. 2022. No. 57. P. 223-239. DOI: 10.17223/19996195/57/11. [In Russ.]
7. Rokityanskaya, K.A., Mizyurova, E.Yu. Formation of foreign language terminological competence of students of non-linguistic specialties // Pedagogical journal. 2022. Vol. 12, No. 1A. P. 11-17. DOI: 10.34670/AR.2022.16.14.001. [In Russ.]
8. Abdurakhmanova, A.Z. Application of the lexical approach in teaching english for the formation of professional competence (Based on Construction Terminology) // MNIZH. 2024. No. 11(149). P. 1-5. DOI: 10.60797/IRJ.2024.149.74. [In Russ.]
9. Kantysheva, A.A. Effective strategies for mastering professionally oriented foreign language vocabulary in a non-linguistic university // MNKO. 2025. No. 1(110). P. 333-336. DOI: 10.24412/1991-5497-2025-1110-333-336. [In Russ.]
10. Tretyakova, G.V. A Cognitive approach to teaching a foreign language as a motivational tool for students // Service Plus. 2021. Vol. 15, No. 2. P. 124-132. DOI: 10.24412/2413-693X-2021-2-123-132. [In Russ.]
11. Bobrovnitskaya, O.S. Joint work on a glossary as a way of mastering professionally oriented vocabulary by students of financial and economic specialties // The World of Science, Culture, Education. 2021. No. 2. P. 186-189. DOI: 10.24412/1991-5497-2021-287-186-189. [In Russ.]
12. Kuzmina, A.V. Mastering a terminological glossary as a communicative task for students of technical universities [Electronic Resource] // Issues of Teaching Methods at a University. 2016. No. 5(19-2). P. 158-166. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/osvoenie-terminologicheskogo-glossariya-kak-kommunikativnoe-zadanie-dlya-studentov-tehnicheskikh-vuzov>. [In Russ.]
13. Remizova, M.S. Educational terminological dictionary in professional and scientific training of specialists as an element of lingvodidactics // MNKO. 2024. No. 1(104). P. 124-126. DOI: 10.24412/1991-5497-2024-1104-124-126. [In Russ.]
14. Pichugova, I.L. Compiling a glossary as one of the strategies for acquiring foreign language professional vocabulary [Electronic Resource] // Higher Education Teacher: traditions, problems, prospects: proceedings of the XI All-Russian Scientific and Practical Internet Conference (with International Participation). Tambov: Derzhavinsky. 2020. Pp. 171-174. Access Mode: https://www.tsutmb.ru/nauka/internet-konferencii/2020/09112020_prepodavatel/5/Pichugova.pdf. [In Russ.]
15. Abramova, E.K. Elements of etymological analysis in foreign language lessons (using the example of the names of the days of the week in French) // MNKO. 2021. No. 1(86). P. 399-402. DOI: 10.24412/1991-5497-2021-186-399-402. [In Russ.]
16. Shestakova, O.V., Demidova, S.V., Yashmanova, L.V. Etymological analysis in English classes // Modern science: current problems of theory and practice. Humanities series. 2022. No. 5-2. P. 91-93. DOI: 10.37882/2223-2982.2022.05-2.37. [In Russ.]
17. Krylov, E.G., Ponomarenko, E.P. Formation of reflective thinking in the process of interactive foreign language teaching // Issues of teaching methods at the university. 2022. No. 3. P. 23-45. DOI: 10.57769/2227-8591.11.3.02. [In Russ.]
18. Musaelyan, I.F. Discussion as an effective method of teaching a foreign language to non-linguistic students // MNKO. 2024. No. 1 (104). P. 291-294. DOI: 10.24412/1991-5497-2024-1104-291-294. [In Russ.]
19. Shcherbanova, A.V. On the role of discussion as a method of teaching a foreign language in a non-core university // MNKO. 2025. No. 1(110). P. 251-254. DOI: 10.24412/1991-5497-2025-1110-251-254. [In Russ.]
20. Issam Mostafa Ta'amneh, Abeer Al-Ghazo. The most common group work techniques used among the Jordanian EFL teachers when teaching English as a foreign language // Universal Journal of Educational Research. 2021. Vol. 9, No. 1. P. 222-230. DOI: 10.13189/ujer.2021.090124.

21. Andrés Giménez. The effects of role-playing games in second language acquisition // Žeminy. 2024. Vol. 6, No. 3. P. 34-55. DOI: <https://doi.org/10.47133/NEMITYRA20240603c-A4>.
22. Gesa S. E. van den Broek, Eva Wesseling, Linske Huijssen, Maj Lettink & Tamara van Gog Vocabulary Learning During Reading: Benefits of Contextual Inferences Versus Retrieval Opportunities // Cognitive Science. 2022. Vol. 46, No. 4. DOI: 10.1111/cogs.13135.
23. Rus D. Using Adequate Materials in Teaching English for Specific Purposes for the Practice of Language Skills // Acta Marisiensis. Philology. 2022. Vol. 2, No. 1. P. 1-4. DOI: [org/10.2478/AMPH-2022-0028](https://doi.org/10.2478/AMPH-2022-0028).
24. Andleeb M. A Review on The Role of Information Technology in Efficient Authentic and Non-Authentic Materials in ESP Classrooms With ESL/EFL Students // Zenodo (CERN European Organization for Nuclear Research). 2022. Vol. 1, no. 2. P. 8-14. DOI: 10.5281/ZENODO.7991882.
25. Shirokolobova, A.G. Teaching students of a technical university to work with terminology [Electronic resource] // Philological sciences. Theoretical and practical issues. 2013. No. 2. P. 213-218. URL: www.gramota.net/materials/2/2013/2/57.html. [In Russ.]

Информация об авторе / Information about the author

Тамара Меджидовна Чечева, кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков. Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Майкопский государственный технологический университет», 385000, Российская Федерация, Майкоп, ул. Первомайская, д. 191, e-mail: ya.toma01@yandex.ru

Tamara M. Cheucheva, PhD (Sociology), Associate Professor, the Department of Foreign Languages. Maikop State Technological University, 385000, the Russian Federation, Maikop, 191 Pervomayskaya str., e-mail: yatoma01@yandex.ru

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.
The author has read and approved the final manuscript.

Поступила в редакцию 10.09.2025

Received 10.09.2025

Поступила после рецензирования 11.10.2025

Revised 11.10.2025

Принята к публикации 12.10.2025

Accepted 12.10.2025

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

SOCIOLOGICAL SCIENCES

Оригинальная статья / Original paper

<https://doi.org/10.47370/2078-1024-2025-17-4-116-129>

УДК 377/378:612.68



Влияние уровня образования на продолжительность жизни

И.А-С. Абдоков¹, А.Ю. Буина², С.К. Мамсирова² , А.А. Трамова²

¹Российская Федерация. Департамент по реализации специального инфраструктурного проекта Минздрава России, г. Москва

²Кубанский государственный медицинский университет Министерства здравоохранения Российской Федерации, г. Краснодар
 mamsirova_svetlana@mail.ru

Аннотация. Введение. Изучение связи между образованием и продолжительностью жизни является актуальным для разработки эффективных социально-экономических и медицинских стратегий, направленных на улучшение здоровья общества, обусловленных социальными факторами. Образование способствует росту благосостояния и увеличению продолжительности жизни людей, поскольку оно формирует навыки критического мышления и способствует принятию более осознанных решений в вопросах здоровья и образа жизни.

Материалы и методы: в ходе работы был проведен обзор литературных источников; использованы статистический, сравнительный и аналитический методы; с помощью анкетирования, проводившегося с 1 по 15 апреля 2025 года, были собраны данные по оценке влияния уровня образования на состояние здоровья и продолжительность жизни пациентов Научно-исследовательского института – Краевой клинической больницы № 1 имени профессора С.В. Очаповского г. Краснодара.

Результаты исследования. Исследование показало, что уровень образования влияет на распространенность некоторых заболеваний. В частности, люди со средним образованием чаще сталкиваются с сердечно-сосудистыми и желудочно-кишечными патологиями, чем их сверстники с высшим образованием. Среди всех опрошенных болезни сердечно-сосудистой системы (52,76%) являются самыми частыми, за ними следуют заболевания опорно-двигательного аппарата (12,33%), сахарный диабет (11,83%) и органы желудочно-кишечного тракта (10,06%). Важно отметить, что респонденты со средним образованием реже обращаются за профилактическими медицинскими осмотрами, чем те, кто имеет высшее или среднее профессиональное образование.

© Абдоков И.А-С., Буина А.Ю., Мамсирова С.К., Трамова А.А., 2025

Обсуждение и заключение. Анализ полученных данных позволил выявить прямую связь между уровнем образования и продолжительностью жизни. Более высокий образовательный статус способствует лучшему пониманию вопросов здоровья, более активному использованию медицинских ресурсов и формированию здорового образа жизни, что в совокупности приводит к увеличению средней продолжительности жизни.

Ключевые слова: уровень образования, продолжительность жизни, здоровье населения, заболевания, обучение

Для цитирования: И.А-С. Абдоков, А.Ю. Буина, С.К. Мамсирова, А.А. Трамова. Влияние уровня образования на продолжительность жизни. *Вестник Майкопского государственного технологического университета*. 2025; 17(4): 116–129. <https://doi.org/10.47370/2078-1024-2025-17-4-116-129>

The impact of education level on life expectancy

I.A-S. Abdokov¹, A.Yu. Buina², S.K. Mamsirova² , A.A. Tramova²

¹Department for the Implementation of a Special Infrastructure Project of
the Ministry of Health of Russia, Moscow

²Kuban State Medical University of the Ministry of Health
of the Russian Federation, Krasnodar
 mamsirova_svetlana@mail.ru

Abstract. Introduction. Studying the link between education and life expectancy is relevant for developing effective socio-economic and medical strategies aimed at improving public health, which are influenced by social factors. Education contributes to increased prosperity and longer life expectancy, as it fosters critical thinking skills and promotes more informed decision-making regarding health and lifestyle.

The materials and methods: The research involved a review of literary sources; statistical, comparative, and analytical methods were used; data on the impact of education level on the health and life expectancy of patients from the Research Institute – Regional Clinical Hospital No. 1 named after Professor S.V. Ochapovsky, Krasnodar, were collected via a questionnaire survey conducted from April 1 to April 15, 2025.

The results. The study has proved that the level of education affects the prevalence of certain diseases. In particular, individuals with secondary education face cardiovascular and gastrointestinal pathologies more often than their peers with higher education. Among all respondents, diseases of the cardiovascular system (52.76%) are the most common, followed by diseases of the musculoskeletal system (12.33%), diabetes mellitus (11.83%), and gastrointestinal organs (10.06%). It is important to note that respondents with secondary education seek preventive medical check-ups less often than those with higher or specialized secondary education.

Discussion and conclusion. The analysis of the obtained data has revealed a direct link between the level of education and life expectancy. A higher educational status promotes a better understanding of health issues, more active use of medical resources, and the formation of a healthy lifestyle, which collectively leads to an increase in average life expectancy.

Keywords: education level, life expectancy, public health, diseases, learning

For citation: Abdokov I.A-S., Buina A.Y., Mamsirova S.K., Tramova A.A. The influence of education level on life expectancy. *Vestnik Majkopskogo gosudarstvennogo tehnologičeskogo universiteta*. 2025; 17(4): 116–129. <https://doi.org/10.47370/2078-1024-2025-17-4-116-129>

Введение. Согласно ВОЗ, здоровье представляет собой не просто отсутствие болезней или физических недостатков, но и состояние полного физического, психического и социального благополучия. На данный момент исследователи все больше обращают внимание на то, что состояние организма человека и количество прожитых лет зависит не только от медицинских и генетических факторов, но и социальных условий. Одним из наиболее значимых является уровень образования. Актуальность исследования взаимосвязи между уровнем образования, здоровьем и продолжительностью жизни в России обусловлена значительным социальным расслоением, которое проявляется, в частности, в различии образовательных траекторий населения. С учетом приоритетов государственной политики в сферах демографии, обучения и здравоохранения анализ влияния социальных факторов на здоровье становится значимым как с теоретической, так и с практической точки зрения. В современном обществе обучение играет наиважнейшую роль не только в формировании профессиональных навыков, но и в обеспечении благополучия и качества жизни населения. Повышенный уровень образования коррелирует с повышением медицинской грамотности, более ответственным использованием медицинских услуг и приверженностью к здоровому образу жизни.

Образование помогает создать «когнитивный резерв» – способность мозга противостоять возрастным изменениям или повреждениям (например, при нейродегенеративных заболеваниях вроде болезни Альцгеймера). Наличие высшего образования ассоциируется с более устойчивым сохранением когнитивных функций в условиях возрастных физиологических трансформаций.

Цель исследования – провести оценку влияния образовательного уровня на демографические показатели здоровья и продолжительности жизни. Изучить кор-

реляцию между образовательным уровнем и распространенностью заболеваний.

Обзор литературы. Исследование детерминант общественного здоровья традиционно выделяет уровень образования как один из ключевых факторов, оказывающих долгосрочное влияние на продолжительность и качество жизни. В настоящее время проблема продолжает оставаться предметом научной полемики. Особого внимания заслуживает исследование Глазачева О.С. и Бобылевой О.В., содержащее методически ценную систематизацию критериев оценки здоровья студентов [4, с. 246]. Важным аспектом в изучении интеграции здоровья в образовательный процесс выступает исследование двигательной активности. Скрыпченко В.А. и Иващенко И.А. эмпирически обосновывают прямую корреляцию между недостатком физической активности и повышенными рисками развития алиментарно-зависимых и психосоматических заболеваний [13, с. 186]. Полученные выводы находят подтверждение в официальной статистике Роспотребнадзора, где зафиксирована обратная зависимость между регулярной физической активностью и распространенностью среди студентов таких состояний, как ожирение и артериальная гипертензия [13, с. 186].

По данным исследования специалистов американского Института измерения показателей и оценки состояния здоровья, опубликованного в 2024 году, каждый год учебы снижает риск смертности во взрослом возрасте в среднем на 2%. При этом влияние возрастает с каждым дополнительным годом обучения [16, с. 155]. Как показывают исследования, регулярная интеллектуальная активность, стимулируя производство мозговой ткани, является важным фактором в профилактике синдрома Альцгеймера [18, с. e38268.]. Новое исследование, проведенное в 2024 году и опубликованное в журнале JAMA Network Open учеными из США, Норвегии и Великобритании, показало, что образование

способно тормозить старение. Результаты подтверждают гипотезу о том, что меры, направленные на повышение уровня образования, могут замедлить биологическое старение и увеличить продолжительность жизни. Исследователи проанализировали данные долгосрочного Фремингемского исследования сердца, начатого в США в 1948 году и охватившего три поколения. Результаты исследования: каждые два дополнительных (по сравнению с уровнем образования родителей) года учебы замедляли процесс старения на 2–3%. Эффект был стабильным в разных поколениях даже при сравнении детей из одной семьи. [17, с. e240655].

Проведенное в 2023 году исследование под названием «Если быть точным»

показало серьезный разрыв в уровне смертности между жителями России в возрасте 30–54 лет с высшим образованием и без него. В первой группе этот показатель оказался в 2,8 раза ниже. Среди россиян, имеющих вузовский диплом, 86% считают себя счастливыми людьми – об этом говорят данные прошлогоднего опроса ВЦИОМ [6, с. 89]. Анализ отечественной литературы показывает, что россияне с высшим образованием имеют более высокую продолжительность жизни по сравнению с теми, кто не получил его.

Следовательно, уровень образования населения, как ключевой индикатор такой активности, приобретает большое значение. Распределение этого показателя в России наглядно демонстрирует рис. 1.

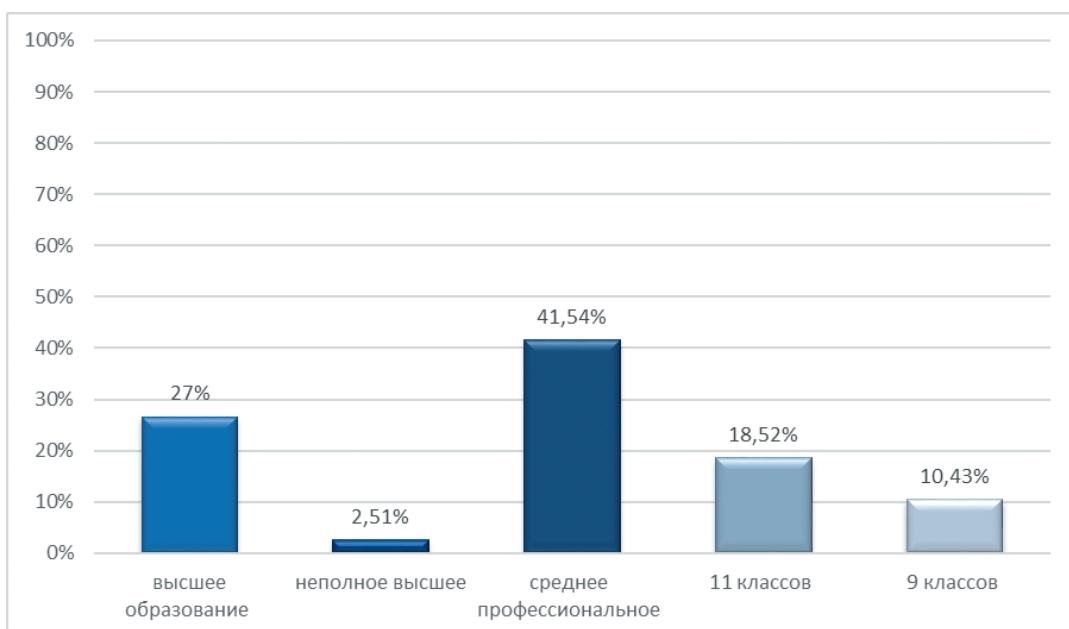


Рис. 1. Процентное соотношение групп населения России с различным уровнем образования по данным на 1 апреля 2025 года [2]

Fig. 1. Percentage distribution of the Russian population by education level according to data as of April 1, 2025 [2]

На рис. 1 четко прослеживается преобладание среди основной массы населения людей со средним профессиональным образованием (41,54%), далее по убывающей – с высшим образованием (27%), окончивших 11 классов (18,52), 9 классов (10,43%), наименьший процент – с не-

полным высшим образованием (2,51%). Анализ статистических данных позволяет заключить, что соотношение численности населения, имеющего среднее профессиональное образование, более чем в 1,5 раза превышает численность населения с высшим образованием.

Люди с высшим образованием чаще ведут здоровый образ жизни, нежели необразованные / малообразованные, меньше подвержены тревожности, депрессии, диабету и сердечно-сосудистым заболеваниям, а также на 4–5% реже страдают ожирением. Между ними прослеживается значительная разница в состоянии здоровья. Эти факторы влияют на качество жизни и, следовательно, на ее продолжительность [11, с. 145].

По данным Евростата за 2023 год, европейцы, окончившие вуз, оценивают удовлетворенность жизнью на 6,6–8,4 балла (в зависимости от государства), имеющие среднее образование – на 5,9–7,8 балла [19, с. 1]. В России проведенные исследования Университетом «Синергия» позволили обнаружить связь между образованием и уровнем удовлетворенности жизнью [9, Газета. Ru].

Анализ социально-психологической ситуации показывает, что лица с высшим образованием и активной жизненной позицией обнаруживали меньший уровень одиночества, у них редко встречаются симптомы депрессий [12, с. 326]. Такое состояние, в свою очередь, способствовало их большей социальной адаптивности, устойчивости к стрессам и общему ощущению благополучия, что положительно оказывалось на их продуктивности и качестве жизни. Канадский врач и биолог Ганс Селье, известный своими исследованиями в области стресса, считал, что «Каждый эпизод стресса оставляет неизгладимый след, и организм платит за выход из критической ситуации тем, что становится немножко старым» [8, с. 50].

Согласно теории когнитивного резерва, высокий уровень образования, полученный в молодости, снижает риск развития деменции (включая болезнь Альцгеймера и сосудистую деменцию) [18, с. 6]. Это подтверждается метаанализом Хи W. и соавт. [15, с. e3113], согласно которому каждый дополнительный год обучения уменьшает вероятность деменции на 7%.

Материалы и методы. Для достижения вышеуказанной цели в апреле 2025 г. было проведено исследование на условиях конфиденциальности и анонимности: анкетирование 169 человек в возрасте от 50 до 86 лет, являющихся пациентами Научно-исследовательского института – Краевой клинической больницы № 1 имени профессора С.В. Очаповского г. Краснодара. В рамках опроса оценивались возраст, уровень образования и заболевания. Среди опрошенных 54 пациента имеют высшее образование, 84 – среднее профессиональное, 31 – среднее образование.

Авторский опросник исследования был тщательно проверен для получения надежности и внутренней согласованности, для достижения достоверности результатов и отражения истинных суждений участников опроса. Он состоял из двух разделов: первый был посвящен демографическим характеристикам респондентов (возраст, уровень образования), а второй содержал вопросы, касающиеся характера заболевания. Предварительно подготовленные опросники позволили стандартизировать результаты и провести сравнительный анализ при последующей обработке. Для снижения помех, реактивности и повышения уровня релевантности каждый участник был подробно проинструктирован.

Результаты исследования. Обобщение результатов опроса позволило определить частоту встречаемости различных заболеваний. Согласно данным, представленным на рис. 2, лидирующие позиции в структуре заболеваемости занимают патологии сердечно-сосудистой системы (52,76%), за которыми следуют нарушения опорно-двигательного аппарата (12,33%), сахарный диабет (11,83%) и заболевания желудочно-кишечного тракта (10,06%). Эпидемиологический анализ выявил пиковую распространенность данных нозологий в возрастной группе 65–75 лет, тогда как среди лиц моложе 65 лет частота обраще-

ний с клиническими симптомами была незначительной. Пациенты старше 75 лет, напротив, практически не фиксировались в медицинских учреждениях, что может

указывать на низкую обращаемость или иные факторы (например, ограниченную мобильность, терминальные стадии заболеваний).



Рис. 2. Статистика заболеваемости среди лиц в возрасте 50–86 лет

Fig. 2. Morbidity statistics among individuals aged 50–86 years

Особую важность представляет тот факт, что у большинства пациентов наблюдаются сопутствующие заболевания. Эти патологии часто связаны между собой причинно-следственными связями. Например, сахарный диабет может приводить к таким осложнениям, как катаракта. Ожирение, в свою очередь, является частой причиной развития диабета 2-го типа, а также провоцирует заболевания сердечно-сосудистой системы (атеросклероз), опорно-двигательного аппарата (артрозы) и желудочно-кишечного тракта. Отдельно следует отметить взаимосвязь между нервной системой и другими органами. Хронический стресс, депрессия и когнитивные нарушения напрямую влияют на развитие сердечно-сосудистых заболеваний через вегетативные механизмы регуляции. Кроме того, наличие сахарного диабета и сосудистых патологий значительно повышает риск возникновения такого тяжелого состояния, как инсульт [1, с. 396].

Результаты исследования также свидетельствуют о корреляции между уровнем

образования и частотой развития основных заболеваний.

Согласно рис. 3, наибольшая доля людей с заболеваниями сердечно-сосудистой системы отмечается среди респондентов со средним специальным образованием. На эту группу приходится 44 человека, что составляет почти половину от всех участников исследования с данной патологией. Для сравнения, среди людей с высшим образованием таких пациентов почти в два раза меньше – 28 человек. Данный контраст особенно значим на фоне того, что сердечно-сосудистые патологии являются доминирующими в общей структуре заболеваний, охватывая 52,76% от всех обследованных. В анкетировании приняло участие 17 человек со средним образованием, имеющих сердечные заболевания. Такая низкая посещаемость данной группой связана с тем, что они приходят на обследование в медицинские учреждения лишь при обострении заболевания и не уделяют нужного внимания возможным осложнениям.



Рис. 3. Распространенность сердечно-сосудистых заболеваний у людей с разным уровнем образования

Fig. 3. Prevalence of cardiovascular diseases among people with different levels of education

Основными причинами прогрессирования патологий ССС в XX–XXI веке можно считать: возрастающий ритм жизни, нервно-психическое напряжение, гиподинамию, низкую культуру питания, нарушение режима труда и отдыха; вредные привычки: алкоголь, курение, наркотические вещества и необоснованный прием фармацевтических препаратов. Как показывают исследования последних лет,

гипертоническая болезнь и стенокардия «молодеют». Сейчас данные заболевания диагностируются даже в возрасте моложе 40 лет. Своевременность лечения сердечно-сосудистых заболеваний напрямую зависит от скорости обращения за помощью при первых симптомах сердечного недомогания, таких как боль за грудиной, резкое повышение давления или одышка [3, с. 58].



Рис. 4. Динамика заболеваемости сахарным диабетом в зависимости от уровня образования индивидуумов

Fig. 4. Dynamics of diabetes mellitus incidence depending on the individual's level of education

Как показывает рис. 4, пациенты со средним профессиональным образованием

составляют группу наибольшего риска по сахарному диабету, формируя половину

всех зарегистрированных случаев (10 человек из 20). Доля этой патологии среди всех заболеваний респондентов равна 11,83%, что показано на рис. 2.

Меньше всего людей насчитывается в группе со средним образованием (всего 4 человека), при опросе было выявлено, что они упускают из виду значимость регулярных профилактических медицинских обследований.

Эта проблема особенно актуальна для профилактики таких хронических заболеваний, как сахарный диабет. Это эндокринное заболевание, связанное с

недостатком гормона инсулина или нарушением его усвоения. К факторам риска возникновения сахарного диабета можно отнести следующие: избыточное масса тела, употребление с пищей большого количества жиров и сахара, частое переедание, недостаток в пище витаминов (A, B, E) и некоторых микроэлементов (серы, никеля и др.), недостаточная физическая нагрузка. Если инсулина вырабатывается мало, то и глюкоза (источник энергии для клеток) не поглощается клетками нашего организма и остается в крови. [14, с. 452].

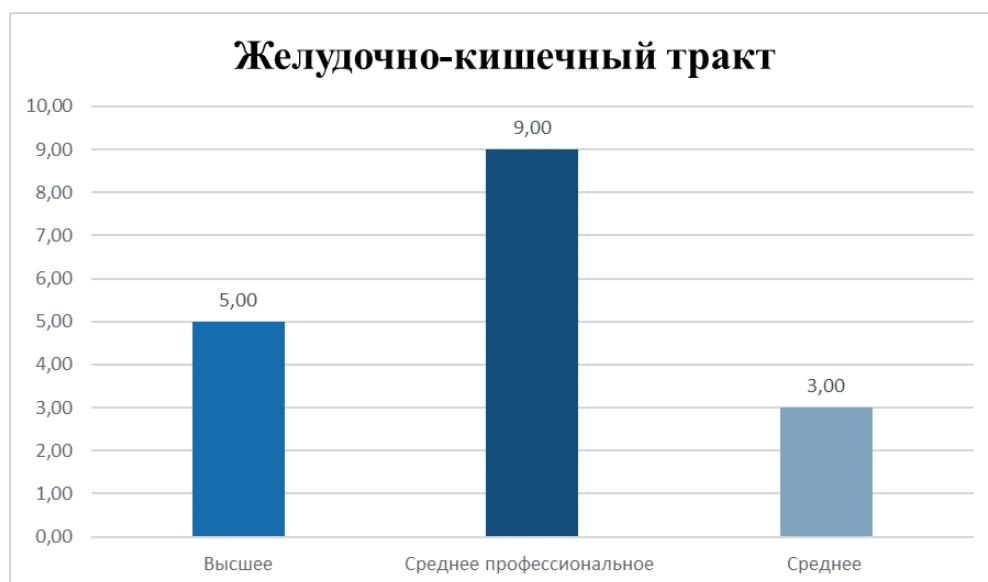


Рис. 5. Взаимосвязь между образованием и распространностью гастроэнтерологических заболеваний

Fig. 5. The association between educational attainment and the prevalence of gastrointestinal diseases

Анализ рис. 5 выявляет четкую закономерность: заболеваемость ЖКТ среди людей со средним профессиональным образованием вдвое выше, чем в остальных группах. Общая доля этих заболеваний составляет 10,06% (рис. 2).

Пациентов с серьезными заболеваниями ЖКТ присутствовало со средним образованием всего 3 человека из 17, такая ситуация связана с тем, что они могут длительное время игнорировать тревожные симптомы (изжога, нарушение стула, боли) и «лечиться» народными средствами, ри-

скуя дойти до поздних стадий заболевания.

Болезни органов пищеварения занимают важное место в структуре соматической заболеваемости населения России. Наиболее распространенными являются хронический гастрит и язвенная болезнь желудка. Индивидуальные экзогенные факторы риска возникновения болезней ЖКТ широко известны и учитываются врачами при лечении больных. К этой группе факторов относятся: нерациональный режим, привычки, национальные особенности питания, нервные перегрузки

на работе или учебе, психотравмирующие ситуации в быту и др. Один из основных факторов, влияющих на возникновение патологий этой системы, является характер питания населения. Недостаточное

поступление большинства витаминов, чрезмерное потребление углеводов, пищевой рацион с избытком жиров связывают с риском развития многих заболеваний ЖКТ [5, с. 89].

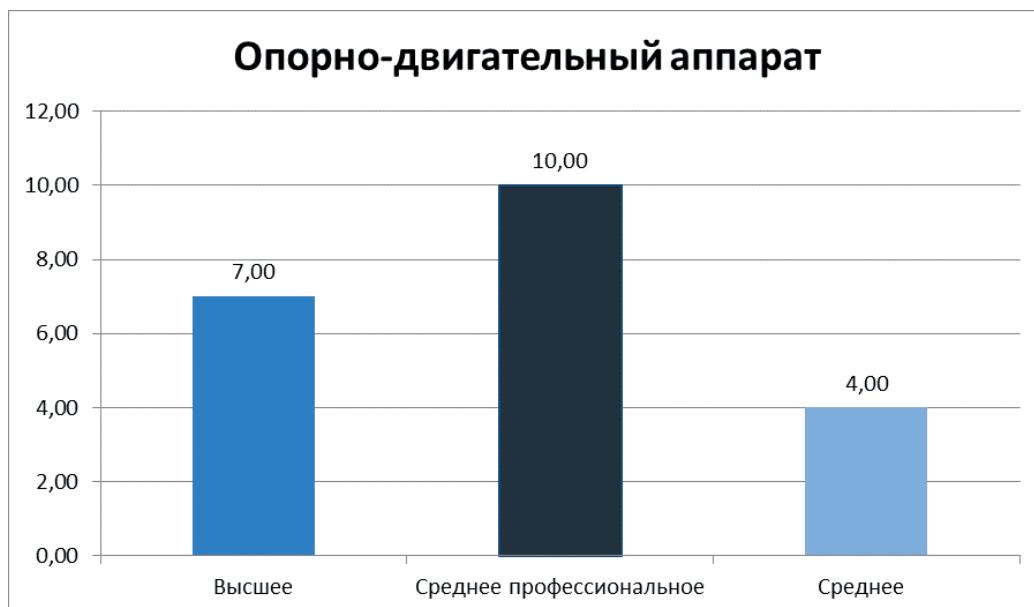


Рис. 6. Изучение тенденций заболеваемости опорно-двигательного аппарата в разрезе образовательных групп

Fig. 6. Trends in the incidence of musculoskeletal disorders by education level

По данным рис. 2, нарушения ОДА составляют 12,33% от общего числа исследуемых (выявленных) патологий. Также на основе выше представленного рис. 6 ясно, что группа людей со средним профессиональным образованием в два раза чаще страдает заболеваниями опорно-двигательного аппарата, чем пациенты с высшим и средним образованиями.

При анкетировании было выявлено всего 4 человека с заболеваниями ОДА со средним образованием, это связано с тем, что они склонны игнорировать симптомы (такие как боль в спине или суставах) и прибегать к самолечению, что увеличивает вероятность выявления заболевания на поздних стадиях.

В отличие от многих других патологий, болезни ОДА по мере развития городской культуры еще больше распространяются. Причина стремительного

роста числа больных в развитых странах – изменение образа жизни. Особенности анатомии и метаболизма, помогавшие выживать в первобытном мире, при современном образе жизни превращаются в неудобство. Наш организм не создан для жизни между авто, любимым диваном и компьютером.

«По многим признакам, человек плохо приспособился к современной жизни», – утверждает американский биолог-эволюционист Стивен Стернз. Другими словами, причина распространения болезней ОДА – малоподвижный образ жизни.

На опорно-двигательный аппарат с возрастом влияют естественные изменения, выступающие частой причиной хронических заболеваний. Среди них – снижение костной плотности, износ суставов и ослабление мышц. Эти процессы влекут за собой ограничение подвиж-

ности, болевые ощущения и снижение качества жизни

Значение образования в старшем возрасте многогранно и проявляется на микро- и макроуровне. Для индивида оно выступает условием социально-психологического благополучия, экономической самостоятельности и когнитивного здоровья. Для общества вклад образования выражается в снижении нагрузки на систему здравоохранения и социальную защиту, а также в укреплении социальной сплоченности и развитии непрерывного образования [7, с. 50].

В процессе старения в организме снижается способность ассимилировать белки, в результате чего увеличиваются эндогенные потери белковых, минеральных компонентов пищи и витаминов. Развитие у лиц пожилого и старческого возраста витаминной недостаточности может привести к дезадаптации ферментных систем и связанных с ней нарушений окислительных процессов, что, в свою очередь, может вызвать хронические гиповитаминозные состояния. Указанные нарушения способствуют появлению признаков преждевременного увядания организма [10, с. 145].

Обсуждение и заключение. Проведенное исследование подтвердило существенное влияние уровня образования на продолжительность и качество жизни. Установлено, что лица со средним и средним специальным образованием демонстрируют более высокую распространенность сердечно-сосудистых и же-

лудочно-кишечных заболеваний по сравнению с группами, имеющими высшее образование. В структуре заболеваемости данной категории респондентов лидируют патологии сердечно-сосудистой системы, болезни опорно-двигательного аппарата, сахарный диабет и заболевания ЖКТ.

Полученные результаты подчеркивают, что образование выступает не только фактором социально-экономического роста, но и ключевым детерминантом здоровья. Более высокий образовательный статус коррелирует с развитой медицинской грамотностью, ответственным отношением к своему состоянию и активным использованием профилактических практик.

В этой связи ключевое значение приобретает целенаправленная работа по формированию осознанной ценности здоровья именно на уровне среднего и средне-специального образования. Внедрение в образовательный процесс специализированных модулей, направленных на развитие навыков сохранения здоровья, является стратегической инвестицией в будущее благополучие общества. Формирование ответственной модели поведения в подростковом и молодом возрасте позволит компенсировать риски, связанные с более низким образовательным статусом, и заложить основу для здорового долголетия. Таким образом, образовательная политика должна рассматриваться как неотъемлемый элемент комплексной стратегии по улучшению общественного здоровья.

КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов

CONFLICT OF INTERESTS

The authors declare no conflict of interests

ЛИТЕРАТУРА

1. Биохимия: учебник / под ред. Е.С. Северина. 2-е изд., испр. М.: ГЭОТАР-МЕД, 2004. С. 396-397.
2. Вульф И. Население России, численность в 2025 и 2024 гг. Статистика России и мира. 2025 [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://bdex.ru/naselenie/russia/?utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2F (дата обращения: 09.09.2025).

3. Глущенко В.А., Ирклиенко Е.К. Сердечно-сосудистая заболеваемость – одна из важнейших проблем здравоохранения [Электронный ресурс] // КиберЛенинка. 2019. С. 58. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/serdechno-sosudistaya-zabolevaemost-odna-iz-vazhneyshih-problem-zdravoohraneniya>
4. Глазачев О.С., Бобылева О.В. Здоровье для образования и (или) образование для здоровья? // Вестник Международной академии наук (Русская секция). 2012. № 5. С. 246-250.
5. Динамика распространения заболеваний ОДА в России и мире [Электронный ресурс] // Spinet.ru. Режим доступа: https://spinet.ru/public/dinamika_rasprostraneniy_oda.php (дата обращения: 11.09.2025).
6. Иванова И.Л., Ковальчук В.К. Гигиенические аспекты возникновения соматической патологии желудочно-кишечного тракта (обзор литературы) [Электронный ресурс] // КиберЛенинка. С. 89-90. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/gigienicheskie-aspekty-vozniknoveniya-somaticeskoy-patologii-zheludochno-kishechnogo-trakta-obzor-literatury>.
7. Индекс счастья: мониторинг. ВЦИОМ. Новости: Индекс счастья: мониторинг 2023 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/indeks-schastja-monitoring> (дата обращения: 20.09.2025).
8. Касаткина Н.П., Шумкова Н.В. Факторы востребованности образования в «серебряном возрасте». DOI: 10.24412/2713-1033-2022-2-50-62. (дата обращения: 19.09.2025).
9. Клинические и фундаментальные аспекты геронтологии [Электронный ресурс] / под ред. Г.П. Котельникова, Н.О. Захаровой. Самара: СамГМУ, 2015. Режим доступа: <https://gerontolog.info/docpdf/may17/samara2017.pdf>.
10. Курочкина А. Российские аналитики выяснили, что граждане с высшим образованием счастливее остальных [Электронный ресурс] // Газета.Ru. 2023. Режим доступа: <https://www.gazeta.ru/science/news/2023/10/09/21463111.shtml> (дата обращения: 18.09.2025).
11. Особенности питания в пожилом и старческом возрасте [Электронный ресурс] / Ю.В. Конев [и др.] // РМЖ. 2009. № 2. С. 145. Режим доступа: https://www.rmj.ru/articles/geriatriya/Osobennosti_pitaniya_v_poghilom_i_starcheskom_vozrast.
12. Полякова М.К., Харитонова Т.С., Стрижицкая О.Ю. Генеративность и ценностные ориентации в период вхождения во взрослость при разной выраженности переживания одиночества // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология. 2021. Т. 11, № 4. С. 326-340. DOI: 10.21638/spbu16.2021.403.
13. Скрыпченко В.А., Иващенко И.А. Физическая культура в высшем образовании: интеграция здоровья и образования // Содействие профессиональному становлению личности и трудуоустройству молодых специалистов в современных условиях: сборник материалов XV Международной научно-практической конференции: в 2 ч. Ч. 1. Белгород, 2023. С. 186-190.
14. Содикова Д.С., Холбоева Ш.А. Факторы риска и профилактика сахарного диабета [Электронный ресурс] // Мировая наука 2020. С. 452-455. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/faktory-riska-i-profilaktika-saharnogo-diabeta> (дата обращения: 19.09.2025).
15. Education and Risk of Dementia: Dose-Response Meta-Analysis of Prospective Cohort Studies / W. Xu [et al.] // Mol. Neurobiol. 2016. № 53 (5). P. 3113-3123. doi: 10.1007/s12035-015-9211-5 (дата обращения: 07.09.2025).
16. Effects of education on adult mortality: a global systematic review and meta-analysis [Электронный ресурс] // The Lancet Public Health. 2024. Vol. 9, Iss. 3. P. 155. <https://www.thelancet.com/journals/lanpub/home/> (дата обращения: 11.09.2025).
17. Gloria, H.J.Graf, Aiello, A.E., Caspi, A. Educational Mobility, Pace of Aging, and Lifespan Among Participants in the Framingham // Heart Study. 2024. Vol. 7, № 3. P. 7. doi:10.1001/jamanetworkopen.2024.0655 (дата обращения: 10.09.2025).

18. Meng X, D'Arcy C. Education and Dementia in the Context of the Cognitive Reserve Hypothesis: A Systematic Review with Meta-Analyses and Qualitative Analyses // PLo.S One. 2012. № 7(6). P. e38268. doi: 10.1371/journal. pone.0038268 (дата обращения: 19.09.2025).
19. Quality of life indicators – overall experience of life. Р 1. [Электронный ресурс] // Statistics Explained. 2024. URL: <https://ec.europa.eu/eurostat/statisticsexplained/> (дата обращения: 17.09.2025).

REFERENCES

1. Biochemistry: a textbook / edited by E.S. Severin. 2nd ed., corrected. Moscow: GEOTAR-MED, 2004. P. 396-397. [In Russ.]
2. Wulf I. Population of Russia, size in 2025 and 2024. Statistics of Russia and the World. 2025 [Electronic resource]. Access mode: https://bdex.ru/naselenie/russia/?utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2F (access date: 09.09.2025). [In Russ.]
3. Glushchenko, V.A., Irklienko, E.K. Cardiovascular morbidity is one of the most important healthcare problems [Electronic resource] // CyberLeninka. 2019. P. 58. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/serdechno-sosudistaya-zabolevaemost-odna-iz-vazhneyshih-problem-zdravoohraneniya>. [In Russ.]
4. Glazachev, O.S., Bobyleva, O.V. Health for education and (or) education for health? // Bulletin of the International Academy of Sciences (Russian Section). 2012. No. S. P. 246-250. [In Russ.]
5. Dynamics of the spread of musculoskeletal diseases in Russia and the world [Electronic resource] // Spinet.ru. Available at: https://spinet.ru/public/dinamika_rasprostraneniy_oda.php (access date: 11.09.2025).
6. Ivanova, I.L., Kovalchuk, V.K. Hygienic aspects of the development of somatic pathology of the gastrointestinal tract (literature review) [Electronic resource] // CyberLeninka. pp. 89-90. Access mode: <https://cyberleninka.ru/article/n/gigienicheskie-aspekytvozgnoveniya-somaticeskoy-patologii-zheludochno-kishechnogo-trakta-obzor-literatury>. [In Russ.]
7. Happiness Index: Monitoring. VTsIOM. News: Happiness Index: Monitoring 2023 [Electronic resource]. Access mode: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/indeks-schastja-monitoring> (access date: 20.09.2025). [In Russ.]
8. Kasatkina, N.P., Shumkova, N.V. Factors of demand for education in the «Silver Age». DOI: 10.24412/2713-1033-2022-2-50-62. (Access date: 19.09.2025). [In Russ.]
9. Clinical and fundamental aspects of gerontology [Electronic resource] / edited by G.P. Kotelnikov, N.O. Zakharova. Samara: Samara State Medical University, 2015. Available at: <https://gerontolog.info/docpdf/may17/samara2017.pdf>. [In Russ.]
10. Kurochkina, A. Russian analysts have found that citizens with higher education are happier than others [Electronic resource] // Gazeta.Ru. 2023. Available at: <https://www.gazeta.ru/science/news/2023/10/09/21463111.shtml> (Access date: 18.09.2025). [In Russ.]
11. Nutritional Features in the Elderly and Old Age [Electronic Resource] / Yu.V. Konev [et al.] // RMJ. 2009. No. 2. P. 145. Access Mode: https://www.rmj.ru/articles/geriatriya/Osobennosti_pitanija_v_pogilom_i_starcheskom_vozrast. [In Russ.]
12. Polyakova, M. K., Kharitonova, T. S., Strizhitskaya, O. Yu. Generativity and value orientations during the period of entering adulthood with different severity of experience of loneliness // Bulletin of St. Petersburg University. Psychology. 2021. Vol. 11, No. 4. P. 326-340. DOI: 10.21638/spbu16.2021.403. [In Russ.]
13. Skripchenko, V.A., Ivaschenko, I.A. Physical education in higher education: Integration of health and education // Promoting professional development of the individual and employment of young specialists in modern conditions: collection of materials of the XV International Scientific and Practical Conference: in 2 parts. Part 1. Belgorod, 2023. P. 186-190. [In Russ.]

14. Sodikova, D.S., Kholboeva, Sh.A. Risk factors and prevention of Diabetes Mellitus [Electronic Resource] // World Science 2020. Pp. 452-455. Access Mode: <https://cyberleninka.ru/article/n/faktory-riska-i-profilaktika-saharnogo-diabeta> (Access date: 19.09.2025). [In Russ.]
15. Education and Risk of Dementia: Dose-Response Meta-Analysis of Prospective Cohort Studies / W. Xu [et al.] // Mol. Neurobiol. 2016. No. 53 (5). P. 3113-3123. doi: 10.1007/s12035-015-9211-5 (access date: 07.09. 2025).
16. Effects of education on adult mortality: a global systematic review and meta-analysis [Electronic resource] // The Lancet Public Health. 2024. Vol. 9, Iss. 3. P. 155. <https://www.thelancet.com/journals/lanpub/home/> (access date: 11.09.2025).
17. Gloria, H.J.Graf, Aiello, A.E., Caspi, A. Educational Mobility, Pace of Aging, and Lifespan Among Participants in the Framingham // Heart Study. 2024. Vol. 7, No. 3. P. 7. doi:10.1001/jamanetworkopen.2024.0655 (access date: 10.09.2025).
18. Meng X, D'Arcy C. Education and Dementia in the Context of the Cognitive Reserve Hypothesis: A Systematic Review with Meta-Analyses and Qualitative Analyses // PLo.S One. 2012. No. 7(6). R. e38268. doi: 10.1371/journal.pone.0038268 (access date: September 19, 2025).
19. Quality of life indicators – overall experience of life. P 1. [Electronic resource] // Statistics Explained. 2024. URL: <https://ec.europa.eu/eurostat/statisticsexplained/> (access date: September 17, 2025). Service Plus. 2021. Vol. 15, No. 2. P. 124-132. DOI: 10.24412/2413-693X-2021-2-123-132. [In Russ.]

Информация об авторах / Information about the authors

Инал Али-Султанович Абдоков, советник отдела организации обеспечения лекарственными препаратами и медицинскими изделиями новых территорий Российской Федерации, Департамент по реализации специального инфраструктурного проекта Минздрава России, 127994, ГСП-4, г. Москва, Рахмановский пер, д. 3, e-mail: inalabdokov7@gmail.com

Анастасия Юрьевна Буина, студентка 3-го курса лечебного факультета. Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Кубанский государственный медицинский университет» Минздрава России, 350063, Российская Федерация, г. Краснодар, ул. имени Митрофана Седина, д. 4, e-mail: buina.anastasia@mail.ru

Светлана Кирмизовна Мамсирова, доцент кафедры профильных гигиенических дисциплин, эпидемиологии и общей гигиены, кандидат фармацевтических наук. Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Кубанский государственный медицинский университет» Минздрава России, 350063, Российская Федерация, г. Краснодар, ул. имени Митрофана Седина, д. 4, e-mail: mamsirova_svetlana@mail.ru

Альбина Аскеровна Трамова, студентка 3-го курса лечебного факультета. Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Кубанский государственный медицинский университет» Минздрава России, 350063, Российская Федерация, г. Краснодар, ул. имени Митрофана Седина, д. 4, e-mail: tramovaalbina777@gmail.com

Inal A.-S Abdokov, Advisor of the Department for the Organization of Drug Supply and Medical Devices for the New Territories of the Russian Federation, Department for the Implementation of a Special Infrastructure Project of the Russian Ministry of Health, Moscow, e-mail: inalabdokov7@gmail.com

Anastasia Y. Buina, 3rd-year student of the Faculty of Medicine, Kuban State Medical University of the Ministry of Health of Russia, 350063, the Russian Federation, Krasnodar, 4, Mitrofana Sedina St., e-mail: buina.anastasia@mail.ru

Svetlana K. Mamsirova, PhD (Pharmacy), Associate professor, the Department of Specialized Hygienic Disciplines, Epidemiology and General Hygiene, Kuban State Medical University of the Ministry of Health of Russia, 350063, the Russian Federation, Krasnodar, 4, Mitrofan Sedin St., e-mail: mamsirova_svetlana@mail.ru

Albina A. Tramova, 3rd-year student of the Faculty of Medicine, Kuban State Medical University of the Ministry of Health of Russia, 350063, the Russian Federation, Krasnodar, 4, Mitrofan Sedin St., e-mail: tramovaalbina777@gmail.com

Заявленный вклад авторов

Инал Али-Султанович Абдоков – подготовка статьи или ее критический пересмотр в части значимого интеллектуального содержания.

Анастасия Юрьевна Буина – сбор данных, анализ и интерпретация данных.

Светлана Кирмизовна Мамсирова – существенный вклад в замысел и дизайн исследования, окончательное одобрение варианта статьи для опубликования.

Альбина Аскеровна Трамова – сбор данных, анализ и интерпретация данных.

Claimed contribution of authors

Inal A.-S Abdokov – preparation of an article or its critical revision for significant intellectual content.

Anastasia Y. Buina – data collection, analysis and interpretation of data.

Svetlana K. Mamsirova – substantial contribution to the concept and design of the research, final approval of the version of the article for publication.

Albina A. Tramova – data collection, analysis and interpretation.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.
All authors have read and approved the final manuscript.

Поступила в редакцию 15.09.2025

Received 15.09.2025

Поступила после рецензирования 20.10.2025

Revised 20.10.2025

Принята к публикации 21.10.2025

Accepted 21.10.2025

Оригинальная статья / Original paper

<https://doi.org/10.47370/2078-1024-2025-17-4-130-144>
УДК 791.43:[316.3 + 314](470)



Отражение социальной и демографической политики в патриотических женских кинообразах 1890–1980-х годов

Д.В. Босов¹, О.А. Волкова² 

¹ Московский международный университет, г. Москва, Российская Федерация

² Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН,

г. Москва, Российская Федерация,

 volkovaoa@rambler.ru

Аннотация. Введение. Проблема исследования заключается в отсутствии комплексного анализа трансформации патриотического кинообраза женщины и его взаимосвязи с социально-политическими, демографическими и культурными изменениями в обществе. Цель исследования: выявить динамику патриотического женского кинообраза 1890–1980-х гг. и его взаимосвязи с социально-политическими и демографическими процессами. Научная новизна заключается во введении в социологический научный оборот образа женщины-патриота, презентуемого в отечественных кинофильмах и сериалах, и в темпоральном разрезе отражающего социально-политическую, социально-демографическую, социокультурную и общественную повестку.

Материалы и методы. В исследовании использованы материалы 1890–1980-х гг., размещенных на сайтах Film.ru, IMDb, КиноПоиск и в архиве Госфильмофонда России. Исследование проведено методами количественно-качественного контент-анализа, дискурсивной интерпретации, сравнительно-исторического, визуального, нарративного, герменевтического и компаративного анализа.

Результаты. Репрезентация патриотического женского кинообраза на отечественном экране проходит процесс трансформации. Женское воплощение патриота проходит через ряд изменений: от женщины-интернационалиста, носительницы советского патриотизма в военно-героическом и трудовом измерениях, в исторических социокультурно маркированных образах прошлого, в специализированных профессиях и сферах до субъекта индивидуального потребления.

Обсуждение и заключение. Практическая значимость работы состоит в возможности использования результатов при разработке концептуальных подходов к созданию современного образа женщины на основе традиционных ценностей. Исследование имеет свое логическое продолжение в анализе тематики в период с 1900-х годов до сегодняшних дней.

Ключевые слова: женский образ, женщина, традиционные ценности, патриотизм, кинофильмы, сериалы, демография, влияние на аудиторию

Для цитирования: Босов Д.В., Волкова О.А. Отражение социальной и демографической политики в патриотических женских кинообразах 1890–1980-х годов. *Вестник Майкопского государственного технологического университета*. 2025; 17(4): 130–144. <https://doi.org/10.47370/2078-1024-2025-17-4-130-144>

Reflection of social and demographic policy in patriotic female cinematic images from the 1890s to 1980s

D.V. Bosov¹, O.A. Volkova²✉

¹ Moscow International University, Moscow, the Russian Federation

² Institute for Demographic Research of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, the Russian Federation
✉ volkovaao@rambler.ru

Abstract. Introduction. The research problem lies in the absence of a comprehensive analysis of the transformation of the patriotic cinematic image of women and its connection with socio-political, demographic, and cultural changes in society. The aim of the study is to identify the dynamics of the patriotic female cinematic image from the 1890s to the 1980s and its relationship with socio-political and demographic processes. The scientific novelty consists in introducing the image of the female patriot, presented in domestic films and TV series, into sociological discourse, reflecting the socio-political, socio-demographic, sociocultural, and public agenda in a temporal perspective.

The materials and methods. The study utilized materials from the 1890s to the 1980s, available on the websites Film.ru, IMDb, KinoPoisk, and in the archive of the Russian State Film Fund. The research was conducted using methods of quantitative-qualitative content analysis, discursive interpretation, comparative-historical, visual, narrative, hermeneutic, and comparative analysis.

The results. The representation of the patriotic female cinematic image on the domestic screen undergoes a process of transformation. The female embodiment of a patriot evolves through a series of changes: from a woman-internationalist, a bearer of Soviet patriotism in military-heroic and labor dimensions, in historically socioculturally marked images of the past, in specialized professions and fields, to a subject of individual consumption.

Discussion and conclusion. The practical significance of the work lies in the potential use of its results for developing conceptual approaches to creating a modern image of women based on traditional values. The research logically continues with an analysis of the topic from the 1900s to the present day.

Keywords: female image, woman, traditional values, patriotism, films, TV series, demography, influence on the audience

For citation: Bosov D.V., Volkova O.A. Reflection of social and demographic policy in patriotic female cinematic images from the 1890s to the 1980s. *Vestnik Majkopskogo gosudarstvennogo tehnologičeskogo universiteta*. 2025; 17(4): 130–144. <https://doi.org/10.47370/2078-1024-2025-17-4-130-144>

Введение. Обострение противоречий между ведущими странами мира, выразившиеся в практике цветных революций, политических кризисах на постсоветском пространстве и средиземноморском регионе, столкновении интересов стран запад-

ной цивилизации и России и другое – все это в свете событий последних месяцев привело к тому, что на данный момент в социальной науке тематика патриотизма и патриотических настроений, их изучение переживают обновление.

Анализ образа женщины-патриота, который репрезентируется в зарубежной и отечественной продукции кино- и телесериальной индустрии, выступает проблематикой социологического исследования, результаты которого изложены в данной статье. Исследовательский акцент поставлен на социально-политической, социально-демографической, социокультурной и общественной повестке, которая отражается в образе женщины-патриота. Обострение противоречий между ведущими странами мира, вызвавшиеся в практике цветных революций, политических кризисах на постсоветском пространстве и средиземноморском регионе, столкновении интересов стран западной цивилизации и России и другое – все это в свете событий последних месяцев привело к тому, что на данный момент тематика патриотизма и патриотических настроений, их изучение переживают в социальной науке подлинный ренессанс.

Представление женщины как носителя общественных ценностей дает возможность фокусировать данное исследование на динамике образа женщины-патриота в мейнстрим-кинематографе. В данной статье представлен анализ рассматриваемой проблематики в период с 1890-х (появления кино) по 1980-е гг. (последнего десятилетия советского периода в нашей стране). Цель исследования: выявить векторы развития образа женщины-патриота в 1890–1980-е годы и темпоральные особенности отражения в нем социально-политической, социально-демографической, социокультурной и общественной повестки.

Проблема исследования заключается в необходимости решения научно-практической задачи совершенствования отечественной кинопродукции на основе традиционных ценностей – с одной стороны, и отсутствия научно-исследовательской информации о динамике образа женщины-патриота и о темпоральных особенностях отражения в нем социаль-

но-политической, социально-демографической, социокультурной и общественной повестки, необходимой для формирования современного женского образа героя, – с другой стороны.

Научная новизна данного исследования заключается в комплексном анализе трансформации патриотического женского кинообраза в контексте комплексных социально-политических, демографических и культурных изменений общества за период с 1890-х по 1980-е гг. Впервые в социологический научный оборот вводится образ женщины-патриота, представленный в отечественных кинофильмах и сериалах, что позволяет проследить его эволюцию в темпоральном разрезе.

Особую значимость представляет собой выявление взаимосвязи между динамикой женского патриотического образа и ключевыми историческими процессами, такими как становление советского государства, сталинская эпоха, послевоенное восстановление, период оттепели и перестройка. В отличие от предыдущих научных исследований, осуществленных другими авторами, акцент сделан не только на военно-героических, но и в основном на трудовых, исторических и потребительских аспектах женского патриотического образа, что расширяет понимание его роли в формировании общественных ценностей.

Исследование демонстрирует, как киноиндустрия, отражая социально-демографические изменения, способствовала переходу от образа женщины-интернационалистки и труженицы к образу субъекта индивидуального потребления. Это позволило выявить влияние западных феминистических идей и кризиса советской идеологии на трансформацию патриотических идеалов в обществе. Так, данное исследование вносит свой вклад в изучение особенностей конструирования и воспроизведения гендерных стереотипов и их адаптации к меняющимся политическим и культурным реалиям.

Материалы и методы. В качестве теоретико-методологической основы исследования использована концепция «взаимодействия киноискусства и государства с позиций художника, обладающего известной властью над чувствами и мыслями людей, и государственной власти в ее роли регулятора кинокоммуникации» [Жабский, 2022: 156]. Анализ современной продукции мейнстрим-кинематографа и телесериала постепенно обращается не только к репрезентации профессий [Босов, Дубровский, Кадуцкий, 2022], а также к их гендерному измерению [Волкова, Босов, 2018].

Исследование проводилось в период с января 2025 г. по март 2025 г. Полем применения данных методов выступили сайты Film.ru, IMDb, КиноПоиск, которые обладают высокой степенью известности в среде исследователей кино, кинокритиков и киноманов. Выбор представленных киносайтов обусловлен содержанием практически исчерпывающих или максимального приближенных к таковым вариантов рейтингов отечественных и зарубежных телесериалов, а также фильмов мейнстрим-кинематографа и арт-хауса. Кроме того, в исследовании проанализированы материалы архива Госфильмофонда России. Исследование охватывает временной период с 1890-х по 1980-е гг.).

Отбор, обработка и анализ материалов кинофильмов и сериалов осуществлялись посредством применения методов: количественно-качественного контент-анализа; визуального анализа кинопродукции; нарративного анализа содержания видеоматериалов; сравнительно-исторического анализа; компаративного анализа; метода комментированных первичных текстов; метода дискурсивной интерпретации (один и тот же образ нередко в процессе рецепции интерпретируются по-разному, поскольку сам рецептивно-интерпретативный процесс детерминирован социально-индивидуальными характеристиками различного рода); герменевтического

анализа (для исследования необходимо выявление заказчиков и производителей телесериалов и кинофильмов, изучение и сегментирование зрительской аудитории, выявление стереотипов, предрассудков, эмоциональной репрезентации и восприятия и пр.).

Результаты исследования. Женщина-патриот на отечественном экране появляется в 1920-е гг., соответствуя нарождающейся советской интерпретации патриотизма сначала в интернационалистской, а затем в сталинской версии. Каждая из эпох (хрущевская, застоя, перестройки, ельцинская, современная) использовала, по сути, один и тот же набор патриота, в том числе и в репрезентации героинь кино. Вместе с тем постепенная и латентная трансформация в рецепции советской героики осуществлялась в 1960-е гг., что через двадцать лет вылилось в антипатриотические тенденции перестроичного кино, в которых важную роль играют именно женские образы как трансляторы ценностей общества потребления.

Антипатриотизм перестроичной и ельцинской эпох наиболее уверенно демонстрировался именно киногероинями, по-видимому, по причине большей восприимчивости к новым ценностям именно женской аудитории. Перезагрузка образа женщины-патриота в отечественном сериале и кино происходит на рубеже тысячелетий по причине осевого поворота, происходящего в российском обществе и политике. Женщина-патриот в советском кино с самого начала демонстрировала симбиоз традиционных ролей и идей равенства, при котором идея независимости практически не была задействована, в то время как в постсоветском кино и телесериале доля традиционных ролей существенно сокращается за счет увеличения реализации идеи независимости, что выступает следствием влияния западных феминистических идей.

Согласно социологу В.Н. Иванову, патриотизм есть «осознанная любовь,

привязанность к Родине, преданность ей и готовность к жертвам ради нее, осознанная любовь к своему народу, его традициям» [Социологическая энциклопедия, 2003: 164.]. По мнению социальных психологов и этнопсихологов В.Г. Крысько и Д.И. Фельдштейна, патриотизм – это «сложное явление общественного сознания, связанное с любовью к Родине, Отечеству, своему народу, которое проявляется в виде социальных чувств, нравственных и политических принципов жизни и деятельности людей» [Крысько, Фельдштейн, 1999.].

Тем самым патриот является носителем идей патриотизма, их приверженцем. Данная работа будет использовать термин женщина-патриот.

Кино как феномен появляется лишь в 1890-е гг. и в 1900-е гг., и далее на протяжение нескольких десятилетий оно продолжает рассматриваться как некое подобие аттракциона. Политики, ученые и зрители в нем еще не обнаруживают мощное средство воздействия на массовое сознание в определенном ключе.

Тем не менее появление патриотизма в кинофильмах, как ни странно, происходит в польском короткометражном кино. Это фильм «Прусская культура» (1908, Российская империя). Данный кинопродукт повествует о школьном скандале, который происходит на территории немецкой Познани, когда польский мальчик на школьной доске стирает надпись «Прусская культура» и пишет на польском: «Родная Польша». Учитель наказывает ученика, за которого заступается отец. И все это запускает репрессивные меры против польской семьи в целом. В конце концов отца ученика убивает германская полиция и над его телом польские патриоты дают клятву о сопротивлении и мести захватчикам [Теплиц, 1968.].

Эскалация тематики патриотизма в кинореальности становится востребованной в свете событий Первой мировой войны, явления, которому удалось расколоть

даже такое международное объединение социалистических рабочих партий, как Второй Интернационал (1889–1914) [Haupt, 1964: 212–213]. Одним из первенцев в данной области выступил американский кинематограф – «Рождение нации» (1915 г., США, бюджет – 100 тыс. долларов, сборы в мире – 10 млн долл., реж. Д.У. Гриффит, в гл. роли Л. Гиш, М. Марш, Г.Б. Уолтхолл), кинофильм, который повлиял на становление всего американского кинематографа первой половины XX столетия и в то же время продвигал идеи американского патриотизма, в котором переплетались и расистские идеи в духе сообщества «Ку-клукс-клан». В то же время в этих кинофильмах женщина играла вспомогательную роль, выступая, скорее, в качестве сопровождающего фона для развертывания образа мужчины-патриота.

В нашей стране ярко проявлялась литературоцентричность всей советской культуры, что обнаруживалось и в кино. Все те образы и символы, которые возникали в советской литературе – поэзии и прозе – распространялись и на другие виды искусства. Все это транслировало на массовое сознание аудитории образцы «значимых других» [Мид, 2009.] как представителей референтных групп [Мертон, 2006.], которые кино, наряду с другими видами искусства, пыталось внедрить и утвердить как модальный тип личности [Линтон, 2001]. Как известно, в Советской России и СССР периодически цитировалась и по сей день приписываемая Ленину фраза: «Из всех искусств важнейшими для нас являются кино и цирк»¹.

Разгром сталинской элитой ленинской гвардии коммунистов-интернационалистов задал запрос и совпадал с созданием т. н. «оборонного кино», задачей которого

¹ Целились в коммунизм, а попали в Россию! Беседа профессора Александра Зиновьева, публициста Михаила Назарова и писателя Петра Паламарчука // Завтра. 1993. № 2. С. 2. URL: <https://rusidea.org/10011> (дата обращения: 16.03.2025).

стало патриотическое воспитание в ожидании потенциальных военных противостояний и не только. В сфере образования созвучным стало постановление от 15 мая 1934 г., в котором был раскритикован сугубо классовый подход в духе «вульгарного социологии»: «верхи – низы». Историческое образование с этого момента делает ставку на развитие исторической памяти – фундамента для эскалации патриотического сознания «нового советского человека». Это напрямую касается и наполнения «оборонного кино», в котором особую роль играет кино исторического жанра. Рассмотрение князей, царей, императоров и военачальников государства российского не как крепостников и представителей эксплуататорского класса, а как героев прошлого, значимых других (Дж. Г. Мид), к которым апеллирует сталинское советское кино в интересах распространение патриотических идей и идеалов и их успешной интериоризации.

Несмотря на то, что кино к тому времени существует уже свыше тридцати лет, именно советское, а не кино императорской России, впервые выводит образ женщины-патриота на просторы киноэкранов. «Из опыта всех освободительных движения замечено, что успех революции зависит от того, насколько в нем участвуют женщины» – это фраза В.И. Ленина, сказанная им на I Всероссийском съезде работниц, предопределила и появление образа женщины на киноэкране, всецело преданной идеалам советского патриотизма².

При всем том, что и здесь мужчины-патриоты лидировали на киноэкране, участвуя в реализации незамысловатой трехкомпонентной сюжетной схеме «женщина – мужчина (коммунист) – антагонист (вредитель, враг, шпион)», все

же здесь были созданы все условия для возникновения экранного образа советской патриотки.

В фильмах 1920-х гг. женские героини больше преданы идеалам революции (по сути мировой – Д.Б.): наилучшим образом явлется кинофильм «Сорок первый» (1927 г., СССР, реж. Я. Протазанов, в гл. роли красноармейского стрелка Марютки Басова, убившей своего любимого – белого офицера, Ада Войчик). Отголоски этих идей все еще звучат и в кинофильмах 1930-х гг. Одним из таких фильмов выступает известная киноработа «Чапаев» (1934 г., СССР, реж. Г. и С. Васильевы, Кинопоиск.ru: 7.8, IMDb: 7.10; 30 млн зрителей в СССР, в роли пулеметчицы Анки Варвары Мясникова). Также роль подпольщицы Наташи, которую сыграла актриса В. Кибардина, соответственно, в кинореволюционной трилогии «Юность Максима» (1935 г., СССР, драма, военный, исторический жанры, реж. Гр. Козинцев, Л. Трауберг, Кинопоиск.ru: 7.0, IMDb: 6.70; более 500 тыс. зрителей в Ленинграде за первые две недели), «Возвращение Максима» (1937 г., СССР, драма, военный, исторический жанры, реж. Гр. Козинцев, Л. Трауберг, Кинопоиск.ru: 6.9, IMDb: 6.40) и «Выборгская сторона» (1938 г., СССР, драма, военный, исторический жанры, реж. Гр. Козинцев, Л. Трауберг, Кинопоиск.ru: 6.6, IMDb: 6.00)³ [Зоркая]. Но даже при всем том, что трилогия получила Сталинскую премию, до этого представители советского агитпропа объявили, что на фоне остальных героев героя Наташа прописана «эпизодически». Любопытно, что во французских кинотеатрах первый фильм и сама кинотрилогия были запрещены к показу сразу без каких-либо объяснений [Ромм, 1980], в американских же кинотеатрах Детройта высокопоставлен-

² Патриотки социалистической родины // Красная звезда. 1940. № 55, 8 марта. URL: https://nik191-1.ucoz.ru/blog/patriotki_socialisticheskoy_rodiny/2020-03-08-7200 (дата обращения: 16.03.2025).

³ Зоркая Н.М. Трилогия о Максиме и большевики от Максима до Ленина. Позолоченные, багровые тридцатые. URL: <https://portal-slovo.ru/art/35974.php> (дата обращения: 16.03.2025).

ный полицейский чиновник назвал данные киноленты распространением советской пропаганды, которая сеет классовую ненависть, угрожающую статус-кво социального порядка американского общества [Юность Максима].

В довоенном сталинском кино женщина-патриот была рядом с мужчиной-патриотом, участвуя в противоборстве «законопослушный гражданин – классовый враг» и выступая на стороне первого. Вместе с тем советское кино 1930-х гг. предпринимало в данном ключе и критику крючковорства, бюрократизма, коррупции, непотизма, боссинга (роли Любови Орловой в фильмах Г. Александрова «Веселые ребята» (1934), «Волга, Волга...» (1938), и др.). Тот же бюрократизм здесь уместнее рассматривать с позиций типологии девиантных субкультур Т. Селлина, который, адаптируя для своей концепции типологию девиантного поведения Р. Мертона, объявил первый воплощением ритуализма [Мертон, 1992; Хагуров, 2003.] Тем самым патриотизм рассматривался в данной кинопродукции в двух ипостасях: 1) как противостояние идеологическим противникам в лице шпионов, вредителей, активных противников советской власти; 2) как противодействие носителям негативного девиантного поведения (алкоголикам, преступникам, акторам бюрократизма и коррупции и др.). В итоге налицо происходит удвоение образа врага советского общества, которому противопоставляется патриотический образ в женском и мужском воплощениях.

В период Великой Отечественной войны женский патриотизм в кино связывается уже с военными действиями и тяжелым трудом женщины в тылу.

В частности, в кинофильме «В шесть часов вечера после войны» (1944 г., СССР, мюзикл, драма, мелодрама, военный, реж. И. Пырьев, Кинопоиск.ру: 7.2, IMDb: 6.70; 26,1 млн зрителей в СССР, в роли первой зенитчицы советского военного кино Вари Панковой Марина Ладынина) главная ге-

роиня, ждущая встречи после окончания войны со своим любимым, артиллеристом Васей Кудряшовым, воплощает такие стереотипные женственные черты, как Родина в юном обличии и будущая Мать, цели которых не только призывы на защиту страны и советского общества (как на легендарном плакате Д. Моора), но и оберегание мужа-солдата самим ожиданием и чуть было не молитвой (как в стихотворении «В землянке» Алексея Суркова или «Жди меня» Константина Симонова). Здесь возникает образ женщины-патриотки, которая, несмотря на участие в военных действиях, воспринимает и позиционирует войну как воплощение крайних проявлений негативных девиаций, разрушение порядка, который требует восстановления. И данная тенденция в презентации женщины-патриотки во многом продолжается и по сей день.

В послевоенный период женщина-патриот представлена в том же ключе: в роли военной и в роли труженицы тыла. Вместе с тем патриотизм женских персонажей переживает специализацию и дифференциацию в режиме функционализма Г. Спенсера:

1) женщина на войне представлена в кино в таких амплуа, как непосредственно военнослужащая (в роли буйной связистки Евгении Земляниной Галина Фигловская в фильме «Женя, Женечка и "Катюша"», 1967 г.; в роли буйной зенитчицы Любы Надежда Румянцева в фильме «Крепкий орешек», 1968 г.; в роли героических зенитчиц Лизы Бричкой, Сони Гурвич, Гали Четвертак, Жени Комельковой, Риты Осяниной актрисы Елена Драпеко, Екатерина Маркова, Ольга Остроумова, Ирина Шевчук и Ирина Долганова в фильме «А зори здесь тихие», 1972 г.);

2) разведчица или помощница разведчика (в роли горничной и палача нацистского наместника Белоруссии Вильгельма Кубе Елены Мазаник Рита Гладунко в фильме «Часы остановились в полночь», 1958 г.; в роли разведчицы под

прикрытием преподавательницы русского языка в немецкой офицерской школе Елена «Березы» Наталья Фатеева в фильме «Я – «Береза», 1964 г.; в роли брянской диверсантки в немецком тылу в Восточной Пруссии Анны Морозовой Людмила Касаткина в фильме «Вызываем огонь на себя», 1965 г.; в роли разведчицы и диверсантки Ани Анастасия Вознесенская в фильме «Майор "Вихрь"», 1967 г.; в роли связной Николая Кузнецова, помощницы и разведчицы Валентины Довгер Виктория Федорова в фильме «Сильные духом», 1967 г.; в роли помощницы разведчика Белова-Вайса Нины «Спицы» Валентина Титова в фильме «Щит и меч», 1968 г.; в роли помощницы Штирлица радиостанции Кэтрин Кин-Екатерины Козловой Екатерина Градова в фильме «Семнадцать мгновений весны», 1973 г.; в роли таллинской резидентки ВЧК Лиды Боссе Эдита Пьеха в фильме «Бриллианты для диктатуры пролетариата», 1975 г.);

3) женщины-врачи и санитарки, спасающие жизни бойцов и раненых (в роли санитарки Тани Теткиной Инна Чурикова в фильме «В огне брода нет», 1967 г.; в роли санитарки Раи Нина Ургант в фильме «Белорусский вокзал», 1970 г.; в роли супруги офицера и врача Любови Трофимовой Алина Покровская в фильме «Офицеры», 1971 г.).

Любопытно и то, что с 1960-х гг. война в патриотическом кино не только романтизируется, но и в некоторых кинокартинах проникает комедийная составляющая. Следует заметить, что в европейском кино уже с конца 1950-х гг. события Второй мировой также нередко рассматриваются как объект комедии: «Мистер Питкин в тылу врага» (1958 г., Великобритания), «Большая прогулка» (1966 г., Великобритания, Франция) и др. В советском кино появляются фильмы с близким комедийным акцентированием или элементами трагикомедии: «Женя, Женечка и "Катюша"» (1967), «Крепкий орешек» (1968). Данные тенденции присутствуют и в кинолентах,

посвященных первой Отечественной войне 1812 г.: «Гусарская баллада» (1962 г., СССР, реж. Э. Рязанов, 48,6 млн зрителей в СССР, в роли переодетого в мужчину-гусара Александры Азаровой Лариса Голубкина).

Тенденции репрезентации женского патриотизма в военном киножанре в 1970–1980-е гг. выводят героинь в другие эпохи отечественной истории. Тем самым образ женщины-патриота принялся осваивать кинореальность прошлого, запуская механизмы и воспроизводя структурные элементы исторической памяти [Дмитриева, 2005].

Тенденции репрезентации женского патриотизма в военном киножанре в 1970–1980-е гг. выводят героинь в другие эпохи отечественной истории: «Эскадрон гусар летучих» (1980 г., СССР, реж. Н. Хубов и С. Ростоцкий, 23,6 млн зрителей в СССР, в роли крестьянки-партизанки Лидия Кузнецова), и др. данные тенденции можно объяснить грандиозным успехом кинофильма в четырех частях режиссера Сергея Бондарчука «Война и мир» (1965–1967), который при бюджете около 8,3 млн рублей продемонстрировал сборы в 58 млн рублей. При этом киноперсонаж Натальи Ростовой повлиял на репрезентацию подобных женских образов в исторических кинокартинах XX в.

Также в начале 1960-х гг. в кино, в том числе и в тех фильмах, которые демонстрируют женский патриотизм, стали проглядывать тематики и мотивы, вступающие в противоречие с советской, марксистско-ленинской идеологией. Например, в фильме «На семи ветрах» (1962 г., СССР, мюзикл, драма, мелодрама, военный, реж. С. Ростоцкий, Кинопоиск.ru: 7.9, IMDb: 7.30; 26,8 млн зрителей в СССР, в роли бойца Светланы Ивашовой и лейтенанта Петровой, соответственно, Лариса Лужина и Софья Пилявская) в диалоге героинь звучит мысль, что необходимо молиться Богу, а не Верховному Главнокомандующему за своих близких,

находящихся на войне. Христианские мотивы всплывали и в других кинофильмах, например, в фильме С. Ростоцкого «А зори здесь тихие» (1972 г.).

Этот момент показательный, поскольку эпоха оттепели Н.С. Хрущева, во-первых, осуществила развенчание культа личности И.В. Сталина на XX съезде КПСС в 1956 г.; во-вторых, предприняла дальнейшую радикальную десталинизацию и выдвинула волонтиаристскую и ничем не обоснованную программу партии о развернутом построении коммунизма в 1980 г. на XXII съезде КПСС в 1961 г. Эти процессы существенно повлияли на дальнейшую презентацию патриотических образов в советском кино, поскольку один из пунктов новой программы партии в рамках т. н. «Морального кодекса строителя коммунизма» провозглашал «преданность делу коммунизма, любовь к Родине и странам социализма». В связи с этим обстоятельством количество фильмов патриотического содержания стремительно росло.

Но вместе с тем именно эти события, вкупе с подавлением венгерского восстания 1956 г. и пражской весны 1968 г., раскачали оппозиционные настроения в среде творческой интеллигенции, привели к медленному, но верному росту диссидентского движения в СССР. По мнению историка Р. Пихоя, третья программа партии, по сути, поставила под контроль секретариата ЦК КПСС государственные структуры в стране, что свидетельствовало о крене системы в сторону построения государственно-монополистического капитализма [Пихоя, 2007].

Оторванность третьей программы партии от реальных механизмов ее реализации на практике (обещание построения коммунизма в 1980 г.), сведение ряда пунктов к построению «общества сытости» (что коррелирует с идеями западного общества потребления) неизбежно приводили к кризису идей советского патриотизма вкупе с ростом девиантных практик и привлекательности досоветских и анти-

советских идей, а также западного образа жизни. Именно эти факторы объясняют тот стремительный антипатриотический крен, который моментально выплынулся на киноэкраны эпохи перестройки.

Перестроенное кино обрушилось с критикой на все советские устои, включая и патриотизм. В духе постмодернистской карнавализации (М. Бахтин) кино перестроенного периода предприняло деконструкцию и практически аннигиляцию советской патриотической идеи в кинопродукции. Киногерои и киногероини кино эпохи перестройки не просто меняются, они увлечены действиями ради действия, их обуревает деструкция. На первый план выходит трансляция антигероев, осмеяние устоев советского общества и самого homo soveticus (А. Зиновьев), постепенное биологизаторство в рассмотрении фигур мужчины и женщины, нередко позиционированных в ключе негативной девиации (новая героика: женщина – проститутка, мужчина – бандит или киллер) [Бахтин, 2015; Зиновьев, 1982; Почепцов, 2000].

Особой критике в данном ключе подверглась Советская армия: «Делай – раз!» (1989 г., СССР, реж. А. Малюков), «Сто дней до приказа» (1988 г., СССР, реж. Х. Эркенов), «Кислородный голод» (1991 г., СССР, реж. А. Дончик) и др. Такие фильмы, как «Маленькая Вера» (1988 г., СССР, реж. В. Пичул, Кинопоиск.ru: 7.2, IMDb: 6.90; 56 млн зрителей в СССР, в гл. роли бывшей школьницы Веры Наталья Негода), «Интердевочка» (1989 г., СССР – Швеция, реж. П. Тодоровский, Кинопоиск.ru: 7.3, IMDb: 7.0; 44 млн зрителей в СССР, в гл. роли валютной проститутки Татьяны Зайцевой Елена Яковлева), «Авария – дочь мента» (1989 г., СССР, реж. М. Туманишвили, Кинопоиск.ru: 7.2, IMDb: 6.90; 56 млн зрителей в СССР, в гл. роли старшеклассницы-металлистки Валерии Николаевой-Аварии Оксана Арбузова), в уста героинь вкладывали антипатриотизм и восхищение перед западными ценностями, культ материальных

благ. Бунтарская суть той эпохи выражена во фразе героини Аварии, которая заявляет своим родителям: «Мне нравится все, что не нравится вам, а что вас злит, так это я вообще тащусь!»

И в то же время продажность и проституция здесь выводятся не только как антиподы патриотического мышления и действия, но и как норма (фраза Ляли из фильма «Дорогая Елена Сергеевна» (1988 г., СССР, реж. Э. Рязанов, в роли Ляли Наталья Щукина: «Я даже девственность свою не теряю из расчета. В надежде выгодно ее продать тому, кто подороже заплатит!») [Беленкова, Зарипов, 2022]. Парадоксальность заключалась в том, что мужские и женские образы в перестроенном кино демонстрировали некий мещанский революционизм, бунт против ценностей советской системы.

Все это развивалось в условиях, когда общество охватила вестернизация и американизация на высоком уровне обожания всего американского в духе шлягеров «Американ бой», а в основаниях развивались тезисы деидеологизации (отказа от идеологии), восходящие к О. Конту и получившие полноценное воплощение в технократическом (Ж. Фурастье, Д. Белл, Р. Арон, Дж. Гэлбрейт) и потребительско-гедонистической (М. Каплан, Ж. Казанев, Л. Ловенталь, Э. Морен, Ж. Дюмадезье) версиях [Конт, 2012.; Фурастье, 2001; Белл, Иноземцев, 2007; Арон, 2021; Гэлбрейт, 2004; Kaplan, 1969]. Первая утверждала свободу претендующей на власть научно-технической группы, или технократов, вступающих в противоборство с цензурой и моральными кодексами традиционалистов правых и левых (Е. Гайдар, А. Чубайс и др.). Вторая реабилитировала фрейдистский принцип удовольствия, удар по жертвенной морали, не позволяющей спокойно приобщаться к благам общества консюмеризма и жить по меркам цивилизации досуга. В принципе антипатриотизм и антисоветизм мужских и женских персонажей в фильмах эпохи перестройки отра-

жает в своем мышлении и деятельности обе вышеуказанные тенденции.

По результатам проведенного исследования предложим практические рекомендации по укреплению исторической памяти через отечественные кинематографические образы женщины-патриота. Изучение эволюции женских патриотических образов в отечественном кинематографе 1890–1980-х годов позволяет предложить комплекс мер, направленных на актуализацию исторической памяти через современные медиапрактики. Выявленные закономерности трансформации экраных образов свидетельствуют о необходимости более осознанного подхода к конструированию современных нарративов, тесно связывающих прошлое и настоящее. Охарактеризуем основные предложения и объединим их в несколько тематических блоков.

1. Восстановление преемственности исторических образов. Осуществленный анализ показал, что советский кинематограф создавал мощные образы женщин-патриотов, органично соединявшие традиционные ценности с совершенно новыми социальными ролями. Современным кинематографистам следует не копировать, а творчески переосмысливать этот опыт, избегая как слепой идеализации прошлого, так и его негативной демонизации. Особое внимание стоит уделить периоду Великой Отечественной войны, где женские образы наиболее ярко воплощали синтез жертвенности и героизма. Воссоздавая эти образы, важно сохранять их историческую достоверность, одновременно наполняя современным гуманистическим содержанием.

2. Многослойная репрезентация женского патриотизма. Историческая память должна сегодня транслироваться не через упрощенные схемы, а через показ сложности женских судеб в сложные, переломные моменты истории. Рекомендуется создавать персонажей, сочетающих в себе как традиционные семейные ценности, так и активную гражданскую позицию. Напри-

мер, образы женщин – тружениц тыла, медсестер, ученых – могут быть представлены в их повседневном современном героизме, что усилит психоэмоциональное воздействие на зрителя. Особенно важно избегать культивирования гендерных стереотипов, показывая, как реальные исторические персонажи преодолевали социальные ограничения своего времени.

3. Образовательные проекты на стыке кино и истории. Целесообразно разрабатывать специальные программы для школ и вузов, где анализ кинообразов будет сочетаться с изучением исторического контекста. Подобные проекты могли бы включать в себя следующие элементы: сравнительный анализ экранного и реальных исторических прототипов; изучение того, как менялось восприятие патриотизма в разные эпохи; практические занятия по созданию собственных медиа-проектов на исторические темы. Такой подход позволит молодежи не просто потреблять, но и критически осмысливать исторические нарративы.

4. Архивные исследования и их популяризация. Необходимо активизировать работу с архивами Госфильмофонда и другими хранилищами киноматериалов, систематизируя и оцифровывая великое наследие советского кинематографа. Одновременно следует создавать современные сопроводительные материалы к классическим фильмам, объясняющие их исторический контекст. Особое внимание стоит уделить региональным киностудиям, чей вклад в формирование патриотических образов часто остается недооцененным.

5. Международный диалог через историческую память. Российский кинематограф может стать платформой для международного диалога о роли женщин в мировой истории XX века. Рекомендуется создавать совместные проекты с зарубежными кинематографистами стран ЕАЭС и СНГ, где тема женского патриотизма будет представлена в сравнительной перспективе. Это позволит, с одной стороны,

противостоять попыткам фальсификации истории, с другой – находить точки соприкосновения с другими культурами.

Практическая реализация этих рекомендаций требует системного подхода, объединяющего усилия кинематографистов, историков, социологов и педагогов. Важно понимать, что работа с исторической памятью через современный кинематограф (в том числе транслируемый через сеть Интернет) – это отнюдь не возврат в прошлое, а способ осмысливания настоящего. Грамотно выстроенные кинообразы женщин-патриотов могут стать тем мостом, который соединит разные поколения, сохраняя при этом сложность и многогранность нашего богатого исторического опыта. Особую ценность такой подачи приобретает в условиях, когда историческая память становится полем для идеологических битв, а женские образы часто используются как инструмент для упрощенных трактовок прошлого, настоящего или будущего.

Обсуждение и заключение. Несмотря на то, что, согласно историческим фактам, кино появляется и становится в некоторой степени доступным зрителям в 1890-х годах, женщина-патриот на отечественном экране появляется в 1920-е гг. Этот период соответствует нарождающейся советской интерпретации патриотизма сначала в интернационалистской, а затем в сталинской версии. Каждая из эпох (хрущевская, застоя, перестройки) использовала, по сути, один и тот же набор образа патриота, в том числе и в презентации героинь кино.

Вместе с тем постепенная и латентная трансформация в рецепции советской героики осуществляется в 1960-е гг., что через двадцать лет выливается в антипатриотические тенденции перестроичного кино, в которых важную роль начали играть именно женские образы как трансляторы ценностей общества потребления. Антипатриотизм перестроичной эпохи наиболее уверенно демонстрировался именно киногероями, по-видимому,

по причине большей восприимчивости к новым ценностям именно женской аудитории. Перезагрузка образа женщины-патриота в отечественном сериале и кино происходила на рубеже тысячелетий по причине осевого поворота, происходящего в российском обществе и политике.

Тенденции репрезентации женского патриотизма в военном киножанре в 1970–1980-е гг. выводят героинь в другие эпохи отечественной истории. Далее кризис идей советского патриотизма вкупе с ростом девиантных практик и привлекательности досоветских и антисоветских идей, а также западного образа жизни – все эти факторы объясняют стремительный антипатриотический крен, который через трансформацию женских образов выплынулся на киноэкраны эпохи перестройки. Перестроенное кино предприняло деконструкцию и практически аннигилиацию советской патриотической идеи в кинопродукции. Киногерои и киногероини кино эпохи перестройки не просто меняются, они увлечены действиями ради действия, их обуревает деструкция. На первый план выходит трансляция антигероев, осмехание устоев советского общества, постепенное биологизаторство в рассмотрении фигур мужчины и женщины, нередко позиционированных в ключе негативной девиации в построении перестроенной героики: женщина – проститутка, мужчина – бандит или киллер.

Результаты изучения представленной тематики продемонстрировали, что репрезентация образа женщины-патриотки на отечественном теле- и киноэкране проходит многоаспектный процесс трансформации. Женское воплощение патриота на экране проходит через целый ряд видоизменений: от женщины-интернационалиста, носительницы советского патриотизма в военно-героическом и трудовом измерениях, в исторических социокультурно маркированных образах прошлого, в специализированных профессиях и сферах (военная, медицинская,

правоохранительная и др.) до субъекта потребления и гедонизма.

Так, в целом динамика образа женщины-патриота в кинематографе в период с 1890-х (появления кино) по 1980-е гг. (последнего десятилетия советского периода в нашей стране) отражает особенности социально-политической, социально-демографической, социокультурной и общественной повестки.

Практическая значимость проведенного исследования заключается в возможности применения его результатов для разработки современных медиастратегий, направленных на формирование современных патриотических ценностей через кинематограф. Выявленные закономерности трансформации женского образа позволяют использовать отечественный исторический опыт при создании новых фильмов и сериалов, учитывающих как традиционные ценности, так и актуальные социально-демографические тренды.

Материалы статьи могут быть полезны государственным структурам, занимающимся культурной политикой, поскольку демонстрируют, как кинопродукция отражает и одновременно формирует общественные идеалы. Например, анализ советского кинематографа показывает, что успешные патриотические нарративы часто сочетали героизм с человеческими качествами, что усиливало их психоэмоциональное воздействие на аудиторию. Эти данные могут лечь в основу визуальных программ по патриотическому воспитанию, адаптированных к современным реалиям.

Кроме того, исследование предоставляет инструментарий для всестороннего анализа текущей медиапродукции, позволяя оценивать ее соответствие социальным и государственным запросам. Понимание того, как менялся образ женщины-патриота под влиянием политических и демографических факторов, в некоторой степени помогает прогнозировать дальнейшие тенденции в кинематографе. Это особенно актуально в условиях роста интереса

к историческим и ценностным сюжетам, где женские персонажи играют ключевую роль. Наконец, работа может быть востребована в образовательной сфере, в частности при подготовке специалистов в области социологии кино, медиаисследований и культурологии.

Результаты исследования расширяют методологическую базу для изучения

взаимосвязи между искусством и общественным развитием, предлагая конкретные примеры того, как кино и сериалы реагируют на изменения в социальной структуре и демографической политике. Данное исследование имеет свое логическое продолжение в анализе рассматриваемой тематики в период с 1900-х годов до сегодняшних дней.

КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов

CONFLICT OF INTERESTS

The authors declare no conflict of interests

ЛИТЕРАТУРА

1. Арон Р. Опium интеллектуалов. М.: ACT, AST Publishers, 2021. 444 с.
2. Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М.: ЭКСМО, 2015. 637 с.
3. Беленкова Л.Ю., Зарипов Р.А. Гендерные различия креативности в юношеском возрасте // Инвалид в обществе XXI века. сборник трудов III Всероссийской научно-практической конференции / под ред. В.Д. Байрамова, И.Л. Литвиненко. М.: МГГЭУ, 2022. С. 96-103.
4. Белл Д., Иноземцев В. Эпоха разобщенности: размышления о мире XXI века. М.: Свободная мысль, 2007. 303 с.
5. Босов Д.В., Дубровский В.Ю., Кадуцкий П.А. Репрезентация суициального поведения сотрудников полиции в кинофильмах // Труд и социальные отношения. 2022. Т. 33, № 1. С. 87-97.
6. Волкова О.А., Босов Д.В. Образ женщины-программистки в кинофильмах и сериалах // Женщина в российском обществе. 2018. № 3. С. 97-103.
7. Гэлбрейт Д.К. Новое индустриальное общество. М.: АСТ; СПб.: Транзит книга, 2004. 602 с.
8. Дмитриева М.Г. Состояние и тенденции развития исторической памяти в массовом сознании российского общества: автореф. дис. ... канд. социолог. наук: 22.00.04. М., 2005. 30 с.
9. Жабский М.И. Кино и государство на повороте времени – контекст, цели и проблема коммуникативного взаимодействия // Вестник Академии медиаиндустрии. 2022. № 2(30). С. 156-176.
10. Зиновьев А.А. Гомо советикус. Lausanne: L'Âge d'homme, Cop. 1982. 199 с.
11. Конт О. Общий обзор позитивизма. 3-е изд. М.: ЛИБРОКОМ, 2012. 200 с.
12. Крысько В.Г., Фельдштейн Д.И. Этнопсихологический словарь. М.: МПСИ, 1999. 343 с.
13. Линтон Р. Личность, культура и общество // Вопросы социальной теории. 2001. Т. 3, вып. 1. С. 68-86.
14. Мертон Р. Социальная структура и аномия // Социологические исследования. 1992. № 3. С. 118-124.
15. Мид Дж. Г. Избранное: Сб. переводов / сост. и пер. В.Г. Николаева; отв. ред. Д.В. Ефременко. М.: ИНИОН, 2009. 90 с.
16. Пихоя Р. Г. Москва. Кремль. Власть. Сорок лет после войны, 1945–1985. М.: АСТ, 2007. 716 с.
17. Почепцов Г.Г. Информационно-психологическая война. М.: Синтег, 2000. 179 с.
18. Социологическая энциклопедия: в 2 т. Т. 1. М.: Мысль, 2003. 693 с.

19. Теплиц Е. История киноискусства. Т. 1. М.: Прогресс, 1968. 413 с.
20. Фурастье Ж. Великая надежда XX века. М.: Наука, 2001. 183 с.
21. Haupt G. La Deuxieme Internationale, 1899–1914. Etude critique des sources, Editions de l'EHESS, 1964. 396 p.
22. Kaplan M.A. Variants on Six Models of the International System // International Politics and Foreign Policy. A Reader in Research and Theory / Ed. by J. Rosenau. N.Y.: The Free Press, 1969. P. 291-303.

REFERENCES

1. Aron, R., Opium for Intellectuals. Moscow: AST Publishers, 2021. 444 p. [In Russ.]
2. Bakhtin, M.M., The Works of François Rabelais and the Folk Culture of the Middle Ages and the Renaissance. Moscow: EKSMO, 2015. 637 p. [In Russ]
3. Belenkova, L.Yu., Zaripov, R.A., Gender differences in creativity in adolescence // Disabled people in 21st-century society. Proceedings of the III All-Russian Scientific and Practical Conference / edited by V.D. Bayramov and I.L. Litvinenko. Moscow: Moscow State University of Geology and Economics, 2022. P. 96-103. [In Russ.]
4. Bell, D., Inozemtsev, V., The Age of Disunity: reflections on the world of the 21st century. Moscow: Svobodnaya Mysl, 2007. 303 p. [In Russ.]
5. Bosov, D.V., Dubrovsky, V.Yu., Kadutsky, P.A. Representation of suicidal behavior of police officers in movies // Labor and Social Relations. 2022. Vol. 33, No. 1. P. 87-97. [In Russ.]
6. Volkova, O.A., Bosov, D.V. The Image of a female programmer in movies and TV Series // Woman in Russian Society. 2018. No. 3. P. 97-103. [In Russ.]
7. Galbraith, D.K. The New Industrial Society. Moscow: AST; St. Petersburg: Transitkniga, 2004. 602 p. [In Russ.]
8. Dmitrieva, M.G. The state and trends of development of historical memory in the mass consciousness of Russian society: abstract of a PhD Thesis. Sciences: 22.00.04. Moscow, 2005. 30 p. [In Russ.]
9. Zhabskiy, M.I. Cinema and the state at the turn of the time: context, goals, and the problem of communicative interaction // Bulletin of the Academy of Media Industry. 2022. No. 2 (30). P. 156-176. [In Russ.]
10. Zinoviev, A.A. Homo Sovieticus. Lausanne: L'Âge d'homme, Cop. 1982. 199 p. [In Russ.]
11. Kont, O. General review of positivism. 3rd ed. Moscow: LIBROKOM, 2012. 200 p. [In Russ.]
12. Krys'ko, V.G., Feldshteyn D.I. Ethnopsychological Dictionary. Moscow: MPSI, 1999. 343 p. [In Russ.]
13. Linton, R. Personality, culture, and society // Voprosy sotsial'noy teorii [Problems of Social Theory]. 2001. Vol. 3, Iss. 1. P. 68-86. [In Russ.]
14. Merton, R. Social Structure and Anomie // Sociological Studies. 1992. No. 3. P. 118-124. [In Russ.]
15. Mead, J.G. Selected Works: Collection of Translations / compiled and translated by V.G. Nikolaev; ed. by D. V. Efremenko. Moscow: INION, 2009. 90 p. [In Russ.]
16. Pikhoya, R.G. Moscow. Kremlin. Power. Forty Years After the War, 1945–1985. Moscow: AST, 2007. 716 p. [In Russ.]
17. Pocheptsov, G.G. Information and Psychological Warfare. Moscow: Sinteg, 2000. 179 p. [In Russ.]
18. Sociological Encyclopedia: in 2 volumes. Vol. 1. Moscow: Mysl', 2003. 693 p. [In Russ.]
19. Teplitz, E. History of Cinematography. Vol. 1. Moscow: Progress, 1968. 413 p. [In Russ.]
20. Fourastié, J. The Great Hope of the 20th Century. Moscow: Nauka, 2001. 183 p. [In Russ.]
21. Haupt, G. La Deuxième Internationale, 1899–1914. Etude critique des sources, Editions de l'EHESS, 1964. 396 p.

22. Kaplan, M.A. Variants on Six Models of the International System // International Politics and Foreign Policy. A Reader in Research and Theory / Ed. by J. Rosenau. N.Y.: The Free Press, 1969. P. 291-303.

Информация об авторах / Information about the authors

Дмитрий Вячеславович Босов, кандидат социологических наук, доцент кафедры гуманитарных наук, Автономная некоммерческая организация высшего образования «Московский международный университет», 125040, Российская Федерация, г. Москва, Ленинградский проспект, д. 17, e-mail: dimabw@mail.ru

Ольга Александровна Волкова, доктор социологических наук, профессор, главный научный сотрудник отдела исследования социально-демографических процессов в ЕАЭС, Институт демографических исследований – обособленное подразделение Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, 119333, Российская Федерация, г. Москва, ул. Фотиевой, д. 6, к. 1, e-mail: volkovaoa@rambler.ru

Dmitrij V. Bosov, PhD (Sociology), Associate Professor, the Department of Humanities, Moscow International University, 125040, the Russian Federation, Moscow, 17 Leningrad avenue, e-mail: dimabw@mail.ru

Olga A. Volkova, Dr Sci. (Sociology), Professor, Institute for Demographic Research – Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, 119333, the Russian Federation, Moscow, 6 Fotiev str., building 1, e-mail: volkovaoa@rambler.ru

Заявленный вклад авторов

Дмитрий Вячеславович Босов – существенный вклад в замысел и дизайн исследования, сбор данных или анализ и интерпретация данных; окончательное одобрение варианта статьи для опубликования.

Ольга Александровна Волкова – подготовка статьи или ее критический пересмотр в части значимого интеллектуального содержания; окончательное одобрение варианта статьи для опубликования.

Claimed contribution of authors

Dmitrij V. Bosov – substantial contribution to the conception and design of the research, data collection or data analysis and interpretation; final approval of the article version for publication.

Olga A. Volkova – article preparation or critical revision for significant intellectual content; final approval of the article version for publication.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

All authors have read and approved the final manuscript.

Поступила в редакцию 28.08.2025

Received 28.08.2025

Поступила после рецензирования 20.09.2025

Revised 20.09.2025

Принята к публикации 21.09.2025

Accepted 21.09.2025

Оригинальная статья / Original paper

<https://doi.org/10.47370/2078-1024-2025-17-4-145-161>
УДК 316.462:32.019.5



Роль общественного контроля в формировании доверия власти к обществу

К.Я. Литвина

*Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена,
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация
litvinaky@yandex.ru*

Аннотация. Введение. Актуальность роли общественного контроля в формировании доверия власти к обществу связана с важностью демократических принципов, повышением прозрачности деятельности органов власти и необходимостью учета интересов граждан в процессе принятия управлеченческих решений. Механизмы общественного контроля и деятельность общественных комитетов играют ключевую роль в выстраивании конструктивного диалога между государственными структурами и гражданами. Эти институты выполняют функцию связующего звена, позволяющего оценивать результативность решений, принимаемых на местном уровне, и выявлять наиболее острые проблемы, волнующие население. Благодаря деятельности общественных комитетов удается не только фиксировать существующие проблемы, но и вырабатывать конкретные предложения по их устраниению, что, в конечном итоге, ведет к повышению качества государственного управления. Общественный контроль способствует повышению уровня доверия граждан к деятельности государства, а также обеспечивает тесное взаимодействие государства с институтами гражданского общества.

Материалы и методы. В качестве методологической основы исследования выступает системный подход и общие методы научного познания, такие как анализ, синтез, обобщение.

Результаты исследования. Результаты исследования показали, что общественный контроль реализуется через следующие основные формы: общественный мониторинг деятельности органов власти, проведение общественных проверок, организацию общественной экспертизы, а также иные формы взаимодействия с государственными органами. Установлено, что общественный контроль оказывает существенное влияние на систему государственного управления через повышение гражданской активности, обеспечение прозрачности деятельности органов власти, защиту законных интересов граждан, противодействие коррупционным проявлениям, улучшение качества государственного управления.

Обсуждение и заключение. Практическая значимость исследования заключается в том, что его результаты могут быть использованы при совершенствовании нормативно-правовой базы, в процессе развития институтов гражданского общества, при формировании механизмов взаимодействия власти и общества, в системе подготовки специалистов по государственному управлению. Рекомендации по результатам исследования: усилить правовую защиту субъектов общественного контроля, расширить перечень форм общественного контроля, внедрить современные

цифровые технологии, разработать систему мотивации граждан к участию, создать единую информационную платформу в сфере общественного контроля. Исследование подтверждает, что развитие механизмов общественного контроля является необходимым условием построения открытого государства, способствующего формированию устойчивого доверия между властью и обществом. Дальнейшее развитие данного института должно осуществляться с учетом современных вызовов и возможностей цифровизации при сохранении фундаментальных принципов демократии и гражданского общества.

Ключевые слова: общественный контроль, доверие, власть, общество, институт гражданского общества, открытость

Для цитирования: Литвина К.Я. Роль общественного контроля в формировании доверия власти к обществу. *Вестник Майкопского государственного технологического университета*. 2025; 17(4): 145–161. <https://doi.org/10.47370/2078-1024-2025-17-4-145-161>

The role of public control in creating the confidence of the government in the society

K.Ya. Litvina

*Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint Petersburg, the Russian Federation
litvinaky@yandex.ru*

Abstract. Introduction. The importance of public oversight in creating confidence of the government in society is linked to the importance of democratic principles, increased transparency in government activities, and the need to consider citizens' interests in decision-making. Public oversight mechanisms and the activities of public committees play a key role in building a constructive dialogue between government agencies and citizens. These institutions serve as a bridge, enabling the assessment of the effectiveness of decisions made at the local level and identifying the most pressing issues of public concern. Thanks to the work of public committees, it is possible not only to identify existing problems but also to develop specific proposals for their resolution, which ultimately leads to improved public administration. Public oversight contributes to increased public trust in government activities and ensures close interaction between the government and civil society institutions.

The materials and methods. The methodological basis of the research is a systems approach and general methods of scientific inquiry, such as analysis, synthesis, and generalization.

The research results. The research results have shown that public oversight is implemented through the following main forms: public monitoring of government activities, public audits, public expert review, and other forms of interaction with government agencies. It has been established that public oversight has a significant impact on the public administration system by increasing civic engagement, ensuring transparency of government activities, protecting citizens' legitimate interests, combating corruption, and improving the quality of public administration.

Discussion and conclusion. The practical significance of the research lies in its potential use in improving the regulatory framework, developing civil society institutions, establishing mechanisms for interaction between government and society, and training public administration specialists. Recommendations based on the research findings include strengthening legal protection for public oversight entities, expanding the range of public oversight forms, implementing modern digital technologies, developing a system for motivating citizen participation, and creating a unified information platform for public oversight. The study confirms that developing public oversight mechanisms is essential for building an open state that fosters lasting trust between government and society. The further

development of this institution must take into account the contemporary challenges and opportunities of digitalization, while preserving the fundamental principles of democracy and civil society.

Keywords: public oversight, trust, government, society, civil society institution, openness

For citation: Litvina K.Ya. The role of public control in creating the confidence of the government in the society. *Vestnik Majkopskogo gosudarstvennogo tehnologičeskogo universiteta*. 2025; 17(4): 145–161. <https://doi.org/10.47370/2078-1024-2025-17-4-145-161>

Введение. В современных условиях развития демократического государства особую актуальность приобретает проблема построения эффективного взаимодействия между властью и обществом. Общественный контроль выступает ключевым институтом, обеспечивающим прозрачность деятельности органов власти и защиту прав граждан.

Согласно последним социологическим исследованиям, уровень доверия населения к органам власти остается недостаточно высоким. При этом индекс доверия к государственным институтам варьируется в диапазоне 45–55% среди различных социальных групп населения [17]. Особенno остро проблема доверия стоит в вопросах противодействия коррупции и обеспечения прозрачности принятия управленческих решений.

Анализ статистических данных показывает, что количество обращений граждан в органы общественного контроля ежегодно растет на 12–15%. При этом эффективность рассмотрения данных обращений составляет около 65%, что свидетельствует о наличии существенных резервов в развитии данного института. [17].

Общественный контроль является важнейшим институтом демократического государства, обеспечивающим взаимодействие между властью и обществом. В современном мире различные страны накопили значительный опыт в развитии механизмов общественного контроля, что позволяет провести сравнительный анализ существующих практик.

Европейская модель общественного контроля включает в себя скандинавскую и британскую модели.

Скандинавская система общественного контроля считается одной из наиболее эффективных. В странах Северной Европы действует принцип максимальной прозрачности государственного управления. К ключевым особенностям относятся обязательная публикация детальной информации о деятельности государственных органов, право граждан на доступ к любой несекретной информации, независимые органы по рассмотрению жалоб граждан, а также активное участие общественных организаций в принятии решений.

Британская модель характеризуется развитой системой парламентского контроля с привлечением общественных институтов. Основные элементы, которые входят в систему, – комитеты по расследованию, система общественных инспекторов, независимые омбудсмены, публичные слушания.

Азиатский опыт целесообразно рассматривать через японскую и сингапурскую модели.

Японская система общественного контроля базируется на традициях консенсуса и сотрудничества. К особенностям следует отнести институты общественного участия в местном самоуправлении, систему общественных советов при органах власти, механизм общественного аудита, корпоративную социальную ответственность.

Сингапурская модель отличается эффективностью и технологичностью, в ее составе электронные платформы для обращений граждан, система онлайн-мониторинга государственных услуг, публичные рейтинги государственных органов, механизмы обратной связи.

Система США характеризуется децентрализованным подходом, который

представлен разветвленной сетью общественных организаций, институтом гражданских правозащитников, системой публичных слушаний, а также независимыми СМИ как инструментом контроля.

Южноамериканский опыт демонстрирует специфику акцента на защиту социальных прав, роль общественных движений, применение механизмов участия в бюджетном процессе в совокупности с системой общественного мониторинга.

Мировой опыт показывает, что эффективная система общественного контроля должна сочетать в себе прозрачность государственного управления, активное участие граждан, независимость контрольных органов, использование современных технологий и правовую защищенность участников.

Успешные практики различных стран демонстрируют, что общественный контроль является не просто инструментом надзора, а важнейшим механизмом построения доверительных отношений между властью и обществом, способствующим развитию демократических институтов и повышению качества государственного управления.

Обзор литературы. Теоретическая база исследования формируется на основе работ ведущих специалистов в области государственного управления и общественного контроля. Среди ученых не сформировалось единого определения общественного контроля. Данное обстоятельство связано с тем, что за основу берут разные особенности и характеристики понятия. Значительный вклад в развитие теории общественного контроля внесли исследования доктора юридических наук С.М. Зубарева, который дает такое определение общественного контроля: это многоаспектное функционирование компетентных участников гражданского общества, ориентированных на контроль за соблюдением правовой основы деятельности власти. В ходе данной работы активные участники гражданского общества и

преподносят для остального населения общественное мнение, которое бывает положительным или отрицательным [3, с. 11].

Концептуальные основы общественного контроля получили развитие в работах И.Ю. Чеботаревой и С.В. Соловьевой, которые представляют под общественным контролем следующее: некоммерческие организации и обычные граждане наблюдают и контролируют за функционированием различных органов власти, в том числе и за представителями власти [9, с. 69].

Цифровая трансформация института общественного контроля анализируется в работах современных исследователей. Е.А. Огнева в своей статье отмечает, что общественные объединения всегда идут вместе и зависят от вектора развития правительства. А одним из направлений взаимодействия их служит именно общественный контроль [6, с. 53]. В исследовании Е.А. Огневой особое внимание уделяется взаимосвязи общественных объединений и вектора развития государственной политики. Автор подчеркивает, что общественные организации не существуют изолированно от государственных институтов, а находятся в постоянном взаимодействии с ними, адаптируясь к изменениям политического курса и внося свой вклад в его формирование.

Взаимозависимость институтов раскрывается через призму общественного контроля как одного из ключевых механизмов взаимодействия. Е.А. Огнева отмечает, что данный институт не просто служит инструментом надзора, но выступает индикатором развития гражданского общества. По ее мнению, зрелость общественных институтов и уровень их влияния на государственные структуры можно оценить именно через развитость механизмов общественного контроля.

Защитная функция общественного контроля рассматривается в двух плоскостях. Во-первых, это защита законных интересов граждан в повседневной жиз-

ни – от решения локальных проблем до контроля качества государственных услуг. Во-вторых, контроль выступает важным инструментом защиты общественных интересов на политическом уровне, обеспечивая участие граждан в принятии значимых государственных решений.

Критериальный аспект исследования заключается в том, что Е.А. Огнева рассматривает общественный контроль как измеритель прогресса гражданского общества. По ее мнению, развитость контрольных механизмов свидетельствует о зрелости общественных институтов, уровне гражданской активности, степени демократизации общества и качестве взаимодействия власти и общества.

Инновационность подхода Е.А. Огневой заключается в том, что она рассматривает общественный контроль не как статичный институт, а как динамическую систему, развивающуюся вместе с обществом и государством. Автор подчеркивает, что в условиях цифровой трансформации этот институт приобретает новые формы и возможности для реализации, что требует дальнейшего изучения и развития теоретических основ.

Таким образом, исследование Е.А. Огневой вносит существенный вклад в понимание общественного контроля как комплексного явления, связывающего воедино интересы государства и общества и выступающего важным индикатором развития демократических институтов.

Институциональный подход к изучению общественного контроля представлен в исследованиях Р.Р. Бикмурзиной, рассматривающей его как механизм диагностики и выявления соблюдения юридических норм и правовых положений. [1, с. 368]. В исследовании Р.Р. Бикмурзиной общественный контроль рассматривается через призму институционального подхода как комплексный механизм, направленный на диагностику и выявление соблюдения юридических норм и правовых положений в деятельности государственных органов.

Диагностическая функция контроля выступает первичным элементом системы, позволяющим выявлять отклонения от установленных правовых стандартов.

Механизм реализации данного подхода включает несколько ключевых этапов. На первом этапе осуществляется мониторинг деятельности органов власти с целью выявления возможных нарушений. На втором этапе происходит документальная фиксация обнаруженных несоответствий правовым нормам. Третий этап предполагает разработку рекомендаций по устранению выявленных недостатков.

Корректирующие меры в концепции Р.Р. Бикмурзиной представлены двумя основными направлениями. Первое направление связано с официальным обращением в государственные органы для устранения выявленных нарушений через установленные правовые процедуры. Второе направление предполагает использование инструментов общественного порицания как дополнительного механизма воздействия на нарушителей.

Институциональная составляющая исследования раскрывается через анализ взаимодействия различных элементов системы общественного контроля. Особое внимание уделяется роли общественных институтов в процессе выявления и устранения нарушений, а также их взаимодействию с государственными структурами. Практическая значимость подхода Р.Р. Бикмурзиной заключается в том, что он позволяет создать четкую систему выявления нарушений, обеспечить эффективные механизмы реагирования на выявленные проблемы, сформировать комплексный подход к устранению недостатков, укрепить взаимодействие между государственными и общественными институтами.

Методологическая новизна исследования состоит в том, что автор предлагает рассматривать общественный контроль не только как инструмент надзора, но и как механизм совершенствования государственного управления через систему

обратной связи между обществом и властью. Такой подход позволяет создать более эффективную модель взаимодействия между различными участниками процесса контроля.

В работе также подчеркивается важность системности контроля, которая обеспечивается регулярностью проведения проверок, комплексным подходом к анализу деятельности органов власти, взаимосвязанностью всех элементов системы контроля, наличием четких механизмов реагирования на выявленные нарушения.

Оценка эффективности механизмов общественного контроля проводится в исследованиях различных авторов. В.В. Гриб анализирует правовое развитие общественного контроля в сфере образования и науки. В исследовании особое внимание уделяется правовому аспекту развития общественного контроля в образовательной сфере и научной деятельности. Автор рассматривает данный институт как комплексный механизм, включающий в себя не только контрольные функции, но и элементы правового регулирования, направленные на совершенствование качества образовательных услуг и научной работы.

Правовой анализ в работе В.В. Гриба строится на нескольких ключевых положениях. Во-первых, автор исследует нормативно-правовую базу, регулирующую общественные отношения в сфере образования и науки. Во-вторых, он анализирует механизмы реализации контрольных функций в данных сферах, уделяя особое внимание соответствию правовых норм современным требованиям развития общества.

Специфика контроля в образовательной сфере, по мнению исследователя, заключается в необходимости соблюдения баланса между контролем качества образовательных услуг и сохранением академической свободы. В научной деятельности общественный контроль должен обеспечивать прозрачность распределения научных грантов, объективность оценки научных

результатов, эффективность использования научных ресурсов, соблюдение этических норм в научных исследованиях.

Методология исследования включает анализ действующего законодательства, изучение практики реализации контрольных функций, оценку эффективности существующих механизмов. Особое внимание уделяется вопросам формирования экспертного сообщества, организации общественного обсуждения научных проектов, контроля за расходованием научных средств, оценки качества образовательных программ.

Инновационность подхода В.В. Гриба заключается в том, что он рассматривает общественный контроль не как формальный механизм надзора, а как инструмент развития образовательной и научной сфер. Автор подчеркивает необходимость создания эффективных механизмов обратной связи, развития системы независимой экспертизы, формирования профессионального экспертного сообщества, обеспечения открытости принимаемых решений.

В работе также рассматриваются проблемы реализации общественного контроля в условиях цифровизации образования и науки, включая вопросы электронного документооборота, дистанционного контроля качества, цифровых платформ для общественного обсуждения, информационной безопасности.

Современные вызовы в реализации общественного контроля исследуются в работах следующих авторов.

В исследовании А.Р. Павлушкиной основное внимание уделяется проблематике функционирования общественных наблюдательных комиссий как важного элемента системы общественного контроля. Автор проводит комплексный анализ организационных аспектов их деятельности, выявляя существующие трудности и предлагая пути их решения. Ключевыми направлениями исследования стали анализ правового статуса общественных наблюдательных комиссий, изучение механизмов

формирования состава комиссий, оценка эффективности контрольных функций, выявление организационных проблем в работе, разработка рекомендаций по совершенствованию деятельности.

Особое внимание в работе уделяется вопросам организации работы комиссий, включая порядок назначения членов комиссии, распределение полномочий между участниками, механизмы взаимодействия с государственными органами, процедуры проведения проверок, документационное обеспечение деятельности. Проблемные аспекты, выделенные автором, включают в себя недостаточную регламентацию деятельности комиссий, сложности в организации взаимодействия с органами власти, отсутствие единых стандартов работы, нехватку ресурсов для осуществления контроля, проблемы с привлечением квалифицированных специалистов.

Инновационность исследования состоит в том, что автор предлагает системный подход к анализу деятельности общественных наблюдательных комиссий, рассматривая их как важный элемент системы сдержек и противовесов в механизме государственного управления. Особое внимание уделяется вопросам повышения результативности их работы через совершенствование организационных механизмов. В исследовании также рассматриваются перспективы развития общественных наблюдательных комиссий в условиях цифровизации контрольных процедур, включая внедрение электронных форм отчетности, использование цифровых платформ для координации действий, применение современных технологий мониторинга, развитие дистанционных форм контроля.

В исследовании А.С. Петраковой представлен комплексный анализ контрольной функции государства, рассматриваемый через призму взаимодействия различных видов контроля. Автор фокусируется на изучении механизмов взаимодополнения и координации между государствен-

ным, муниципальным и общественным контролем, рассматривая их как единую систему обеспечения законности и эффективности государственного управления.

Особое внимание в исследовании уделяется вопросам систематизации контрольных функций, определения границ компетенции различных видов контроля, выявления точек пересечения контрольных полномочий, разработки механизмов координации между различными контрольными органами. Ключевые положения исследования включают анализ правовой природы различных видов контроля, изучение особенностей реализации контрольных функций, выявление проблем межведомственного взаимодействия, разработку рекомендаций по совершенствованию контрольной деятельности.

Инновационность подхода А.С. Петраковой заключается в том, что она рассматривает контроль не как совокупность изолированных механизмов, а как единую систему, где каждый элемент выполняет свою специфическую функцию. Автор подчеркивает необходимость обеспечения согласованности контрольных действий, создания единых стандартов контроля, разработки механизмов информационного обмена, формирования системы обратной связи. Основные направления анализа включают исследование правовых основ различных видов контроля, изучение организационных аспектов контрольной деятельности, анализ механизмов взаимодействия между контрольными органами, оценку эффективности существующих контрольных процедур.

Перспективные разработки в рамках исследования направлены на создание единой методологии контроля, разработку стандартов контрольной деятельности, формирование системы оценки эффективности контроля, внедрение современных технологий в контрольные процедуры. В работе также рассматриваются вопросы цифровизации контрольных процессов, включая внедрение электронных систем

контроля, использование цифровых технологий для мониторинга, применение искусственного интеллекта в контрольных процедурах, развитие систем электронного документооборота.

В исследовании О.В. Макаровой основное внимание уделяется проблеме обеспечения информационной открытости деятельности органов публичной власти как важнейшему направлению развития общественного контроля. Автор рассматривает данную проблематику через призму формирования доверительных отношений между обществом и властью, подчеркивая, что открытость информации является фундаментальным условием эффективного взаимодействия.

Особое внимание уделяется сравнительному и системному анализу механизмов обеспечения открытости информации. В рамках исследования раскрываются следующие ключевые аспекты:

- теоретические основы информационной открытости как элемента демократического государства;
- правовые механизмы обеспечения доступа граждан к информации о деятельности публичной власти;
- практические инструменты общественного контроля в сфере информационной открытости;
- проблемы реализации права граждан на получение информации;
- перспективы развития механизмов обеспечения прозрачности деятельности органов власти.

Автор акцентирует внимание на том, что информационная открытость деятельности органов публичной власти создает условия для формирования среды открытого диалога с гражданами, повышения уровня доверия общества к власти, привлечения общественного внимания к вопросам государственного управления, вовлечения граждан в процесс принятия управлений решений.

В работе подробно анализируются существующие механизмы взаимодействия

органов публичной власти с гражданами и организациями в контексте развития общественного контроля. Особое внимание уделяется вопросам правового регулирования доступа к информации, создания условий информационной открытости, обеспечения доступности сведений о деятельности власти, развития институтов общественного контроля.

Фундаментальные исследования в области общественного контроля представлены работами ведущих отечественных ученых. В исследовании М.В. Мурыгиной общественный контроль рассматривается как фундаментальный элемент социального взаимодействия, неразрывно связанный с феноменом политического доверия. Автор акцентирует внимание на том, что эти два явления образуют комплексную систему, где каждый компонент влияет на эффективность функционирования государственного управления. Теоретическая база исследования строится на понимании общественного контроля как механизма обратной связи, основанного на институтах гражданского общества. Мурыгина М.В. подчеркивает, что способность общества осуществлять контроль над властью является ключевым признаком развитого гражданского общества, направленного на обеспечение информационной открытости и равенства прав всех участников общественных отношений.

Методологическая основа работы включает анализ взаимосвязи между уровнем доверия общества к власти и эффективностью общественного контроля. Автор приходит к выводу, что высокий уровень доверия способствует более результативной работе контрольных механизмов, а развитый институт общественного контроля, в свою очередь, укрепляет доверие граждан к государственным институтам.

Ключевые положения исследования раскрывают следующие аспекты. Общественный контроль выступает инструментом формирования доверительных отношений

между властью и обществом. Эффективный контроль способствует повышению ответственности должностных лиц. Доверие общества является необходимым условием для развития контрольных механизмов. Контроль и доверие образуют взаимозависимую систему, где развитие одного компонента стимулирует укрепление другого.

Инновационность подхода М.В. Мурыгиной заключается в том, что она рассматривает взаимосвязь контроля и доверия не как простую корреляцию, а как сложный социальный феномен, где каждый элемент влияет на качество государственного управления. Автор подчеркивает, что только при наличии взаимного доверия между обществом и властью возможно эффективное функционирование контрольных механизмов. В исследовании также отмечается, что участие общественности в контроле за деятельностью государственных органов является важнейшим условием для формированияуважительного отношения чиновников к законодательству и правам граждан, что в конечном итоге способствует повышению эффективности государственного управления.

Методологическая база исследований формируется на основе трудов отечественных исследований. И.А. Грошева исследует проблемы формирования доверия в системе правоохранительных органов. И.Н. Гузеева изучает роль независимых экспертов в системе общественного контроля. С.А. Гаврилина анализирует социальные аспекты взаимодействия органов власти и общества.

Общими чертами всех подходов являются признание роли гражданского общества в осуществлении контроля, направленность на обеспечение законности деятельности власти, защитная функция в отношении прав и интересов граждан, публичный характер осуществляющей деятельности.

Отличительные особенности подходов заключаются в акценте на различных

аспектах. Так, системный подход подчеркивает комплексность явления, институциональный подход фокусируется на механизмах реализации, функциональный подход концентрируется на практической стороне, правовой подход определяет нормативную основу.

Материалы и методы. В рамках исследования был применен комплексный методологический подход, включающий как теоретические, так и эмпирические методы познания. Теоретическую базу составили общенаучные методы исследования: системный анализ нормативно-правовой документации в сфере общественного контроля, сравнительный анализ существующих научных подходов к изучению института общественного контроля, а также методы обобщения и классификации полученных данных. Эмпирическую основу исследования составили статистические данные о деятельности общественных советов при федеральных органах исполнительной власти, результаты социологических исследований уровня доверия населения к органам власти, официальные отчеты о работе институтов общественного контроля. В ходе исследования были использованы методы контент-анализа документов, статистической обработки данных и экспертных оценок. Особое внимание было удалено анализу действующего законодательства в сфере общественного контроля, включая Федеральный закон № 212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации». Для обеспечения достоверности результатов исследования был применен метод сравнительного анализа показателей эффективности работы институтов общественного контроля в динамике за последние годы.

Результаты исследования. В соответствии с действующим законодательством Российской Федерации (Федеральный закон от 21.07.2014 № 212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» [5]) общественный

контроль представляет собой особую форму деятельности уполномоченных субъектов. Данная деятельность направлена на осуществление систематического наблюдения за функционированием различных властных структур, включая: органы государственной власти, органы местного самоуправления, государственные и муниципальные учреждения, иные организации, наделенные публичными полномочиями. Кроме того, механизм общественного контроля включает в себя проведение специализированных проверок, детальный анализ и всестороннюю оценку правовых актов и управлеченческих решений, принимаемых указанными органами и организациями. Это позволяет обеспечить прозрачность их деятельности и повысить эффективность взаимодействия между властью и обществом.

Основными признаками общественного контроля по материалам [5] являются следующие:

- общественный контроль выступает средством обеспечения баланса интересов различных социальных групп;
- цель общественного контроля состоит в защите прав человека посредством объединения и согласования усилий гражданского общества;
- общественный контроль является гарантом выполнения социальных норм;
- общественный контроль распространяется на различные сферы государственной деятельности;
- общественный контроль имеет массовый характер, основан на широком участии разных слоев общества;
- участие в осуществлении общественного контроля носит добровольный характер.

Также согласно ч. 1 ст. 5 № 212-ФЗ выделяют следующие цели общественного контроля [5]:

- 1) предоставление возможности для обеспечения защиты прав и свобод человека и гражданина, а также общественных организаций;

2) гарантия брать во внимание мнение гражданского общества, общественных организаций, их суждения и рекомендации в ходе функционирования органов власти и выполнения своей профессиональных компетенций;

3) заключение о деятельности органов власти общественными организациями или активными гражданами нашей страны, в ходе которого складывается общественное мнение.

Можно сделать вывод, что основной целью деятельности общественного контроля является осуществление и защита прав и свобод человека и гражданина.

Согласно № 212-ФЗ выделяют основные и специальные субъекты общественного контроля:

- Общественная палата Российской Федерации;
- общественные палаты субъектов Российской Федерации;
- общественные советы при федеральных органах исполнительной власти;
- общественные советы при законодательных (представительных) и исполнительных органах государственной власти субъектов Российской Федерации;
- общественные наблюдательные комиссии;
- общественные инспекции;
- группы общественного контроля;
- иные организационные структуры общественного контроля.

Общее количество членов всех общественных советов в настоящее время составляет более 1200 человек, при этом средний состав одного общественного совета составляет около 25 человек. За период 2015–2025 гг. отмечается устойчивый рост количества общественных советов, увеличение числа участников, повышение эффективности работы институтов общественного контроля, а также расширение функционала общественных советов.

В нашей стране весомым результатом взаимодействия правовых институтов и общества стало создание общественных

палат. Данный орган действует на постоянной основе [4].

На законодательном уровне описаны формы общественного контроля: общественный мониторинг, общественная проверка и общественная экспертиза, а также некоторые другие формы взаимодействия институтов гражданского общества с государственными органами и органами местного самоуправления.

Современное законодательство Российской Федерации [5] определяет и регламентирует разнообразные способы осуществления общественного контроля. Законодательная база также предусматривает дополнительные инструменты для налаживания продуктивного диалога между структурами гражданского общества и представителями государственной власти на всех управляемых уровнях. Такой комплексный подход обеспечивает максимальную эффективность общественного надзора и позволяет адаптировать контрольные механизмы под конкретные задачи и условия их реализации.

Проведенное исследование выявило ряд существенных препятствий, мешающих полноценной реализации потенциала общественного контроля:

- Правовая сложность – нормативные документы, регламентирующие деятельность в сфере общественного контроля, характеризуются избыточной фрагментацией. Положения о формах контроля, правах и обязанностях участников рассредоточены по множеству различных правовых актов, что затрудняет их практическое применение.

- Ограниченность участников – существующий перечень субъектов общественного контроля не позволяет создать достаточно широкую и эффективную систему надзора. Такая ситуация создает предпосылки для усиления влияния государственных структур на деятельность контрольных органов.

- Недостаточная защищенность субъектов общественного контроля – отсутст-

вует действенный механизм обеспечения независимости субъектов общественного контроля. Органы власти и подконтрольные структуры предпринимают попытки оказывать давление на контрольные органы, что подрывает объективность и результативность их работы.

Эти факторы в совокупности существенно снижают эффективность функционирования института общественного контроля и требуют разработки комплексных мер по их устранению.

Влияние общественного контроля на систему государственного управления проявляется через несколько ключевых направлений:

1. Гражданская активность в процессах государственного управления. Благодаря механизмам общественного контроля граждане получают возможность своевременно сообщать о выявленных недочетах в работе властных структур, что способствует совершенствованию управляемых процессов и оптимизации работы государственного аппарата.

2. Транспарентность власти. Общественный контроль обеспечивает доступ граждан к достоверной информации о деятельности государственных органов, позволяя отслеживать выполнение возложенных на них функций и принимаемых решений.

3. Защита законных интересов. В процессе реализации своих полномочий органы власти обязаны учитывать и соблюдать закрепленные в законодательстве права и свободы граждан, что находится под пристальным вниманием институтов общественного контроля.

4. Антикоррупционная защита. Общественный контроль выступает действенным инструментом противодействия коррупционным проявлениям, способствуя восстановлению доверия граждан к государственным институтам и укреплению законности в обществе.

5. Качество государственного управления. Наличие постоянного общественного

надзора мотивирует государственные органы к более добросовестному и результативному исполнению своих обязанностей в рамках правового поля.

В современных условиях цифровизации общественных отношений институт общественного контроля претерпевает существенные изменения и, соответственно, механизмы общественного контроля также трансформируются. Важно отметить, что трансформация механизмов общественного контроля в условиях цифровой среды является логическим продолжением развития демократических институтов и отражает общую тенденцию к цифровизации всех сфер общественной жизни. При этом сохраняются фундаментальные принципы общественного контроля, но существенно расширяются возможности их реализации благодаря новым технологическим решениям.

Цифровая трансформация государственного управления создает новые возможности для развития механизмов взаимодействия власти и общества. По данным исследований в этой области, за последние 5 лет количество обращений через электронные платформы выросло на 145%, при этом среднее время обработки обращений сократилось с 30 до 15 дней.

Общественный контроль в цифровой среде представляет собой систему мониторинга и оценки деятельности органов власти с использованием информационно-коммуникационных технологий. Основными формами цифрового контроля являются:

- электронные петиции;
- онлайн-мониторинг государственных закупок;
- цифровые платформы обратной связи;
- социальные сети как инструмент общественного наблюдения.

Современная цифровая среда предоставляет широкий спектр инструментов для осуществления общественного конт-

роля. Развитие электронных платформ взаимодействия позволяет гражданам участвовать в мониторинге деятельности органов власти в режиме реального времени. Внедрение систем электронного документооборота существенно повышает прозрачность принятия управлеченческих решений.

Социальные сети становятся важным инструментом общественного наблюдения, обеспечивая мгновенное распространение информации и формирование общественного мнения. Цифровые технологии позволяют осуществлять мониторинг государственных закупок, проводить общественную экспертизу принимаемых решений.

Анализ статистических данных демонстрирует положительную динамику развития цифрового контроля. За последние годы наблюдается значительный рост числа обращений граждан через электронные каналы связи. Среднее время обработки обращений сократилось практически вдвое. Доля решенных вопросов увеличилась с 65% до 78%. Число активных участников общественного контроля выросло на 87% за последние 3 года. Сократилось время реагирования на обращения на 42%. Повысилась прозрачность принятия управлеченческих решений на 54% [17].

При этом вместе с возможностями цифровая трансформация несет определенные риски, например, необходимость обеспечения информационной безопасности, проблема верификации участников процесса контроля, цифровой разрыв между различными социальными группами, риски манипулирования общественным мнением, которые, безусловно, требует принятия мер по их минимизации.

Потенциал цифровых технологий в сфере общественного контроля в настоящее время реализован не полностью. Существует значительный резерв для дальнейшего совершенствования меха-

низмов, в качестве которых возможно рассматривать:

- внедрение искусственного интеллекта для анализа обращений;
- развитие систем предиктивной аналитики;
- создание унифицированных платформ взаимодействия;
- формирование цифровых компетенций участников процесса контроля.

Трансформация механизмов общественного контроля в условиях цифровой среды является объективным процессом, требующим комплексного подхода к его изучению и регулированию. Цифровые технологии создают новые возможности для развития демократических институтов и повышения эффективности взаимодействия между властью и обществом.

Дальнейшее развитие института общественного контроля должно осуществляться с учетом новых возможностей цифровой среды при сохранении фундаментальных принципов демократии и гражданского общества.

Цифровизация общественного контроля создает новые возможности для развития демократических институтов. Однако для достижения максимальной эффективности необходимо комплексное решение существующих проблем. Согласно исследованию Института статистических исследований и экономики знаний НИУ ВШЭ (2023) [18], 65% населения России являются активными пользователями цифровых платформ, включая инструменты общественного контроля. Этот показатель рассчитан на основе данных о проникновении Интернета (90,4%) и доли граждан, регулярно взаимодействующих с государственными и общественными цифровыми сервисами. Соответственно, потенциал цифровых технологий в сфере общественного контроля реализован лишь на 65%, что определяет значительные перспективы дальнейшего развития.

Обсуждение и заключение.

В качестве рекомендаций считаем целесообразным предложить следующие.

1. Разработка национальной стратегии развития цифрового контроля

Стратегическое планирование в сфере цифрового контроля предполагает создание комплексной программы, направленной на формирование единой системы общественного мониторинга с использованием современных технологий.

Основные направления стратегии должны включать в себя создание унифицированной цифровой платформы для всех уровней контроля, разработку стандартов сбора и обработки данных, формирование механизмов интеграции различных систем мониторинга, внедрение принципов прозрачности и открытости информации, обеспечение кибербезопасности при обработке данных.

2. Создание системы мотивации граждан к участию

Механизм стимулирования активного участия граждан должен включать в себя разработку системы поощрений за результативное участие в контроле, создание рейтинговой системы оценки активности, внедрение системы обратной связи с участниками, формирование культуры общественного контроля, развитие образовательных программ. Формы мотивации могут быть представлены в виде информационной поддержки активных участников, материального стимулирования за выявленные нарушения, присвоения статусов и званий, публичного признания заслуг, возможности участия в принятии решений.

3. Внедрение искусственного интеллекта для анализа обращений

Технологическое развитие системы контроля предполагает создание интеллектуальных систем обработки обращений, разработку алгоритмов автоматического анализа данных, внедрение машинного обучения для улучшения качества анализа, формирование баз знаний на основе на-

копленной информации, развитие систем предиктивной аналитики.

4. Развитие механизмов верификации участников

Система верификации должна обеспечивать надежную идентификацию участников процесса, защиту от фейковых аккаунтов, подтверждение компетентности экспертов, контроль за соблюдением правил участия, обеспечение безопасности данных. Технические решения могут включать многофакторную аутентификацию, биометрическую идентификацию, электронную подпись, цифровые сертификаты, блокчейн-технологии.

5. Формирование системы обучения цифровым навыкам

Образовательный компонент предполагает разработку программ повышения квалификации, создание методических материалов, организацию обучающих мероприятий, формирование базы знаний, развитие системы наставничества. Направления обучения должны включать освоение цифровых инструментов контроля, изучение методов анализа данных, освоение принципов кибербезопасности, развитие навыков работы с искусственным интеллектом, формирование культуры цифрового взаимодействия.

Реализация данных рекомендаций позволит создать эффективную систему цифрового контроля, отвечающую современным требованиям и вызовам, обеспечивающую активное участие граждан в процессе управления и способствующую развитию демократических институтов.

Институт общественного контроля в современном мире приобретает все более важное значение и активно применяется

в различных формах многими государствами [8]. Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что общественный контроль является важнейшим институтом взаимодействия власти и общества, способствующим формированию доверительных отношений между ними. Выявлено, что данный институт не только обеспечивает защиту прав и свобод граждан, но и выступает эффективным инструментом повышения прозрачности деятельности органов власти, противодействия коррупции и совершенствования государственного управления. Установлено, что, несмотря на существующие проблемы в реализации общественного контроля (сложность законодательства, ограниченный перечень субъектов, недостаточные гарантии независимости), его роль в современном государственном устройстве продолжает возрастать [10].

Результаты исследования подтверждают, что развитие механизмов общественного контроля способствует укреплению демократических принципов управления и повышению эффективности взаимодействия между государственными органами и гражданским обществом. Полученные выводы свидетельствуют о необходимости дальнейшего совершенствования правовой базы и практических механизмов реализации общественного контроля как ключевого элемента построения открытого и ответственного государства.

Таким образом, общественный контроль способствует совершенствованию и развитию доверия общества к власти, а это, в свою очередь, благоприятно сказывается на прогрессе в области взаимодействия государства и общества.

КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов

CONFLICT OF INTERESTS

The author declares no conflict of interests

ЛИТЕРАТУРА

1. Бикмурзина Р.Р. Институты гражданского общества и региональный общественный контроль над органами власти // Молодой ученый. 2023. № 50(497). С. 367-370. EDN: IDXNIY.
2. Гриб В.В. Правовое развитие общественного контроля в сфере образования и науки // Государственная власть и местное самоуправление. 2021. № 4. С. 3-8. DOI: 10.18572/1813-1247-2021-4-3-8 EDN: GUGLHN.
3. Зубарев С.М. Понятие и сущность общественного контроля за деятельностью государственных органов // Административное право и процесс. 2011. № 5. С. 11-12. EDN: NULGJF.
4. О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации [Электронный ресурс]: Федеральный закон Российской Федерации от 31.07.2020 года № 248-ФЗ (в ред. от 28.12.2024 № 540-ФЗ) // Информационно-правовая система «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_358750/.
5. Об основах общественного контроля в Российской Федерации [Электронный ресурс]: Федеральный закон Российской Федерации от 21.06.2014 года № 212-ФЗ (в ред. от 25.12.2023 № 683-ФЗ) // Информационно-правовая система «КонсультантПлюс» URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_165809/.
6. Огнева Е.А. Общественный контроль как фактор развития гражданского общества // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2019. № 2. С. 51-62.
7. Павлушкин А.Р. Общественная наблюдательная комиссия субъектов Российской Федерации: актуальные вопросы и проблемы организации деятельности // Союз криминалистов и криминологов. 2022. № 1. С. 100-106. DOI: 10.31085/2310-8681-2022-1-192-100-106 EDN: PPCZON.
8. Петракова А.С., Левченко Е.А., Маслова А.В. Реализация контрольной функции государства в единстве государственного, муниципального и общественного контроля: теоретико-правовой аспект // Аграрное и земельное право. 2025. № 3. С. 113-115. DOI: 10.47643/1815-1329_2025_3_113 EDN: BYYLEA.
9. Чеботарева И.Ю., Соловьева С.В. Правовое содержание и механизм реализации общественного контроля в органах, осуществляющих публичное управление // Право и практика. 2020. № 3. С. 68-72. EDN: PFMDAF.
10. Литвина К.Я. Современная концепция формирования доверия в социуме // Вестник Южно-Российского государственного технического университета (НПИ). Серия: Социально-экономические науки. 2024. Т. 17, № 2. С. 51-58. DOI 10.17213/2075-2067-2024-2-51-58. – EDN ZJQCQG.
11. Грошева И.А. Общественный контроль за деятельность правоохранительных органов: проблема формирования доверия // Вестник Тюменского института повышения квалификации сотрудников МВД России. 2015. № 1(4). С. 159-163. EDN UBMKXN.
12. Гузеева И.Н. Общественный контроль – независимые эксперты или новая стратегия – повышения уровня доверия к выборам // Вестник Евразийской академии административных наук. 2021. № 3(56). С. 54-57. EDN GDPXHE.
13. Мурыгина М.В. Общественный контроль и политическое доверие как предмет анализа // Молодой ученый. 2017. № 14(148). С. 575-577. EDN YJWSDD.
14. Макарова О.В. Общественный контроль за соблюдением открытости информации о деятельности публичной власти // Журнал российского права. 2017. № 7(247). С. 54-62. DOI 10.12737/article_59522f98182b24.90800220. EDN ZBPWPL.

15. Гаврилин С.А. Социальный контроль, общественное доверие и поддержка в системе взаимоотношений органов внутренних дел и общества // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2018. № 4 (77). С. 41-44. EDN YPOFQT.
16. Литвина К.Я. Генезис развития категории доверия и недоверия в науке // Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2024. Т. 16, № 2. С. 173-180. DOI 10.47370/2078-1024-2024-16-2-173-180. – EDN VNNKTO.
17. Доклад Общественной палаты России о состоянии гражданского общества в Российской Федерации в 2024 году. [Электронный ресурс]. URL: <https://report2024.oprf.ru/ru-RU/2024-the-main-thing-in-russian-civil-society.html>.
18. Исследование Института статистических исследований и экономики знаний НИУ ВШЭ по теме «Развитие бизнеса на цифровых платформах» [Электронный ресурс]. URL: <https://issek.hse.ru/mirror/pubs/share/820948305.pdf>.

REFERENCES

1. Bikmurzina, R.R. Civil society institutions and regional public control over government bodies // Young Scientist. 2023. Issue 50 (497). P. 367-370. EDN: IDXNIY. [In Russ.]
2. Grib V.V. Legal development of public control in education and science // State power and local self-government. 2021. Issue 4. P. 3-8. DOI: 10.18572/1813-1247-2021-4-3-8 EDN: GUGLHH. [In Russ.]
3. Zubarev, S.M. Concept and essence of public control over the activities of government bodies // Administrative law and process. 2011. No. 5. P. 11-12. EDN: NULGJF. [In Russ.]
4. On state control (supervision) and municipal control in the Russian Federation [Electronic resource]: the Federal Law of the Russian Federation of July 31, 2020 No. 248-FZ (as amended on December 28, 2024 No. 540-FZ) // Information and legal system «ConsultantPlus». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_358750/. [In Russ.]
5. On the fundamentals of public control in the Russian Federation [Electronic resource]: Federal Law of the Russian Federation of June 21, 2014 No. 212-FZ (as amended on December 25, 2023 No. 683-FZ) // Information and Legal System «ConsultantPlus» URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_165809/. [In Russ.]
6. Ogneva E.A. Public control as a factor in the development of civil society // Bulletin of Tula State University. Humanities. 2019. Issue 2. P. 51-62. [In Russ.]
7. Pavlushkov, A.R. Public monitoring commission of the subjects of the Russian Federation: current issues and problems of organizing activities // Union of criminalists and criminologists. 2022. Isue 1. P. 100-106. DOI: 10.31085/2310-8681-2022-1-192-100-106 EDN: PPCZON. [In Russ.]
8. Petrakova, A.S., Levchenko, E.A., Maslova, A.V. Implementation of the state control function in the unity of state, municipal, and public control: theoretical and legal aspect // Agrarian and Land Law. 2025. Issue 3. P. 113-115. DOI: 10.47643/1815-1329_2025_3_113 EDN: BYYLEA. [In Russ.]
9. Chebotareva, I.Yu., Solovieva, S.V. Legal content and mechanism for implementing public oversight in public administration bodies // Law and Practice. 2020. Issue 3. P. 68-72. EDN: PFMDAF.
10. Litvina, K. Ya. Modern concept of building trust in society // Bulletin of the South-Russian State Technical University (NPI). Series: Social and Economic Sciences. 2024. Vol. 17. Issue 2. P. 51-58. DOI 10.17213/2075-2067-2024-2-51-58. – EDN ZJQCQG. [In Russ.]
11. Grosheva, I.A. Public oversight of law enforcement agencies: the problem of building trust // Bulletin of the Tyumen Institute for Advanced Training of Employees of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2015. Issue 1(4). P. 159-163. EDN UBMKXN. [In Russ.]
12. Guzeeva, I.N. Public control – independent experts or a new strategy for increasing trust in elections // Bulletin of the Eurasian Academy of Administrative Sciences. 2021. Issue 3(56). P. 54-57. EDN GDPXHE. [In Russ.]

13. Murygina, M.V. Public control and political trust as a subject of analysis // Young Scientist. 2017. Issue 14(148). P. 575-577. EDN YJWSDD. [In Russ.]
14. Makarova, O.V. Public control over compliance with the openness of information on the activities of public authority // Journal of the Russian Law. 2017. Issue 7(247). P. 54-62. DOI 10.12737/article_59522f98182b24.90800220. EDN ZBPWPL. [In Russ.]
15. Gavrilin, S.A. Social control, public trust and support in the system of relations between the internal affairs bodies and society // Scientific Bulletin of the Oryol Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.V. Lukyanov. 2018. Issue 4(77). P. 41-44. EDN YPOFQT. [In Russ.]
16. Litvina, K.Ya. Genesis of the development of the category of trust and distrust in science // Bulletin of the Maikop State Technological University. 2024. Vol. 16, Issue 2. P. 173-180. DOI 10.47370/2078-1024-2024-16-2-173-180. – EDN VNNKTO. [In Russ.]
17. Report of the Public Chamber of Russia on the state of civil society in the Russian Federation in 2024. [Electronic resource]. URL: <https://report2024.oprf.ru/ru-RU/2024-the-main-thing-in-russian-civil-society.html>. [In Russ.]
18. Research by the Institute for Statistical Studies and Economics of Knowledge at the National Research University Higher School of Economics on the topic «Business Development on Digital Platforms» [Electronic resource]. URL: <https://issek.hse.ru/mirror/pubs/share/820948305.pdf>. [In Russ.]

Информация об авторе / Information about the author

Кристина Яковлевна Литвина, кандидат экономических наук, доцент кафедры отраслевой экономики и финансов Института экономики и управления. Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена», 191186, Российская Федерация, Санкт-Петербург, набережная реки Мойки, д. 48, e-mail: litvinaky@yandex.ru

Kristina Ya. Litvina, PhD (Econ.), Associate Professor, the Department of Sectoral Economics and Finance at the Institute of Economics and Management. Herzen State Pedagogical University of Russia, 191186, the Russian Federation, Saint Petersburg, 48 Moika River Emb, e-mail: litvinaky@yandex.ru

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The author has read and approved the final manuscript.

Поступила в редакцию 09.09.2025

Received 09.09.2025

Поступила после рецензирования 11.11.2025

Revised 11.11.2025

Принята к публикации 13.11.2025

Accepted 13.11.2025

Оригинальная статья / Original paper

<https://doi.org/10.47370/2078-1024-2025-17-4-162-178>
УДК 78.082.4:316.3



Роль концертных организаций в формировании региональной и общероссийской идентичностей

А.Н. Соколова

¹ Институт искусств Адыгейского государственного университета,
г. Майкоп, Российская Федерация

² Южный филиал Российского научно-исследовательского института культурного
и природного наследия им. Д.С. Лихачева, г. Краснодар, Российская Федерация
Professor_sokolova@mail.ru

Аннотация. Введение. В статье анализируется роль концертных организаций и творческих коллективов (музыкальных, хореографических, вокально-инструментальных, эстрадных и проч.) в формировании региональной и общероссийской идентичности. Такая оптика, на первый взгляд, несущественна для социально-политического строительства, тем не менее позволяет понять и выявить неиспользуемые ресурсы этих процессов.

Материалы и методы. Анализ уставных уложений и контент-анализ официальных нормативно-правовых документов лежит в основе методических подходов исследования, проводимого в хронологических рамках последних двух лет (2024–2025).

Результаты исследования. Исследование показало, что идеологические рычаги в сфере концертно-художественной деятельности в учреждениях и коллективах Северного Кавказа практически не используются, они не предусмотрены и внутренними документами (Уставами) и регламентами организаций. В республиках преобладают коллективы титульной этнокультурной направленности. Отдельные группы населения, находящиеся на второй или третьей позиции на демографической карте республик, не имеют своего представительства в художественной профессиональной или любительской сферах. Художественные связи между республиками слабо выражены, что не способствует общероссийской идентичности. Симфоническое искусство представлено чаще всего мировыми образцами, исполнение музыки местных композиторов во многих республиках ограничивается единичными концертами. В целом концертные институции для важной работы по формированию и сохранению региональной и общероссийской идентичностей не используют тот богатый ресурс, который заложен в концертно-художественной деятельности.

Обсуждение и заключение. В заключении статьи предложены рекомендации, обращенные к разным государственным ведомствам, нацеленные на формирование чувства принадлежности к своей культуре и стране в целом.

Ключевые слова: филармонии, концертные организации, творческие коллективы, региональная и общероссийская идентичность

© Соколова А.Н., 2025

Благодарности. Работа написана в рамках выполнения государственного задания по теме «Практики культурной жизни полигэтнических регионов России и проблемы формирования общеизгражданской идентичности» (номер государственной регистрации: 124012800530–4).

Для цитирования: Соколова А.Н. Роль концертных организаций в формировании региональной и общероссийской идентичностей. *Вестник Майкопского государственного технологического университета*. 2025; 17(4): 162–178. <https://doi.org/10.47370/2078-1024-2025-17-4-162-178>

The role of concert organizations in the formation of regional and national identities

A.N. Sokolova

¹ Institute of Arts, Adyghe State University, Maikop, the Russian Federation

² The Southern Branch of the D.S. Likhachev Russian Research Institute of Cultural
and Natural Heritage, Krasnodar, the Russian Federation
Professor_sokolova@mail.ru

Abstract. Introduction. The article analyzes the role of concert organizations and creative groups (musical, choreographic, vocal and instrumental, pop, etc.) in the formation of regional and national identities. This perspective, while seemingly insignificant for socio-political development, nevertheless allows us to understand and identify the untapped resources of these processes.

The materials and methods. An analysis of statutory regulations and a content analysis of official legal documents underpin the methodological approaches of the study, which was conducted over the past two years (2024–2025).

The results of the research. The research revealed that ideological levers in concert and artistic activities are practically unused in institutions and groups in the North Caucasus; they are not provided for in internal documents (charters) or organizational regulations. Groups with a titular ethnocultural focus predominate in the republics. Certain population groups, ranked second or third on the demographic map of the republics, are not represented in the artistic professional or amateur spheres. Artistic ties between the republics are weak, which does not contribute to the national identity. Symphonic art is most often represented by international examples, while performances of music by local composers in many republics are limited to isolated concerts. Overall, concert institutions fail to utilize the rich resource inherent in concert and artistic activities for the important work of shaping and preserving regional and national identities.

Discussion and conclusion. The article concludes with recommendations addressed to various government agencies aimed at fostering a sense of belonging to identical culture and national culture as a whole.

Keywords: philharmonic societies, concert organizations, creative groups, regional and national identity

Note of acknowledgment.

The research was completed as part of the project «Cultural practices in multiethnic regions of Russia and the challenges of forming a civic identity» (state registration number: 124012800530–4).

For citation: Sokolova A.N. The role of concert organizations in the formation of regional and national identities. *Vestnik Majkopskogo gosudarstvennogo tehnologičeskogo universiteta*. 2025; 17(4): 162–178. <https://doi.org/10.47370/2078-1024-2025-17-4-162-178>

Введение. Для человечества не ново использовать музыку для продвижения миротворческих инициатив и социальной справедливости, организовывать концерты мира, помогающие сформировать общественный консенсус. Социально направленные музыкальные кампании и флешмобы привлекают внимание к важным проблемам и одновременно объединяют участников. Использование музыки для усиления консолидации общества, известное с древнейших времен, применяется по настоящее время. Музыка является мощным инструментом для построения мостов между людьми, укрепления социального единства и формирования чувства общности. Эффективные концертные инициативы основаны на инклюзивности, культурном многообразии и социальной значимости, а исторические примеры показывают, как музыка может стать катализатором больших социальных изменений.

Падение Берлинской стены завершается грандиозным концертом (1989). В 1985 году в Эфиопии был организован благотворительный концерт, организованный для помощи голодающим. Он объединил миллионы людей по всему миру через музыку и благотворительность. На миротворческих концертах во время «холодной войны» выступали Йоко Оно и Джон Леннон с песней «Imagine» (Представь, что все люди живут в мире». Чтобы остановить конфликт между Ингушетией и Осетией в 1996 году, был задуман фестиваль «Мир Кавказу», с тех пор регулярно собирающий тысячи зрителей в разных городах Северного Кавказа. Грандиозным концертом было отмечено и присоединение Крыма к России в 2014 году. Это маленькая толика примеров, подтверждающих тезис о важной консолидирующей функции музыки и концертных мероприятий. Не только «живые» концерты, но и медиа-версии расширяют охват аудитории и усиливают влияние культурного контента. Виртуальные концерты, онлайн-трансляции и социальные сети помогают интегрировать

местные культурные ценности в глобальный контекст и одновременно укреплять идентичность на локальном и общенациональном уровнях.

В современную эпоху, характеризующуюся стремительным развитием цифровых технологий и глобальных коммуникаций, вопросы формирования и сохранения культурной идентичности выходят на первый план общественной и государственной повестки. В условиях усиливающейся цифровизации, когда значительная часть культурного контента становится доступной в интернете и социальных сетях, роль традиционных институтов культуры, в частности концертных организаций, приобретает особое значение как фактор живого и аутентичного взаимодействия с культурой, с исполнителями, обладающими красивыми голосами, умеющими играть на музыкальных инструментах, выразительно делать то, что простому (не-профессиональному) человеку недоступно. Концерты и музыкальные мероприятия в силу особых вибраций, воздействующих на эмоциональную сферу каждого человека и общества в целом, как ничто другое могут объединять, вдохновлять, обеспечивать ощущение сплоченности и единения. Именно «живые» концерты, организуемые в регионах и на федеральном уровне, становятся важным средством поддержания и укрепления как региональной, так и общероссийской идентичности, формируя устойчивое ощущение принадлежности к определенному культурному пространству. Содержание этих концертов, как правило, во многом ориентировано на локальную публику, знакомую с представляемым художественным продуктом, вызывающим особое удовольствие при прослушивании и просмотре, что и презентирует региональную идентичность, сообщество, соединенное одними языковыми, эстетическими и художественными ценностями.

Одновременно с этим современная мировая ситуация, связанная с нарастанием конфронтации между Россией и западны-

ми странами, создает особые вызовы для культурной сферы. Определенные угрозы исходят от концертов и исполнителей, использующих ненормативную лексику, образы насилия и секса, шокирующую форму сценического поведения. Усиление политического и экономического давления со стороны ряда западных государств нередко сопровождается и культурными ограничениями, попытками влиять на внутреннее культурное пространство через продвигаемые извне ценности и идеологии. В этих условиях вопросы культурного суверенитета, защиты национальной традиции и самобытности становятся не только вопросом культурной политики, но и элементом национальной безопасности. Концертные организации выступают важными институциями, через которые формируется и трансформируется как региональная, так и общероссийская идентичность, выстраивая платформу для внутреннего культурного единства и укрепления общественного консенсуса.

Диджитализация, с одной стороны, расширяет возможности доступа к культурным продуктам, с другой – создает угрозы для традиционных форм культурного обмена и восприятия. Виртуальные концерты, онлайн-прослушивания и цифровые архивы постепенно вытесняют живые выступления, которые обладают уникальной способностью к созданию глубокой эмоциональной связи и коллективного культурного опыта. Концертные организации, сохранив живую традицию музыкальных и культурных мероприятий, обеспечивают платформу для непосредственного включения человека в культурный процесс, что способствует формированию устойчивых культурных идентичностей. Это особенно важно в условиях, когда масовая цифровая культура зачастую склонна к универсализации и нивелированию локальных традиций и различий.

Влияние концертных организаций на формирование идентичности проявляется особенно ярко в регионах России,

где культурное многообразие страны находит свое выражение в богатстве местных традиций и языков. Поддержка и развитие региональной культурной жизни через концерты способствует не только сохранению уникального наследия, но и созданию условий для диалога регионального и федерального уровней идентичности. Это обеспечивает баланс между самобытностью и единством, что является важным элементом современного российского общества и его устойчивого развития. В контексте усиливающихся вызовов глобализации и geopolитической нестабильности, способность формировать и поддерживать такую идентичность приобретает ключевое значение.

Таким образом, изучение роли концертных организаций в формировании региональной и общероссийской идентичностей является актуальной научной и практической задачей. Это исследование позволяет комплексно понять, как культурные институты взаимодействуют с социально-политическими процессами в стране, как через призму культуры отражается стремление к настоящему государственному и культурному суверенитету, а также каким образом можно эффективно использовать культурные ресурсы для укрепления внутреннего единства и повышения культурного потенциала России в условиях меняющегося мирового порядка.

Цель и задачи исследования – на основе мониторинга различных общедоступных документов выявить проблемы, не позволяющие концертным институциям в полной мере содействовать формированию и сохранению региональной и общероссийской идентичности, обозначить «болевые точки», создающие такие проблемы, и выработать ряд рекомендаций по их преодолению.

Материалы и методы. В работе использован контент-анализ официальных сайтов нескольких филармоний Юга России: Краснодарской, республик Адыгеи, Кабардино-Балкарии, Карачаево-Чер-

кесии, Калмыкии, Чечни, Ингушетии и Осетии. В фокусе внимания были также страницы концертных организаций этих республик на платформе «ВКонтакте», данные статистики и некоторых культурных учреждений Республики Адыгея и Краснодарского края. Теоретическая часть исследования базируется на социологических работах П. Бурдье и концепциях моделирования социокультурного пространства, разрабатываемых в отечественном научном знании.

Сбор информации проводился на основе концертных анонсов и последующих отчетов – чаще всего в виде фотопортажей и зрительских откликов. Часть данных была получена в ходе неформализованных интервью с руководителями и участни-

ками профессиональных коллективов в личных встречах и по мобильной связи.

Хронология исследования. В работе использованы электронные и бумажные материалы последних двух лет (2024–2025), представленные в публичном доступе.

Новизна исследования заключается в обзоре структуры и содержания концертных организаций Юга России, анализе репертуарной политики известных коллективов сквозь призму нацеленности их деятельности на формирование региональной и общероссийской идентичностей.

Предварительные сведения. Юг России представлен многообразием народов и народностей, что явно свидетельствует о культурном и религиозном многообразии территории (табл.).

Таблица. Национальный состав республик Юга России и Краснодарского края (данные 2021 года)

Table. Ethnic composition of the republics of the Southern Russia and the Krasnodar Territory (data of 2021)

Республика Адыгея	всего 496 234 чел.	% от всего населения
русские	287 778	57,91%
адыгейцы	98 138	19,75%
армяне	14 810	2,98%
курды	5233	1,17%
Чеченская Республика	всего 1 510 724 чел.	
чеченцы	1 456 792	96,42%
русские	18 225	1,21%
Республика Ингушетия (данные 2020)	Всего	
ингуши	473 440	90%
чеченцы	12 240	2,4%
русские	3294	0,64%
Республика Северная Осетия – Алания	всего 687 357 чел.	
осетины	439 949	64,01%
русские	122 240	17,78%
ингуши	24 283	3,53%
Республика Кабардино-Балкарская	всего 904 200 чел.	
кабардинцы	529 159	58,53%
русские	174 768	19,32%
балкарцы	120 898	13,37%

Республика Карачаево-Черкесия	всего 469 865 чел.	
карачаевцы	205 578	43,75%
русские	127 621	27,16%
черкесы	58 825	12,52%
абазины	37 764	8,02%
ногайцы	17 368	3,7%
Республика Калмыкия	всего 267 133 чел.	
калмыки	159 133	59,57%
русские	65 490	24,52%
даргинцы	7205	2,7%
Краснодарский край	5 838 273	
русские	5 121 482	87,72%
армяне	211 132	3,62%
украинцы	29 317	0,5%

Представительство русских в национальных республиках неодинаково. В Чечне и Ингушетии они составляют 1,21% и 0,5% соответственно, в Адыгее их больше половины генерации. Но в целом в каждой республике проживает больше ста народов и народностей. Социальное пространство, таким образом, весьма разнообразно и по религиозному признаку, и по основным культурным ценностям и традициям. Не надо забывать, что еще немногим более чем 100–150 лет назад народы Кавказа боролись за свою независимость с царизмом и русские воспринимались как «неверные», заклятые враги. Советская власть провела беспрецедентную работу, добиваясь формирования общности под названием «советский народ», однако с распадом СССР как-то незаметно «исчезла» почти сформированная декларируемая общность. Этнонациональные тенденции стали доминировать, и все постсоветские годы в России постоянно проговаривается вопрос о формировании, развитии и сохранении общероссийской и региональной идентичностей.

Ощущение нерешенности этой проблемы связано и с многочисленными научными исследованиями, препарирующими само понятие «идентичность» на десятки фрагментов [1-3], и многочисленными

научными мероприятиями с заголовками на обсуждаемую тему, и десятками поддержанных и финансируемых РГНФ и РФФИ проектов. Сложность решения проблемы идентичностей во многом связана с социально-экономическими проблемами в стране. В этой связи нeliшне вспомнить цитату из трудов П. Бурдье, который откровенно высказывался о том, что «ничто так не далеко друг от друга и так невыносимо, как социально далекие друг другу люди, которые оказались рядом в физическом пространстве...» [4, с. 60].

Результаты исследования. Специфика региональной идентичности состоит в ее сегментированности, очень пестром национальном составе, в возрождении национального самосознания после декларирования сформированности общности «советский народ», что не могло не сказатьсь на работе концертных организаций и коллективов. В каждой национальной республике с распадом СССР идентификационными признаками этничности становились национальные коллективы. Так, в январе 1990 года был создан Государственный театр танца Калмыкии «Ойраты», в 1991 году в Адыгее родился Государственный ансамбль народной песни и танца «Исламей», в 2008 году в Северной Осетии–Алании появился оркестр

национальных инструментов «Иристон», в 2010 году – Девичья хоровая капелла Чеченской республики; в 2015 году – аутентичный ансамбль «Уацамонга» в Северной Осетии–Алании. Коллективы с этнокультурной направленностью еще с советских времен функционировали и сохранились в Осетии (группа «Фидан» – 1998); Краснодарском крае (Кубанский казачий хор); в Адыгее («Нальмэс» – 1972).

Какую же роль могут и должны играть концертные организации и входящие в них творческие коллективы в формировании региональной и общероссийской идентичности? Теоретически они должны:

- 1) способствовать сохранению и популяризации культурного наследия проживающих в регионе народов;
- 2) формировать культурное пространство региона;
- 3) интегрировать региональную культуру в общероссийскую культурную традицию;
- 4) адаптироваться к новым современным условиям и новой идеологической повестке;
- 5) вести образовательную и воспитательную работу среди населения региона;
- 6) расширять культурно-эстетической кругозор слушательской аудитории.

Через проведение концертов, музыкальных фестивалей, тематических вечеров с участием местных исполнителей и коллективов концертные организации должны способствовать популяризации уникальных культурных кодов, фольклора, народных традиций и классической музыки. Это помогает формировать у аудитории чувство принадлежности к региону или стране. Какова же реальная ситуация, понятая нами через документы концертных организаций, состав творческих коллективов и их репертуарную политику?

В Уставах региональных филармоний, которые, кстати сказать, в основном были оформлены в 2011 году, задача формирования общероссийской и региональной идентичностей отсутствует. Доминиру-

ющей является эстетическая функция этих институций, которая формулируется в разных выражениях. В Уставе Республиканского бюджетного учреждения «Государственная филармония Карачаево-Черкесской Республики» цель работы декларируется как «удовлетворение духовных потребностей населения в сфере концертной деятельности, приобщение населения к высокому миру искусства, пропаганда лучших образцов классического и современного музыкального и хореографического искусства» [5, с. 3].

Предметом деятельности и целями создания Государственного бюджетного учреждения культуры Республики Адыгея «Концертное объединение Республики Адыгея» в Уставе называется «оказание государственных услуг, выполнение государственных работ в целях обеспечения реализации полномочий органов государственной власти Республики Адыгея, предусмотренных подпунктом 18 пункта 2 статьи 26.3 Федерального закона от 6 октября 1999 года № 184-ФЗ “Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации” в сфере культуры”» [6, с. 5]. Лишь в задачах обозначены «культурно-просветительская деятельность среди различных возрастных категорий населения и приобщение населения к культурным ценностям отечественной национальной и зарубежной культуры, знакомство с лучшими образцами мировой музыкальной, театральной и танцевальной культуры, литературы и поэзии» [6, с. 7].

Симфонические оркестры Юга России. Симфонические оркестры существуют в Республике Адыгея, Карачаево-Черкесии, Кабардино-Балкарии, Республике Калмыкия, Республике Северная Осетия–Алания, Краснодарском крае. Они выполняют важную и ответственную работу по эстетическому развитию населения, приобщению общества к мировым музыкальным ценностям, в том числе и шедеврам

русской музыки. Между тем важнейшей миссией региональных оркестров является содействие развитию симфонического искусства каждой из республик. Другими словами – поддержка и пропаганда музыки национальных авторов – важная и ответственная миссия региональных симфонических коллективов. Однако и внутри каждой из названных республик, и на уровне межрегиональных контактов пропаганда и распространение музыки национальных композиторов остается проблемой. Исключением можно назвать Республику Северная Осетия–Алания, в которой за время советского периода выросла плеяда музыкантов, владеющих симфоническим письмом, накопился значительный репертуар, поэтому региональная публика имеет возможность слушать и наслаждаться музыкой Ильи Габараева, Христофора Плиева, Феликса Алборова, Ацамаза Макоева и др. Симфонический оркестр Республики Северная Осетия–Алания, возникший в 1941 году, владеет всеми возможностями для исполнения и самых значительных произведений европейской симфонической музыки [7]. Особо можно выделить Симфонический оркестр Республики Адыгея, на который ложится основная нагрузка в проведении ежегодного фестиваля академической музыки «Адыгея музыкальная». Появившийся только в 1993 году Симфонический оркестр Адыгеи зарекомендовал себя как коллектив, способный качественно исполнять не только европейские шедевры, но и современную музыку представителей разных регионов России, ближнего и дальнего зарубежья. В рамках фестиваля «Адыгея музыкальная» были исполнены сочинения композиторов Исламской республики Ирана, Узбекистана (2022), Вьетнама, Казахстана, Беларуси (2023), Туркмении и Татарстана (2024), Узбекистана, Казахстана, Калмыкии (2025). В этих же концертах постоянно звучала музыка представителей Татарстана, Кабардино-Балкарии, Астраханской и Волгоградской областей, Крас-

нодарского края и др. Именно подобные мероприятия, подготовленные совместно Союзом композиторов России (председатель Р.Ф. Калимуллин) и Адыгейским отделением Союза композиторов России (председатель А.К. Нехай), формируют искомую общенациональную идентичность, о чем свидетельствует большой интерес публики, чьи овации делятся по 5–7 минут, высокий исполнительский уровень солистов, художественная ценность исполняемой музыки. К сожалению, пример Адыгеи не стал предметом подражания в других республиках, да и музыка адыгских авторов практически не звучит в соседних Северо-Кавказских республиках, где проживают адыги (черкесы), что, безусловно, не способствует ни региональным творческим связям, ни укреплению региональной идентичности.

Редкие гастроли симфонических оркестров из Ростова-на-Дону, Санкт-Петербурга и др. в республиках Северного Кавказа также связаны с исполнением отечественной или зарубежной музыки. Ростовчане в сентябре 2025 года представили в Нальчике сочинения Юи, Рахманинова и Чайковского [8]. В Чеченской государственной филармонии им. Шахбулатова в сентябре 2025 года выступил Московский государственный академический симфонический оркестр (художественный руководитель и дирижер – Иван Никифорчин, солистка – Екатерина Мечетина) [9], а в октябре – Симфонический оркестр Капеллы Санкт-Петербурга сыграл музыку Дж. Гершвина, С.Дж. Беше, Э.Л. Лангера, Снайдера, А. Копленда, И. Гилледна, С. Уандера и А.В. Кальварского [10]. Столичные оркестры не инициируют исполнение музыки местных северокавказских авторов, и это считается нормой. На страницах официального сайта Кабардино-Балкарской филармонии рассказывается, как много сделал Симфонический оркестр для развития симфонического искусства в Кабардино-Балкарии: «Рост исполнительского мастерства оркес-

тра в значительной степени способствовал развитию симфонического творчества композиторов Кабардино-Балкарии. Это рапсодии и сюиты Х. Карданова, поэмы и сюиты М. Балова, концерты и сюиты В. Молова, симфонии и концерты Дж. Хапуа, симфонии и увертюры А. Казанова, оркестровые произведения М. Жеттеева, симфонические произведения А. Даурова, Т. Блаевой и Нгуен Ван Нама» [11]. При этом за исследуемый период мы не нашли ни одного упоминания о том, что Симфонический оркестр Кабардино-Балкарии исполнял что-либо из названных произведений. Можно предположить, что музыка кабардинских и балкарских авторов все же исполнялась, но к общественному резонансу в пабликах это не привело. Удивительным образом был отмечен 85-летний юбилей известного адыгского композитора Аслана Даурова – без музыки, лишь одной строчкой в новостной ленте официального сайта филармонии Кабардино-Балкарии [12].

Репертуарная деятельность симфонических оркестров региона в большей мере связана с отечественной и зарубежной музыкой, что важно для поддержания общенациональной идентичности. Любители симфонической музыки могут наслаждаться творениями М. Глинки, П. Чайковского, С. Рахманинова, Бетховена, Моцарта. Правда, в последнее время существует «политика принуждения» в отношении исполнения так называемой «легкой» танцевальной музыки. Повсеместно (особенно в весенне-летний период) оркестрам выдается рекомендация играть на открытом воздухе на площадях перед филармонией, в парковых зонах и проч. Подобная практика не всегда полезна большим коллективам. Отдыхающая публика, как правило, занята своими разговорами, встречами с приятелями. Невнимательное отношение к исполняемой музыке унижительно действует на артистов. При этом часто страдает качество исполнения из-за открытого пространства, нестабильного

звучка, ненастроенной техники, сложности звукового координирования между музыкантами и т. п. Симфоническое искусство требует особого зрителя – вдумчивого и подготовленного, внимательно вслушивающегося в стоголосие оркестрового звучания, полифонию музыкальных мыслей. Улица или городская площадь не рассчитаны на такого зрителя и такое искусство. Другое дело – духовые оркестры. Они есть не во всех городах, но летние уличные концерты с их эстрадно-маршевым и джазовым репертуаром неизменно пользуются успехом у публики. «Размах» уличного исполнительства связан как с климатическими условиями Северного Кавказа, так и с желанием «угодить» публике, создать гедонистические условия прослушивания музыки, сидя на качелях, в моменты случайного нахождения в пространстве концертного выступления.

Танцевальные коллективы. Общеизвестна доминирующая роль танца в структуре музыкальных культур народов Северного Кавказа. Однако степень изученности этих танцев и их сценических вариантов в каждой республике разная. К примеру, об адыгских (черкесских) танцах написано 7 монографий и защищены 3 диссертации [13, 14]. Всего одна книга посвящена танцам балкарцев и кабардинцев [15]. Осетинские танцы только в XXI веке стали предметом пристального внимания ученых [16-17]. Танцы всегда зрелищны, не несут ярко выраженной идеологической нагрузки, тем не менее на глубинном уровне в их музыке, костюмах и лексике всегда зашифрована этническая информация. Руководители танцевальных коллективов по-разному относятся к исполнению «неродных» танцев. К примеру, в представлении Государственного концертного ансамбля танца и песни «Кубанская казачья вольница им. Н.В. Кубаря» на сайте Краснодарской филармонии отмечено, что «Сценическое искусство ансамбля связано с традиционной культурой южно-российского казачества, в неразрывном

единстве русского, украинского и кавказского начал. Это проявляется в текстах, музыке, костюмах, пластике – русская удасть и открытость, украинский юмор и лиризм, суровая страсть горцев, казацкий задор и размах сосуществуют не отдельными номерами, а в единой стихии творчества как действующая модель взаимообогащения породнившихся народов. Сегодня этот широко известный коллектив, по праву называемый «жемчужиной в мире искусств», органично сочетает в своей работе народную традиционность и современность» [18]. В постоянном репертуаре прославленного казачьего коллектива есть черкесский, молдавский и армянский танцы, что не мешает ему оставаться носителем казачьей традиции. Другие приоритеты демонстрирует Государственный академический ансамбль народного танца Адыгеи «Нальмэс». Даже гипотетический вопрос о возможности исполнения танцев других народов региона вызывает удивление у его руководителя, заслуженного артиста РФ Аслана Хаджаева. Его ответ звучит весьма весомо: «Зачем мне это делать? Мне мой народ оставил столько аутентичных танцев, что дай бог их всех изучить, поставить и перетанцевать». Именно поэтому руководитель коллектива тесно общается с фольклористами, историками и этнографами, изучает много этнографической литературы, чтобы каждую новую программу сделать зрелищной, яркой, оригинальной, высоко профессиональной. Благодаря высокому профессиональному, многочисленным выступлениям по всей России и за рубежом ансамбль «Нальмэс» вызывает неизменный успех [19]. Он представляет не только искусство адыгов, но и выступает от лица всей нашей многонациональной России. Аналогичную роль выполняет Государственный театр танца Калмыкии «Ойраты» [20]. Официальный сайт этого коллектива в ВК содержит большое число видеопримеров и зрительских отзывов из всех уголков России. Даже в видеоформате можно понять, как искусство этого

коллектива объединяет людей, заставляет гордиться тем, сколько талантов живет в нашей стране, как она богата разнообразием этнических культур.

Конечно, бюджет любой республики не может содержать число коллективов, равное числу проживающих в них народов. Однако и ситуация, при которой этносы, стоящие на втором или третьем месте на демографической карте республики, не представлены творческими коллективами, не способствует единению и равноправию. Допустим, что коллективы формируются и финансируются по принципу представительного большинства. Так происходит в Адыгее, где наряду с коллективами, нацеленными на развитие и пропаганду культуры титульного этноса (Государственный академический ансамбль народного танца Адыгеи «Нальмэс», Государственный ансамбль песни и танца «Исламей», Эстрадный ансамбль «Оштен»), есть Оркестр русских народных инструментов «Русская удасть». Но в других республиках и краях этнокультуры малочисленных народов не представлены не только профессиональными коллективами, но даже любительскими. Правда, бывают ситуации, о которых следует говорить особо. К примеру, в значительной по числу (более 5000 человек) курдской диаспоре в Адыгее танцевальная культура столь развита и актуальна, что у ее представителей нет претензий на вынесение танцев на сценические подиумы и всеобщее обозрение. Танцы для курдов остаются маркером этнокультурного единения, содружества, поддержки. Их столь много в семейно-родовых праздниках, что они вполне удовлетворяют имеющиеся эстетические потребности и другие функционалы этногруппы. Для обучения танцам руководители общин приглашают специалистов из других регионов России или из-за рубежа [21].

Эстрадные коллективы. Необходимо подчеркнуть, что эстрадные коллективы в республиках Северного Кавказа проводят

важную этнокультурную политику. Ансамбль «Оштен» (название горы) в Адыгее [22] и «Фидан» («Будущее») в Республике Северная Осетия–Алания [23] исполняют в основном фолк и национальную эстрадную музыку. При этом в их репертуаре есть песни на родном, русском и английском языках. Коллективы пользуются успехом у молодежи, много гастролируют в своих республиках, участвуют во всероссийских и международных фестивалях и конкурсах. В то же время именно эстрадным коллективам и солистам чаще всего приходится выступать на уличных площадках. Уличные выступления, повторюсь, весьма дискуссионная тема. Артисты позволяют себе выступать в будничной одежде, без специальной эстрадной площадки перед стоящими случайными прохожими, как это происходит, например, в Карачаево-Черкесии. Такой формат выступлений настолько не соответствует профессиональному статусу артистов, что, естественно, вызывает негативную реакцию¹. Нам представляется, что для пленэрных концертов надо выбирать особые, исторически значимые места, которые создают особую эмоциональную связь со страной / регионом и ее традициями. Если при этом концертное пространство будет оформлено с использованием национальной символики, это только усилит эту связь.

Безусловно, концертные организации и концертные коллективы являются институтами культурной политики страны. Их миссия состоит в сохранении и распространении культурного наследия, влиянии на общественное восприятие культурных ценностей, эстетическое воспитания и образование общества. Однако не следует умалять роль этих организаций в формировании региональной идентичности через

те же концерты, фестивали, сложившиеся музыкальные традиции. Фестивали и масовые концерты с доступом для широкой аудитории, где люди собираются вместе, чтобы разделить музыкальный опыт.

С древнейших времен существовала традиция балаганных и ярмарочных музыкально-театральных представлений. На Северном Кавказе существовала культура гостевых помещений (хачечей), где звучали песни, разыгрывались сценки, устраивались танцы. В советской времена в красные дни календаря из всех репродукторов звучали бодрые патриотические песни. Сегодня нет ни репродукторов, ни новых песен, которые бы знали в массе. В равной мере нет и фильмов, ставших общенародным достоянием. Для многих людей праздник единства 4 ноября по-прежнему остается «загадочным». «Набор» концертных номеров, составленных из танцевальной и песенной музыки проживающих в регионе народов, может создать праздничное настроение, но вряд ли будет способствовать истинному единению. Для этого нужна работа не только в концертном зале или на сцене, а значительно большее, что выходит за пределы поставленного нами предмета исследования.

Концертные мероприятия и концертные коллективы, безусловно, поддерживают локальную самобытность. Осетины по праву гордятся такими коллективами, как оркестр национальных музыкальных инструментов «Иристон», созданным в 2008 году [24]. Аутентичный ансамбль «Уацамонга» («Волшебная чаша»), созданный всего 10 лет назад, возрождает старинные песни, популяризирует старинные сказания, героические, обрядовые, трудовые, лирические песни на сценических площадках России. Музыканты блестящие владеют игрой на дыудастанон фандыр (осетинской арфе), хисын фандыр (осетинской скрипке) и других старинных инструментах [25]. Заслуженным успехом в Чеченской Республике пользуется Девичья хоровая

¹ См. видеорепортажи об уличных концертах артистов Карачаево-Черкесской филармонии по ссылке URL: <https://filarkchr.ru/news/540-koncert-v-gamkah-proekta-tochka-muzyki.html> (дата обращения: 6.08.2025).

капелла «*Firdaws*» (руководитель – народная артистка ЧР Радима Хаджимурадова), отметившая недавно 15-летие [26].

Общие проблемы концертной деятельности. В рамках формирования общероссийской идентичности в России используются три основных направления деятельности: 1) гастрольные туры коллективов по стране, маршрут которых определяется Росконцертом; 2) всероссийские фестивали и смотры-конкурсы; 3) обмен репертуаром, владение общероссийским и общерусским репертуаром. Гастрольные туры предлагаются Росконцертом высокопрофессиональным коллективам, которые имеют неизменный успех у публики. Всероссийские фестивали и смотры-конкурсы, как правило, представляют культуру разных регионов и имеют меньшую зрительскую аудиторию. Можно говорить, что воздействие таких мероприятий на формирование общероссийской идентичности не столь очевидно. Однако, учитывая число фестивальных мероприятий, проводимых в общероссийском масштабе, надо признать их целесообразность и эффективность. Репертуарное регулирование в рамках концертной или фестивальной деятельности – такая же дискуссионная проблема для многих национальных коллективов. Для участия в международных мероприятиях им рекомендуется включать песни на русском языке, что не всегда воспринимается положительно. Тем не менее русским языком владеют практически все жители Российской Федерации, и мы можем вполне уверенно говорить о таком же всеобщем знании определенных музыкальных примеров (песен, композиций, инструментальной музыки). Это касается не только Гимна России, но и многих песен военных лет (1941–1945), эстрадных образцов советского периода. К сожалению, постсоветская эстрада не дала однозначно всеобщих песен, многие из которых «скокожились» до двух куплетов с текстами, далекими от совершенства. Не

последнюю роль в этом играет отсутствие худсоветов и высокой планки для выхода новоделов в эфир. Песен стало очень много, хороших – мало, очень хорошие почти отсутствуют. Что останется в истории от первой четверти XXI века? Прогнозы неутешительные. Песни вбирают в себя время, и концерты также являются зеркалом времени.

Подытоживая проведенное исследование, мы можем высказать несколько предложений, адресованных различным ведомствам, курирующим художественную культуру региона и России, а также самим концертным организациям Северного Кавказа.

Во-первых, в регламенты концертных организаций или их Уставы необходимо включать пункты, нацеленные на формирование и сохранение общероссийской идентичности. Это может происходить при целенаправленной работе Министерства культуры России и ее подведомственных учреждений.

Во-вторых, понимая важность работы симфонических оркестров региона по эстетическому воспитанию и развитию региональной музыкальной культуры, приобщению населения к мировым художественным ценностям, нельзя обходить стороной музыку местных авторов. Необходимо ввести в практику регулярные симфонические концерты, в программу которых будут входить сочинения композиторов Северного Кавказа. Следует сделать обмен симфоническими концертами нормой филармонической работы, ответственность за которой понесут соответствующие Министерства культуры.

В-третьих, в каждом регионе следует предоставлять филармонические сцены не только для профессиональных коллективов, но и для любительских и самодеятельных. Фестивали культур народов, проживающих в регионе, во многом будут содействовать региональной идентичности и создадут почву для развития музыкальной культуры многочислен-

ных диаспор. При этом художественная ценность представляемой концертной программы должна быть подтверждена специалистами.

В-четвертых, Министерства культуры должны содействовать рождению и развитию диаспорных этнокультурных коллективов через смотры, смотры-конкурсы и фестивали культур народов региона.

В-пятых, Министерствам культуры республик и подведомственным комитетам содействовать организации концертов, посвященных национальным праздникам, историческим событиям, выдающимся личностям на площадках Домов культуры, клубов, библиотек, в том числе (в современных условиях) в госпиталях и призывных пунктах.

В-шестых, для популяризации и развития музыкальных культур региона важно каждой организации серьезно и на постоянной основе вести отчеты о проведенных мероприятиях, включающие отзывы зрителей, репортажи с мест и определенную статистику.

В-седьмых, руководителям филармоний, концертных объединений и коллективов активнее вовлекать коллективы из соседних регионов в совместные мероприятия, что отразит многообразие региональных культур и будет способствовать осознанию единства.

В-восьмых, весьма перспективным видится нам создание платформ для обмена опытом и демонстрации культурных особенностей народов Северного Кавказа, в рамках которых могут выступать как и руководители коллективов, так и их участники. Возможно также возрождение практики проведения региональных национальных олимпиад.

В-девятых, в регионе можно использовать общеизвестный формат встреч с яркими популярными исполнителями или руководителями коллективов, целью которых является знакомство с той или иной национальной музыкальной культурой.

В-десятых, на сайтах министерств культуры и государственных филармоний рекомендуется создание цифровых архивов и платформ, где можно познакомиться с национальной музыкой и культурой в удобное время.

В-одиннадцатых, в деле региональной интеграции неиспользованным остается ресурс создания музыкальных проектов, объединяющих профессионалов и любителей разных возрастов и культур (например, создание смешанных оркестров, хоров, организацию конкурсов на исполнение песен народов региона на языке оригинала и проч.).

Обсуждение и заключение. Концертные организации играют важную роль в формировании и укреплении общенациональной идентичности, поскольку музыка и культурные мероприятия способствуют объединению людей, передаче традиций и ценностей. Концертные организации и коллективы обладают уникальной возможностью способствовать единению общества, поскольку музыка – универсальный язык, который способен объединять людей независимо от их происхождения, возраста, социального положения или мировоззрения. Музыка имеет особые свойства воздействовать на каждого отдельного человека и на людей в целом. Она обладает уникальными качествами, напрямую влияет на эмоциональное состояние человека, вызывая переживания радости, гордости, ностальгии, единства или грусти. В отличие от других видов искусства, музыка может вызывать мгновенную эмоциональную реакцию, обходя логический анализ и затрагивая глубинные уровни сознания.

Музыка не требует знания языка, она понятна людям разных культур и возрастов. Это позволяет объединять людей по всему многонациональному российскому пространству, создавая чувство общности через общие мелодии, ритмы и мотивы. Патриотические песни, народные мотивы и музыка известных композиторов ста-

новятся символами национальной идеи и истории. Они закрепляют коллективную память, помогают выражать и сохранять культурные традиции, формируют чувство принадлежности к общему народу.

Музыка легко распространяется через радио, телевидение, интернет, концерты и массовые мероприятия. Благодаря этому она может достигать широкой аудитории, становясь частью повседневной жизни и формируя общенародные ценности. Ритмичные музыкальные произведения влияют не только на сознание, но и на тело – вызывают желание двигаться, танцевать, петь вместе. Это способствует укреплению группового единства и социальной сплоченности.

В истории России музыка часто была связана с важными событиями: войнами, революциями, культурными подъемами. Через музыку люди передавали патриотизм и уверенность в будущем, поэтому она стала важным элементом национальной идентичности.

Таким образом, благодаря своей эмоциональной силе, универсальности, символической значимости и способности объединять людей, музыка является мощ-

ным инструментом формирования и поддержания общероссийской идентичности, оказывая более глубокое и широкое влияние, чем многие другие виды искусства. Понимание этого должно быть у каждого руководителя филармоний и концертных коллективов. Через это понимание может и должна строиться репертуарная политика, должны создаваться новые коллективы, получать поддержку перспективные проекты. В условиях глобализации и культурного взаимодействия число концертных организаций в регионе неуклонно возрастает. Следовательно, они востребованы, нужны разным слоям населения, способны удовлетворять их потребности. Живая музыка, несмотря на все технические ухищрения, остается неизменно лучшим средством консолидации людей.

Концертные организации способствуют формированию общенациональной идентичности через создание культурного поля, где отражаются и ценятся общие исторические и культурные ценности. Это достигается путем целенаправленной работы с репертуаром, образовательными инициативами, региональным включением и широким культурным сотрудничеством.

КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов

CONFLICT OF INTERESTS

The author declares no conflict of interests

ЛИТЕРАТУРА

1. Многоуровневая идентичность / З. Жаде [и др.]. М.: Российское философское общество; Майкоп: Качество, 2006. 245 с.
2. Чикарова Г.И., Мареев В.И., Дюжиков С.А. Этнический компонент многоуровневой идентичности населения регионов Юга России [Электронный ресурс] // Поиск: Политика. Обществоведение. Искусство. Социология. Культура. 2018. № 3(68). С. 70-79. <https://www.isras.ru/publ.html?id=6234&type=publ>.
3. Шнирельман В.А. Идентичность и политика постсоветской памяти [Электронный ресурс] // Политическая концептология. 2009. № 2. С. 209-230. <http://politconcept.sfedu.ru/2009.2/10.pdf>.
4. Бурдье П. Физическое и социальное пространства: проникновение и присвоение [Электронный ресурс] / пер. с фр. Н.А. Шматко // Социология социального пространства: сборник статей. М., 2005. URL: <https://gtmarket.ru/library/articles/3053>.
5. Устав Республиканского бюджетного учреждения «Государственная филармония Карачаево-Черкесской Республики». Черкесск, 2011. 13 с.

6. Устав государственного бюджетного учреждения культуры Республики Адыгея «Концертное объединение Республики Адыгея». Майкоп, 2023. 38 с.
7. Филармония Республики Северная Осетия – Алания [Электронный ресурс]. URL: https://filarmonyarso-a.ru/?p=23686_simfonicheskij_orkestr (дата обращения: 21.10.2025).
8. 12 сентября 2025 года в Нальчике давал концерт Ростовский академический симфонический оркестр под управлением Антона Шабурова. В программе – музыка Юи, Рахманинова и Чайковского [Электронный ресурс]. URL: <https://filarmonia-kbr.ru/home/novosti> (дата обращения: 21.10.2025).
9. Государственная филармония Чеченской республики [Электронный ресурс]. URL: <https://filarma-chr.ru/news/anons-kontsert-simfonicheskogo-orkestra-gosudarstvennoj-akademicheskoy-kapelly-sankt-peterburga> (дата обращения: 20.10.2025).
10. Государственная филармония Чеченской республики. URL: https://vk.com/filarma_chr?ysclid=mhbvi39weh545468370&z=photo-198241907_457245580%2F97dd20616e716a1ddb (дата обращения: 30.10.2025).
11. Государственная филармония Кабардино-Балкарской республики [Электронный ресурс]. URL: <https://filarmonia-kbr.ru/home/history> (дата обращения: 21.10.25).
12. Государственная филармония Кабардино-Балкарской республики. 85-летие Аслана Алиевича Даурова [Электронный ресурс]. URL: <https://filarmonia-kbr.ru/home/novosti/221-85-let-so-dnya-rozhdeniya-aslana-alievicha-daurova> (дата обращения: 21.10.2025).
13. Атабиев И.К. История, поэтика, типология черкесских (адыгских) танцев: автореф. дис. ... на соиск. уч. степ. канд. искусствоведения. М., 2019. 31 с.
14. Шу Ш.С. Народные танцы адыгов. Нальчик: Эльбрус, 1992. 140 с.
15. Кудаев М.Ч. Карабаево-балкарские народные танцы. Нальчик: Эльбрус, 1984. 114 с.
16. Салбиев Т.К. Священный брак: мифология и традиционная хореография осетин. М.: Долуханов, 2015. 103 с.
17. Джиготи К.Н. Народные танцы: дис. на соиск. уч. ст. канд. искусствоведения. Краснодар, 2025. 184 с.
18. Государственный концертный ансамбль танца и песни «Кубанская казачья вольница имени Н.В. Кубаря» [Электронный ресурс]. URL: <https://kubanfilarmoniya.ru/kollektiv/kazachya-volnitsa> (дата обращения 05.09. 2025).
19. Государственный академический ансамбль народного танца Адыгеи «Нальмэс» [Электронный ресурс]. URL: <https://co-ra.ru/kollektivy/gosudarstvennyy-akademicheskiy-ansambl-narodnogo-tantsa-adygei-nalmes/> (дата обращения: 24.10.2025).
20. Государственный театр танца Калмыкии «Ойраты» [Электронный ресурс]. URL: <https://vk.com/club7051894> (дата обращения: 06.09.2025).
21. Соколова А.Н. Культурные практики курдов Адыгеи в контексте формирования и сохранения этнической, региональной и общероссийской идентичностей // Наследие веков. 2024. № 3. С. 41-49. DOI 10.36343/SB.2024.39.3.003.
22. Ансамбль «Оштен» создан в 1996 году [Электронный ресурс]: официальный сайт. URL: <https://co-ra.ru/kollektivy/estradiyny-ansambl-oshten/> (дата обращения: 24.10.2025).
23. Группа «Фидан» была создана в 1998 году. Позже две группы объединились и образовали эстрадный ансамбль «Фидан и Александровский проспект» [Электронный ресурс]. URL: https://filarmonyarso-a.ru/?p=23688_fidan_i_aleksandrovskij_prospekt (дата обращения: 21.10.2025).
24. Оркестр национальных инструментов «Иристон» [Электронный ресурс]. URL: https://filarmonyarso-a.ru/?p=23692_iriston (дата обращения: 21.10.2025).
25. Вокально-инструментальный ансамбль «Уацамонгæ» [Электронный ресурс]. URL: https://filarmonyarso-a.ru/?p=23691_uacatongæ (дата обращения: 21.10.2025).
26. Государственная филармония Чеченской республики. Девичья хоровая капелла «Firdaws» [Электронный ресурс]. URL: https://vk.com/filarma_chr.

REFERENCES

1. Multilevel identity / Z. Zhade [et al.]. Moscow: Russian Philosophical Society; Maikop: Quality, 2006. 245 p. [In Russ.]
2. Chikarova, G.I., Mareev, V.I., Dyuzhikov, S.A. Ethnic component of multilevel identity of the population of the regions of the Southern Russia [Electronic resource] // Search: Politics. Social Science. Art. Sociology. Culture. 2018. Issue 3(68). P. 70-79. <https://www.isras.ru/publ.html?id=6234&type=publ>. [In Russ.]
3. Shnirelman, V.A. Identity and politics of post-Soviet memory [Electronic resource] // Political Conceptology. 2009. No. 2. P. 209-230. <http://politconcept.sfedu.ru/2009.2/10.pdf>. [In Russ.]
4. Bourdieu, P. Physical and social space: penetration and appropriation [Electronic resource] / trans. from French by N.A. Shmatko // Sociology of social space: collection of articles. Moscow, 2005. URL: <https://gtmarket.ru/library/articles/3053>.
5. Charter of the State Philharmonic of the Karachay-Cherkess Republic. Cherkessk, 2011. 13 p. [In Russ.]
6. Charter of the Concert Association of the Republic of Adygea. Maikop, 2023. 38 p. [In Russ.]
7. The Philharmonic of the Republic of North Ossetia – Alania [Electronic resource]. URL: https://filarmoniyarso-a.ru/?p=23686_simfonicheskij_orquestr (access date: 21.10.2025). [In Russ.]
8. On September 12, 2025, the Rostov Academic Symphony Orchestra under Anton Shaburov gave a concert in Nalchik. The program included music by Cui, Rachmaninoff, and Tchaikovsky [Electronic resource]. URL: <https://filarmonia-kbr.ru/home/novosti> (access date: 21.10.2025). [In Russ.]
9. The State Philharmonic of the Chechen Republic [Electronic resource]. URL: <https://filarma-chr.ru/news/anons-kontsert-simfonicheskogo-orkestra-gosudarstvennoj-akademicheskoy-kapelly-sankt-peterburga> (access date: 20.10.2025). [In Russ.]
10. The State Philharmonic of the Chechen Republic. URL: https://vk.com/filarma_chr?ysclid=mhbvi39weh545468370&z=photo-198241907_457245580%2F97dd20616e716a1ddb (access date: 30.10.2025). [In Russ.]
11. The State Philharmonic of the Kabardino-Balkarian Republic [Electronic resource]. URL: <https://filarmonia-kbr.ru/home/history> (access date: 21.10.25). [In Russ.]
12. The State Philharmonic of the Kabardino-Balkarian Republic. 85th Anniversary of Aslan Aliевич Дауров [Electronic resource]. URL: <https://filarmonia-kbr.ru/home/novosti/221-85-let-sodnya-rozhdeniya-aslana-alievicha-daurova> (access date: 21.10.2025). [In Russ.]
13. Atabiev, I.K. History, poetics, typology of Circassian (Adyghe) dances: abstract. dis. ... for the degree of PhD (Art history). Moscow, 2019. 31 p. [In Russ.]
14. Shu, Sh.S. Folk dances of the Adyghe people. Nalchik: Elbrus, 1992. 140 p. [In Russ.]
15. Kudaev, M.Ch. The Karachay-Balkar Folk Dances. Nalchik: Elbrus, 1984. 114 p. [In Russ.]
16. Salbiev, T.K. Sacred marriage: mythology and traditional choreography of the Ossetians. Moscow: Dolukhanov, 2015. 103 p. [In Russ.]
17. Jyoti, K.N. Folk Dances: Dissertation for a PhD (Art History). Krasnodar, 2025. 184 p. [In Russ.]
18. The State Concert Ensemble of Dance and Song «Kuban Cossack Freemen named after N.V. Kubar» [Electronic resource]. URL: <https://kubanfilarmiya.ru/kollektiv/kazachya-volnitsa> (access date: September 5, 2025). [In Russ.]
19. The State Academic Folk Dance Ensemble of Adygea «Nalmes» [Electronic resource]. URL: <https://co-ra.ru/kollektivy/gosudarstvennyy-akademicheskiy-ansambl-narodnogo-tantsa-adygei-nalmes/> (access date: October 24, 2025). [In Russ.]
20. The State Dance Theater of Kalmykia «Oirats» [Electronic resource]. URL: <https://vk.com/club7051894> (access date: on September 6, 2025). [In Russ.]
21. Sokolova, A.N. Cultural practices of the Kurds of Adygea in the Context of the Formation and Preservation of Ethnic, Regional, and All-Russian Identities // The Heritage of the Centuries. 2024. No. 3. P. 41-49. DOI 10.36343/SB.2024.39.3.003. [In Russ.]

22. The Oshten ensemble was founded in 1996 [Electronic resource]: official website. URL: <https://co-ra.ru/kollektivy/estradiyy-ansambl-oshten/> (access date: 24.10. 2025). [In Russ.]
23. The Fidan group was founded in 1998. Later, the two groups merged to form the Fidan and Aleksandrovsky Prospekt pop ensemble [Electronic resource]. URL: https://filarmonyarso-a.ru/?p=23688_fidan_i_aleksandrovskij_prospekt (access date: 21.10. 2025). [In Russ.]
24. The National Instruments Orchestra «Iriston» [Electronic resource]. URL: https://filarmonyarso-a.ru/?p=23692_iriston (access date: 21 October 2025). [In Russ.]
25. The Vocal and instrumental ensemble «Uatsamongæ» [Electronic resource]. URL: https://filarmonyarso-a.ru/?p=23691_uacamongæ (access date: 21 October 2025). [In Russ.]
26. The State Philharmonic of the Chechen Republic. Girls' choir «Firdaws» [Electronic resource]. URL: https://vk.com/filarma_chr [In Russ.]

Информация об авторе / Information about the author

Алла Николаевна Соколова, доктор искусствоведения, профессор. Институт искусств Адыгейского государственного университета, 385000, Российская Федерация, г. Майкоп, ул. Первомайская, д. 208. Ведущий научный сотрудник Южного филиала Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачева, Российской Федерации, г. Краснодар, e-mail: Professor_sokolova@mail.ru

Alla N. Sokolova, Dr Sci. (Art History), Professor. Institute of Arts of the Adyge State University, 385000, the Russian Federation, Maikop, 208 Pervomayskaya St. Leading Researcher, The Southern Branch of the Russian Research Institute of Cultural and Natural Heritage named after D.S. Likhachev, the Russian Federation, Krasnodar, e-mail: professor_sokolova@mail.ru

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.
The author has read and approved the final manuscript.

Поступила в редакцию 11.09.2025

Received 11.09.2025

Поступила после рецензирования 10.10.2025

Revised 10.10.2025

Принята к публикации 10.10.2025

Accepted 10.10.2025

Оригинальная статья / Original paper

<https://doi.org/10.47370/2078-1024-2025-17-4-179-193>
УДК 316.61:331.55



Влияние удаленной занятости на соотношение профессиональной и личной жизни («work-life balance»): социологический анализ

А.Е. Цеханович

*Российский государственный университет им. А.Н. Косыгина
(Технологии. Дизайн. Искусство),
г. Москва, Российская Федерация
Pli242000@mail.ru*

Аннотация. Введение. В статье исследуется влияние удаленного и гибридного формата занятости на баланс между личной жизнью и профессиональной в реалиях российского рынка труда. Целью данной работы является выявление факторов, препятствующих балансу, и разработка рекомендации для работодателей.

Материалы и методы. Исследование выполнено на основе онлайн-анкетирования, проведенного в феврале 2025 года среди 100 специалистов среднего и низшего звена, проживающих в городе Москве и Московской области, с применением дескриптивной статистики, кросс-табуляции и контент-анализа рекомендаций и пожеланий респондентов.

Результаты исследования. В результате проведенного анализа были выявлены ключевые негативные аспекты удаленной занятости: отсутствие четких границ между работой и отдыхом (68%), постоянная доступность вмешательства в жизнь сотрудника со стороны работодателя (28%). Что касается общего влияния дистанционной занятости на работника, то положительное влияние на жизнь отметили 66% респондентов, но трудности, возникающие в практиках удаленной занятости, по мнению респондентов, снижают продуктивность, в данных условиях отмечена особая роль поддержки со стороны работодателей, которая повышает удовлетворенность работой (80% положительных оценок).

Обсуждение и заключение. Полученные результаты подтверждают двойственность влияния удаленной занятости на «work-life balance». На основе полученных данных выработаны рекомендации для работника по разграничению рабочего и нерабочего времени и для работодателя в сфере оптимизации коммуникации и организации рабочего пространства, обеспечения работника ресурсами для повышения эффективности рабочего времени. Таким образом, исследование предлагает рекомендации для оптимизации управления рабочим процессом в условиях дистанционной занятости.

Ключевые слова: дистанционная занятость, удаленная работа, гибридная занятость, «work-life balance», факторы влияния, баланс работа – личная жизнь, социологический опрос, управление трудовым процессом, рынок труда

Благодарности. Исследование выполнено автором самостоятельно, без стороннего финансирования. Благодарность выражается научному руководителю, доктору социологических наук, профессору Карпову Галине Геннадьевне.

Для цитирования: Цеханович А.Е. Влияние удаленной занятости на соотношение профессиональной и личной жизни («work-life balance»): социологический анализ. *Вестник Майкопского государственного технологического университета*. 2025; 17(4): 179–193. <https://doi.org/10.47370/2078-1024-2025-17-4-179-193>

The impact of remote employment on the ratio of professional and personal life («work-life balance»): a sociological analysis

A.E. Tsekhanovich

*The Kosygin State University of Russia, Moscow, the Russian Federation
Pli242000@mail.ru*

Abstract. Introduction. The article examines the impact of remote and hybrid work arrangements on work-life balance in the Russian labor market. The aim of the research is to identify factors hindering this balance and develop recommendations for employers.

The materials and methods. The study was conducted in February 2025 among 100 mid- and low-level professionals living in Moscow and the Moscow region. It utilized descriptive statistics, cross-tabulation, and content analysis of respondents' recommendations and suggestions.

The results. The analysis identified key negative aspects of remote work: a lack of clear boundaries between work and leisure (68%) and constant employer interference in the employee's life (28%). Regarding the overall impact of remote work on employees, 66% of respondents noted a positive impact on their lives. However, the difficulties encountered in remote work practices, according to respondents, reduced productivity. In these circumstances, employer support played a particularly important role, increasing job satisfaction (80% of positive ratings).

Discussion and conclusion. The obtained results confirm the dual impact of remote work on work-life balance. Based on the obtained data, recommendations have been developed for employees on delineating work and non-working time, and for employers on optimizing communication and organizing the workspace, providing employees with resources to increase work efficiency. Thus, the study offers recommendations for optimizing workflow management in a remote work environment.

Keywords: remote employment, remote work, hybrid employment, work-life balance, influencing factors, work-life balance, sociological survey, workflow management, labor market

Acknowledgments. The research was conducted by the author independently, without external funding. Gratitude is expressed to the scientific supervisor, Dr Sci (Sociology), Professor Galina Gennadievna Karpova.

For citation: Tsekhanovich A.E. The impact of remote employment on the ratio of professional and personal life («work-life balance»): a sociological analysis. *Vestnik Majkopskogo gosudarstvennogo tehnologicheskogo universiteta*. 2025; 17(4): 179–193. <https://doi.org/10.47370/2078-1024-2025-17-4-179-193>

Введение. В условиях повсеместной цифровизации рынка труда полностью дистанционная и гибридная занятость занимает все более значимые позиции, становясь фактором, оказывающим значительное

влияние на качество жизни сотрудников. Пандемия COVID-19, начавшаяся в России в 2020 году, выступила мощным катализатором этих изменений, изменив восприятие удаленной занятости как временной меры

в устоявшийся тренд. Согласно данным из исследования ВЦИОМ (2025) [14], около 25% россиян работают в удаленном или гибридном формате, этот факт подчеркивает важность и актуальность исследования влияния таких форматов занятости на баланс между профессиональной и личной жизнью («work-life balance»). На начальном этапе пандемии переход к дистанционным форматам занятости воспринимался как способ повышения гибкости и автономии [7], но на практике стало ясно, что, помимо плюсов, существуют и значимые проблемы, к их числу относятся: размытие границ между работой и домом, склонность к переработкам, риск профессионального выгорания и социальной изоляции [19].

Проблематика данного исследования заключается в неполноте понимания негативных факторов, которые препятствуют выстраиванию баланса между работой и личной жизнью среди работников среднего и низшего звена на российском рынке труда.

Цель данной работы – выявление негативных и позитивных факторов, с которыми встречаются работники на удаленном и гибридном формате занятости, определение их относительной значимости и разработка научно-обоснованных рекомендаций для работодателя по нивелированию негативных факторов и формированию более сбалансированных условий труда.

Основной гипотезой исследования выступает утверждение, что удаленная работа оказывает неоднозначное воздействие на сотрудников. С одной стороны, она дает возможность более гибко управлять временем и выбирать место работы, что оказывает положительный эффект на общее состояние жизни сотрудника, а с другой стороны, такой вид занятости способствует стиранию границ между работой и личной жизнью из-за недостаточной компетенции сотрудников и отсутствия поддержки от работодателя, а также устоявшихся норм взаимодействия «работник – коллеги – руководство» на дистанционном формате работы. Для проверки гипотезы и дости-

жения поставленной цели были сформулированы следующие задачи:

1. Выявить и провести классификацию факторов, оказывающих влияние на формирование «work-life balance» сотрудников, работающих в удаленном и гибридном режимах.

2. Провести анализ эмпирических данных, полученных в ходе социологического опроса, для определения самых распространенных трудностей удаленной занятости и их взаимосвязей с уровнем поддержки со стороны работодателя, а также общей оценкой влияния удаленной работы на жизнь респондентов.

3. Разработать практические рекомендации для руководителей на основе рекомендаций и пожеланий, полученных в ходе проведения социологического исследования.

Обзор литературы. Проблемы, связанные с удаленной занятостью и ее влиянием на разнообразные аспекты жизни работника, активно изучаются с разных сторон в рамках социологии управления, экономики труда, организационной психологии и других научных направлений. Формат дистанционной работы не новая идея, но пандемия COVID-19 дала толчок для развития и становления такого формата труда и вывела на невиданный уровень исследовательского интереса [17, 19].

Во многих исследованиях отмечается, что одним из основных преимуществ дистанционной работы является возможность выстраивать гибкий рабочий график, а также возможность совмещать работу и личные (семейные) дела [7; 9; 14]. Согласно исследованию Bloom N. и его коллег, анализу ряда работ и результатам большого эксперимента, проведенного в компании «Ctrip», и последующим исследованиям эволюции удаленной работы можно сделать вывод, что правильная организация дистанционной работы способна привести к росту эффективности, высокой производительности и удовлетворенности работников [17]. Данный результат

подтверждается и результатами отечественных изысканий. К примеру, в исследовании Тереховой В.А. указывается на то, что здравый баланс между личной жизнью и работой повышает эффективность работы компании в целом, чему способствует и удаленный формат занятости [9].

Но многие авторы отмечают присутствие существенных рисков и трудностей. К примеру, в исследовании Kniffin K.M. и его коллег проводится обширный обзор последствий пандемии коронавируса и его влияния на построение трудовой деятельности; отмечаются следующие негативные аспекты: социальная изоляция, размытие границ между работой и домом и потенциальное увеличение стресса [19]. К схожим результатам приходят и российские исследователи Шевелева А.М. и Рогов Е.И.: авторы проводят анализ психологических проблем, возникающих в процессе профессиональной деятельности на удаленном формате работы [12], а в исследовании Лисова Е.Н. с Сорокиной А.В. анализируется проблема профессионального выгорания сотрудников на «удаленке» [4]. В научной работе Felstead A. и Henseke G., основанной на данных, собранных в Великобритании до пандемии COVID-19, показано, что при применении удаленного формата занятости повышается удовлетворенность работой, но в то же время растет интенсивность работы и становится сложно «отключаться» от рабочих задач [18].

На российском рынке труда переход к повсеместному применению удаленной работы произошел крайне быстро, так, по данным Нагапетян К.В. и Озерниковой Т.Г., доля дистанционных работников значительно увеличилось в 2020 году [5]. Такой стремительный переход, по заявлению многих авторов, застал работодателей и работников неподготовленными [1; 5; 6]. В исследовании Бурлуцкой М.Г. и Харченко В.С. анализируются практики по контролю подчиненных при удаленной работе, указывается на трудности для управляющего персонала и риски для работников [1]. Синявец Т.Д. в

своей работе проводит анализ негативного влияние удаленной работы на функционирование организационной культуры, выделяя особую важность коммуникаций и поддержки ценностей компании [8].

Особое внимание в исследованиях уделяют важности поддержки со стороны работодателя. Так, Пряжникова О.Н. отмечает, что компании, в которых разрешается работникам самостоятельно решать, когда и где выполнять поставленные задачи, добиваются лучших рабочих результатов [7]. Гусев А.А., говоря о повышении роста производительности и стоимости компаний, связывает это с повсеместной цифровизацией, в том числе и с удаленной занятостью, при условии грамотной организации всех процессов [3]. В своей работе Тонких Н.В. на примере исследования работающих российских женщин демонстрирует, что добровольность такого формата занятости и наличие детей во многом оказывают влияние на субъективные оценки удаленной работы [10].

Несмотря на большое разнообразие исследований, остаются нерешенные вопросы оптимального сочетания индивидуальных стратегий и организационных мер для поддержки «work-life balance» в долгосрочной перспективе. В данной работе предпринята попытка восполнить этот пробел на основе анализа опыта специалистов среднего и низшего звена, проживающих в Москве и Московской области.

Материалы и методы. Исследовательская работа основана на проведенном в марте 2025 года онлайн-анкетировании, в котором приняли участие 100 специалистов среднего и низшего звена из Москвы и Московской области. Ограничением для участия выступили следующие факторы: опыт удаленной или гибридной работы (от 3 месяцев), а также исследование проводилось при условии участия персонала, не занимающего руководящих должностей. Анкетирование состояло из нескольких блоков вопросов, их можно разделить тематически на социально-демографиче-

ские характеристики, характеристики дистанционного формата работы и влияние, оказываемое удаленной работой.

Методы анализа:

- Дескриптивная статистика: необходима для определения частоты распространения трудностей и описания выборки.
- Кросс-табуляция: для проведения анализа между трудностями, поддержкой работодателя и оценкой работы.
- Контент-анализ: для систематизации пожеланий и рекомендаций.

Также в исследовании применялись элементы сравнительного анализа при сопоставлении полученных данных в ходе исследования и результатов схожих научных работ и социологических опросов.

При обработке данных, помимо выше-перечисленных методов, использовались группировки и ранжирование ответов, что дало возможность выявить самые значительные факторы, которые оказывают влияние на восприятие баланса между личной жизнью и работой. Для того чтобы обеспечить объективность результатов исследования, использовалась процедура перекрестной проверки данных, в процессе которой проводилось сравнение самооценок опрошенных респондентов с их ответами на смежные вопросы.

Онлайн-анкетирование проводилось с использованием системы Google Forms,

анализ данных проводился с использованием SPSS Statistics 26 и Microsoft Excel. Выборка репрезентирует молодежь в возрасте 18–29 лет (85%).

Перед основным онлайн-анкетированием было проведено пилотное социологическое исследование на маленькой выборке (10 респондентов), в процессе которого проводилось уточнение формулировок вопросов, корректировалось количество их и уточнялась логика переходов между блоками вопросов в анкете. Такой подход дал возможность повысить надежность данных и минимизировать фактор искажения получаемых данных из-за формулировок и структуры опроса.

Также в процессе исследования были учтены и этические аспекты – участие в анкетировании, проводимом в рамках научной работы, было добровольным и анонимным, респонденты заранее были проинформированы о целях проводимого исследования и принципах обработки полученных данных. Собранные данные используются исключительно в научных целях.

Результаты исследования. Чтобы получить общее представление о респондентах, было принято решение начать с дескриптивной статистики. С начала анализу подверглись социально-демографические характеристики опрошенных.

Таблица 1. Социально-демографические характеристики респондентов

Table 1. Socio and demographic characteristics of respondents

Характеристика	Категория	Количество	Процент
Пол	Женский	55	55%
	Мужской	45	45%
Возраст	18–29	85	85%
	30–40	13	13%
	41–50	1	1%
	51–60	1	1%
Семейное положение	Состою в отношениях, без детей	61	61%
	Не состою в отношениях	31	31%
	Состою в отношениях, есть дети	8	8%

Как видно из таблицы 1, выборка преимущественно состоит из молодых специалистов 18–29 лет (85%), с незначительным перевесом женщин (55%). Большая часть опрошенных не имеет детей (92%), что оказывает влияние на восприятие баланса между личной жизнью и работой, так как отсутствие родительских обязательств может способствовать снижению уровня стресса и потребности в гибком графике, что, по сути, делает дистанционную заня-

тость более привлекательной и комфортной для сотрудников данной категории. Отсутствие детей дает возможность опрошенным более свободно распоряжаться своим временем, что потенциально упростит выстраивание границ между работой и личной жизнью. С другой стороны – это может способствовать большему погружению в рабочие обязанности, что может привлечь к ухудшению баланса между трудовой занятостью и личной жизнью.

Таблица 2. Характеристики удаленной занятости

Table 2. Characteristics of remote employment

Характеристика	Категория	Количество	Процент
Род профессиональной деятельности	IT	30	30%
	Финансы	19	19%
	Маркетинг	17	17%
	Строительство	5	5%
	HR	3	3%
	Прочие (менее 3 упоминаний)	26	26%
Как часто работаете удаленно?	Частично удаленно (гибридный формат)	46	46%
	Полностью удаленно	34	34%
	Редко, в экстренных случаях	20	20%
Сколько часов в день удаленно?	7–9 часов	55	55%
	Более 9 часов	15	15%
	4–6 часов	14	14%
	Работаю по задачам	9	9%
	До 4 часов	7	7%
Поддержка от работодателя	Нет, я организую все самостоятельно	48	48%
	Да, работодатель предоставляет необходимые ресурсы	44	44%
	Частично	8	8%

Как видно из таблицы 2, большинство респондентов работают в IT, финансах и маркетинге (66%), преимущественно в гибридном или удаленном формате (80%). Половина опрошенных не получает поддержки работодателя в организации труда, что может усиливать трудности в построении трудового процесса и выполнении трудовых задач.

Гибридный формат занятости (46%) и полностью удаленный (34%) составляет большую часть ответов, следовательно, именно такие модели занятости широко распространены в исследуемых профессиональных группах. Необходимо отметить, что 55% опрошенных работников работают по 7–9 часов в день, что равняется стандартному рабочему дню в

России, но 15% опрошенных работают более 9 часов в день, что может сигнализировать о склонности перерабатывать на удаленном формате занятости и негативно влияет на выстраивание баланса. Полное отсутствие поддержки (48%) или частичная поддержка (8%) в организации работы является значительным фактором,

который может негативно влиять на эффективность и продуктивность работников. Это значит, что большинство (56%) опрошенных работников полностью или частично сами организуют свое рабочее пространство у себя дома, что может прямо оказывать влияние на «work-life balance» сотрудника.

Таблица 3. Влияние удаленной работы

Table 3. The effect of remote work

Характеристика	Категория	Количество	Процент
Влияние удаленной работы на способность выполнять рабочие обязанности	Не изменила	45	45%
	Улучшила	37	37%
	Ухудшила	18	18%
Влияние удаленной работы на жизнь в целом	Положительно	66	66%
	Нейтрально	26	26%
	Негативно	8	8%
Трудности при совмещении удаленной работы и личной жизни (Можно выбрать несколько вариантов)	Отсутствие четких границ между работой и отдыхом	68	68%
	Постоянная доступность для работодателя	28	28%
	Нет трудностей	27	27%
	Увеличение домашних обязанностей	16	16%
	Конфликты с членами семьи	12	12%
	Иные варианты ответа	9	9%
Распределение домашних обязанностей	Обязанности распределены равномерно	74	74%
	Увеличилось количество	24	24%
	Члены семьи взяли больше на себя	2	2%
Меры для сохранения баланса между работой и личной жизнью	Перерывы и физическая активность	35	35%
	Выделенное рабочее место	31	31%
	Четкое расписание работы	32	32%
	Работа в определенные часы	29	29%
	Ничего из перечисленного	16	16%

Из таблицы 3 видно, что удаленная работа чаще оказывает положительное влияние на «жизнь» (66%), но отсутствие границ (68%) и доступность (28%) создают значительные барьеры в организации жизненного пространства. Респонденты активно применяют меры для сохранения баланса между работой и личной

жизнью (перерывы, расписание), но, как видно из полученных данных, 16% не предпринимают никаких действий по распределению рабочего и личного времени, что, возможно, указывает на недостаток доступных стратегий по организации рабочего времени и пространства.

Положительное влияние, оказываемое удаленной занятостью, которое отметили 66% респондентов, сигнализирует о явном преимуществе такого формата работы за счет возможности выстраивать гибкий график и экономии времени на дорогу. Однако эти преимущества могут быть спокойно нивелированы за счет доминирующего (68%) негативного фактора в лице «отсутствие четких границ между работой и отдыхом». Этот фактор проявляется в размытии рабочего дня, в выполнении задач после окончания рабочего дня и в сложности перехода в нерабочее состояние и ухода от мысли о выполнении задач, поставленных начальством. «Постоянная доступность для работодателя» (28%) усугубляет эту проблему, создавая впечатление, что рабочий день идет бесконечно, даже когда находишься дома. По сути, эти два фактора являются основными барьерами для достижение полноценного «work-life balance».

Несмотря на возникающие сложности, значительная часть опрошенных активно прибегают к различным стратегиям для поддержания рабочего баланса. К примеру, применяются конкретные практики поддержания баланса между рабочим и нерабочим

временем – наибольшим числом голосов отмечены: «перерывы и физическая активность» (35%); «четкое расписание работы» (32%); «выделенное рабочее место» (31%); «работа в определенные часы» (29%). Полученные данные демонстрируют, что сотрудники с полным пониманием важности подходят к вопросу самоорганизации и пытаются собственными силами выстраивать свой рабочий процесс в условиях дистанционной работы. Но факт, что 16% опрошенных не предпринимают никаких действий для организации рабочего и личного времени, является достаточно тревожным и может указывать на то, что работники недостаточно осведомлены об эффективных стратегиях организации рабочего времени и пространства в условиях удаленной работы. Респонденты, входящие в эти 16%, могут быть более уязвимы перед выгоранием на рабочем месте. Важно отметить, что даже в случае применения всех методов самоорганизации поддержка от работодателя остается критически важным аспектом при поддержании баланса между личной жизнью и работой.

Выявленные взаимосвязи между трудностями, поддержкой и оценкой представлены в таблицах 4–6.

Таблица 4. Негативные факторы и общая оценка влияния удаленной работы на жизнь

Table 4. Negative factors and overall assessment of the impact of remote work on life

Трудности	Кол. упоминаний	Общая оценка: положительно	Общая оценка: нейтрально	Общая оценка: негативно
Отсутствие четких границ между работой и отдыхом	68	37 (54,4%)	23 (33,8%)	8 (11,8%)
Постоянная доступность для работодателя	28	16 (57,1%)	9 (32,1%)	3 (10,8%)
Нет трудностей	27	24 (88,9%)	3 (11,1%)	0 (0%)
Увеличение домашних обязанностей	16	10 (62,4%)	3 (18,8%)	3 (18,8%)
Конфликты с членами семьи	12	6 (50%)	4 (33,3%)	2 (16,7%)
Иные варианты ответа	9	7 (77,8%)	1 (11,1%)	1 (11,1%)

Проведение анализа путем кросс-табуляции негативных факторов и общей оценки влияния удаленной работы на жизнь подтверждает (таблица 4), что «отсутствие четких границ между работой и отдыхом» (54,4% вариантов ответов) коррелирует с положительной оценкой жизни, но в 33,8% случаев приводит к нейтральной общей оценке, а в 11,8% – к негативной оценке. Это подчеркивает двойственный характер влияния данного фактора, ведь даже те, кто в целом доволен удаленной работой, могут ощущать дискомфорт из-за отсутствия четких границ. Что касается «постоянной доступности для работодателя», этот негативный фактор упоминается реже (28%),

а также вносит вклад в нейтральную оценку (32,1%) и негативную (10,8%) восприятия жизни. Примечательно, что опрошенные, не сталкивающиеся с трудностями (88,9%), оценивают влияние дистанционной занятости как положительное, что указывает на прямую взаимосвязь между общим благополучием и отсутствием проблем. Приведенные данные заостряют внимание на том, что субъективное восприятие баланса зависит не только от формальных условий, но и от работника, а также работодателя с точки зрения возможности эффективно управлять границами в рамках выстраивания рабочих отношений.

Таблица 5. Негативные факторы и влияние удаленной работы на обязанности

Table 5. Negative factors and impact of remote work on responsibilities

Трудности	Кол. упоминаний	Общая оценка: улучшила	Общая оценка: не изменила	Общая оценка: ухудшила
Да, «Отсутствие четких границ...»	68	23 (33,8%)	29 (42,6%)	16 (23,5%)
Да, «Постоянная доступность...»	28	13 (46,4%)	6 (21,4%)	9 (32,1%)
Нет трудностей	27	12 (44,4%)	14 (51,9%)	1 (3,7%)
Да, «Увеличение домашних обязанностей»	16	7 (43,8%)	5 (31,3%)	4 (25,0%)
Да, «Конфликты с членами семьи»	12	5 (41,7%)	4 (33,3%)	3 (25,0%)

Таблица 5 демонстрирует, каким образом негативные факторы влияют на возможность успешно выполнять свою работу. «Отсутствие четких границ между работой и отдыхом» ухудшает качество выполнения своих рабочих обязанностей у 23,5% опрошенных, а у 42,6% не влияет на ситуацию с выполнением работы, это означает, что на значительном числе работников данный фактор никак не оказывается, либо приводит к ухудшению. «Постоянная доступность для работодателя» негативно влияет на выполнение рабочих обязанностей у 32,1% респондентов, но всего лишь у 46,4% опрошенных фактор улучшает ситуацию. Такая

взаимосвязь может быть обусловлена тем, что постоянная отвлеченност на работу в нерабочее время требует дополнительной концентрации, а переключение от отдыха опять к работе нарушает концентрацию сотрудника. 51,9% опрошенных, не имеющих трудностей, отметили, что дистанционная работа не повлияла на их способность выполнять свои обязанности, и только у 3,7% опрошенных она ухудшилась, что подчеркивает важность минимизации негативных факторов влияния на сотрудников для поддержания их продуктивности. Также заметное влияние на ухудшение способности выполнять рабочие обязанности оказывают увели-

чение домашних обязанностей (25%) и конфликтов с членами семьи (25%). Это демонстрирует, что «домашний фронт»

также оказывает значительное влияние на профессиональную эффективность работников.

Таблица 6. Поддержка работодателя и общая оценка влияния на жизнь

Table 6. Employer's support and overall life impact assessment

Поддержка работодателя	Кол. упоминаний	Общая оценка: положительно	Общая оценка: нейтрально	Общая оценка: негативно
Да, предоставляет ресурсы	44	35 (79,5%)	7 (15,9%)	2 (4,6%)
Частично	8	4 (50,0%)	3 (37,5%)	1 (12,5%)
Нет, организую самостоятельно	48	26 (54,2%)	16 (33,3%)	6 (12,5%)

Сравнительные данные, приведенные в таблице 6, ярко демонстрируют, что поддержка, оказываемая работодателем, выступает ключевым фактором, оказывающим влияние на общее восприятие дистанционной работы. Опрошенные, которые получают полную поддержку от работодателя, дают положительную оценку влияния удаленной работы на свою жизнь (79,5%), и всего лишь 4,6% оценили этот фактор как негативный. Процент положительных оценок от респондентов, которым работодатель оказывает полную поддержку, выше, чем у тех, кому ее оказывают частично (54,2%). Как можно увидеть, даже частичная поддержка уже снижает количество положительных оценок и демонстрирует рост негативных до 12,5%. Полученные в ходе исследования данные демонстрируют прямую зависимость между вовлеченностью руководителя и субъективным благополучием сотрудников. Организации, которые обеспечивают сотрудников на удаленке всем необходимым для выполнения работы, не только снижают нагрузку на сотрудников, но и способствуют более эффективному выстраиванию баланса между личной жизнью и работой, так как сотрудники ощущают свою защиту и нужность, что позволяет эффективно концентрироваться на работе и грамотно распределять свое время. Особенно ярко этот аспект проявляется себя в российских реалиях,

так как опыт предыдущих исследований показывает, что множество организаций оказались не готовы к массовому уходу на удаленную занятость.

Отсутствие границ чаще связано с нейтральным (29,4%) или негативным (10,3%) восприятием жизни, а доступность – с ухудшением обязанностей (32,1%). Поддержка работодателя значительно повышает положительную оценку (80%), подчеркивая роль организационных мер.

Контент-анализ открытых ответов выявил пять ключевых категорий для построения рекомендаций по улучшению «work-life balance»:

1. Разграничение рабочего времени (20%): установка четких границ между работой и отдыхом. Пример: «Определять рабочие часы, например, с 9:00 до 18:00, и не отвечать на сообщения после» (респондент 34).

2. Предоставление ресурсов (15%): техническое обеспечение и доступ к инструментам. Пример: «Работодатель должен предоставлять ноутбуки и оплачивать интернет» (респондент 12).

3. Улучшение коммуникации (10%): регулярные встречи и прозрачные инструкции. Пример: «Еженедельные созвоны помогают понять ожидания руководства» (респондент 67).

4. Гибкость графика (8%): возможность выбирать часы работы. Пример:

«Гибкий график, чтобы совмещать работу с семейными делами» (респондент 89).

Рекомендации респондентов акцентируют внимание на необходимости четких границ (20%) и ресурсов (15%), что подтверждают организационные барьеры. Индивидуальные меры (гибкость, четкость задач) менее популярны, но дополняют стратегии. Остальные рекомендации (40%) были уникальными или менее частыми (например, психологическая поддержка, тренинги). Категории отражают как индивидуальные (границы, гибкость), так и организационные (ресурсы, коммуникация) меры.

Обсуждение и заключение. Результаты проведенного исследования подтверждают выдвинутую гипотезу о двойственном, амбивалентном воздействии удаленной и гибридной работы на баланс между профессиональной и личной жизнью российских специалистов. С одной стороны, большинство респондентов (66%) отмечают общее положительное влияние такого формата занятости на их жизнь, что, вероятно, связано с возросшей гибкостью и экономией времени на дорогу, как указывалось в работах Bloom et al [17] и подчеркивалось ВЦИОМ [14]. Эта гибкость позволяет лучше совмещать работу с личными делами, что особенно ценится сотрудниками [7; 9].

С другой стороны, исследование выявило серьезные проблемы, препятствующие достижению здорового «work-life balance». Доминирующей трудностью является «отсутствие четких границ между работой и отдыхом» (68%), что приводит к размыванию личного времени и пространства, переработкам и, как следствие, к риску выгорания. Этот вывод согласуется с результатами Kniffin K.M. et al. [19], Felstead A. и Henseke G. [18], а также российских исследователей [11; 12; 4]. «Постоянная доступность для работодателя» (28%) усугубляет эту проблему, стирая грани рабочего дня и создавая перманентное напряжение. Данные аспекты

особенно остро проявляются при отсутствии адекватной поддержки со стороны работодателя (Таблица 6), что подтверждает важность организационных факторов, на которые указывали Нагапетян К.В. с Озерниковой Т.Г. [5].

В российском контексте, как показало исследование и анализ литературы [1; 8; 6; 13], организационная культура и управленические практики играют ключевую роль в адаптации к удаленным форматам. Недостаточная подготовленность многих организаций к эффективному управлению распределенными командами [5; 2] может усиливать негативные эффекты удаленной работы. Рекомендации респондентов, полученные в ходе контент-анализа, подчеркивают необходимость совместных усилий: со стороны работодателей – четкое регламентирование рабочего времени, предоставление ресурсов и выстраивание эффективных коммуникаций; со стороны сотрудников – активное применение стратегий самоорганизации и установления границ.

Практическая значимость исследования заключается в разработке конкретных рекомендаций:

Для работодателей:

1. Обеспечивать сотрудников необходимыми техническими ресурсами (ноутбуки, ПО, оплата интернета) или компенсировать их использование.

2. Проводить регулярные структурированные онлайн-встречи для обсуждения задач и поддержания командного духа, но избегать их избыточности («Zoom fatigue»).

3. Развивать корпоративную культуру, поддерживающую удаленную работу, включая обучение менеджеров навыкам управления распределенными командами и предоставления конструктивной обратной связи [1; 8; 13].

Для сотрудников:

4. Активно использовать стратегии управления временем и пространством: выделять специальное рабочее место,

делать регулярные перерывы, заниматься физической активностью.

5. Четко договариваться с руководством и коллегами о часах своей доступности и ожиданиях по времени ответа.

6. Развивать навыки самодисциплины и самомотивации.

Сравнение полученных результатов с изначально поставленной целью исследования показывает, что выявленные барьеры для «work-life balance» носят как индивидуальный, так и системный организационный характер, что требует комплексного подхода к их преодолению.

Ограничения данного исследования, такие как фокус на молодых специалистах и сотрудниках-исполнителях из столичного региона, указывают на необходимость дальнейшего изучения проблемы на более широких и разнообразных выборках, включая руководителей различных уровней и представителей других регионов и возрастных групп. Перспективными направлениями для будущих исследований могут стать анализ долгосрочных эффектов удаленной работы на карьеру и психологиче-

ское здоровье [12; 4], изучение влияния специфики корпоративной культуры на адаптацию к удаленным форматам [8; 13], а также оценка роли новых технологий (например, ИИ-инструментов для планирования и коммуникации) в оптимизации «work-life balance».

В заключение следует отметить, что данное исследование выявило следующее: удаленная работа предоставляет ценную гибкость, положительно влияющую на жизнь 66% опрошенных, однако сопряжена с серьезными вызовами, такими как отсутствие четких границ между работой и отдыхом (68%) и постоянная доступность для работодателя (28%), что негативно сказывается на «work-life balance». Ключевым фактором, смягчающим негативные эффекты и повышающим общую удовлетворенность, является поддержка со стороны работодателя (80% положительных оценок при ее наличии). Для оптимизации условий труда необходимы совместные усилия: четкое разграничение рабочего времени, предоставление ресурсов и улучшение коммуникаций со стороны компаний, а также развитие навыков самоорганизации у сотрудников.

КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов

CONFLICT OF INTERESTS

The author declares no conflict of interests

ЛИТЕРАТУРА

1. Бурлуцкая М.Г., Харченко В.С. Трудовые отношения на дистанте: практики контроля сотрудников при удаленной работе // Управление культурой. 2022. № 2. С. 27-47.
2. Былков В.Г. Организационные траектории развития дистанционной занятости // Экономика труда. 2022. Т. 9, № 3. С. 567-586.
3. Гусев А.А. Цифровизация трудовых отношений и ее влияние на производительность труда и стоимость компаний // Экономика. Налоги. Право. 2019. Т. 12, № 6. С. 39-47.
4. Лисова Е.Н., Сорокина А.В. Профессиональное выгорание сотрудников, работающих дистанционно // Вестник Прикамского социального института. 2021. № 1(88). С. 142-148.
5. Нагапетян К.В., Озерникова Т.Г. Удаленная работа в условиях пандемии: проблемы и возможности для бизнеса и персонала // Управление персоналом и интеллектуальными ресурсами в России. 2021. Т. 10, № 1. С. 70-79.
6. Пронин В.Ю. Трансформация труда в современном обществе: дистанционная работа и другие формы занятости // Вестник государственного университета управления. 2024.

7. Пряжникова О.Н. Удаленная работа и ее экономические и социальные последствия (обзор) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия, 2: Экономика. 2020. № 2. С. 76-81.
8. Синявец Т.Д. Влияние дистанционной работы на состояние организационной культуры // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Экономика и управление. 2022. № 4. С. 103-116.
9. Терехова В.А. Организация здорового баланса работы и личной жизни как способ повышения эффективности работы компании // Экономика и бизнес: теория и практика. 2016. № 11. С. 118-120.
10. Тонких Н.В. Влияние дистанционной занятости на разные сферы жизни: субъективные оценки россиянок // Экономическая социология. 2023. Т. 24, № 5. С. 66-92.
11. Цеханович А.Е. Баланс между работой и личной жизнью: субъективная оценка и влияние на трудовой потенциал // Вестник университета. 2024.
12. Шевелева А.М., Рогов Е.И. Психологические проблемы профессионального становления в условиях дистанционной организации деятельности // Мир науки. Педагогика и психология. 2021. Т. 9, № 3.
13. Алончикова Е. Как построить корпоративную культуру в эпоху удаленной работы. РБК. 15.11.2024 [Электронный ресурс]. URL: [https://companies.rbc.ru/news/4LJZqrdRiv/kak-postoit-korporativnuuyu-kulturu-v-epohu-udalennoj-raboty/](https://companies.rbc.ru/news/4LJZqrdRiv/kak-postroit-korporativnuuyu-kulturu-v-epohu-udalennoj-raboty/) (дата обращения: 17.05.2025).
14. ВЦИОМ. Работа из дома как новая норма. 04.03.2025 (гипотетическая дата) [Электронный ресурс]. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/rabota-iz-domu-kak-novaja-norma> (дата обращения: 14.05.2025).
15. Гальчева А. Руководители рассказали о проблемах и преимуществах удаленки. РБК. 15.08.2022 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rbc.ru/economics/15/08/2023/64d5fd819a7947c17eef9146> (дата обращения: 14.05.2025).
16. Жандарова И. Эксперты: Число вакансий на удаленке продолжит расти [Электронный ресурс] // Российская газета. 2023. 24 окт. URL: <https://rg.ru/2023/10/24/kadry-derzhat-distanciui.html> (дата обращения: 16.05.2025).
17. Barrero J.M., Bloom N., Davis S.J. The Evolution of Work from Home // Journal of Economic Perspectives. 2023. Vol. 37, No. 4. P. 23-50.
18. Felstead A., Henseke G. Assessing the growth of remote working and its consequences for effort, well-being and «work-life balance» // New Technology, Work and Employment. 2017. Vol. 32, No. 3. P. 195-212.
19. COVID-19 and the Workplace: Implications, Issues, and Insights for Future Research and Action / Kniffin K.M. [et al.] // American Psychologist. 2021. Vol. 76, No. 1. P. 63-77.

REFERENCES

1. Burlutskaya, M.G., Kharchenko, V.S. Remote labor relations: practices for monitoring employees during remote work // Cultural Management. 2022. Issue 2. P. 27-47. [In Russ.]
2. Bylkov, V.G. Organizational trajectories of remote employment development // Labor Economics. 2022. Vol. 9, Issue 3. P. 567-586. [In Russ.]
3. Gusev, A.A. Digitalization of labor relations and its impact on labor productivity and company value // Economics. Taxes. Law. 2019. Vol. 12, Issue 6. P. 39-47. [In Russ.]
4. Lisova, E.N., Sorokina, A.V. Professional burnout of employees working remotely // Bulletin of the Prikamsky Social Institute. 2021. Issue 1(88). P. 142-148. [In Russ.]
5. Nagapetyan, K.V., Ozernikova, T.G. Remote work during the pandemic: challenges and opportunities for business and personnel // Human resources and intellectual resource management in Russia. 2021. Vol. 10, Issue 1. P. 70-79. [In Russ.]
6. Pronin, V.Yu. Transformation of labor in modern society: remote work and other forms of employment // Bulletin of the State University of Management. 2024. [In Russ.]

7. Pryazhnikova, O.N. Remote work and its economic and social consequences (review) // Social Sciences and Humanities. Domestic and Foreign Literature. Series, 2: Economics. 2020. Issue 2. P. 76-81. [In Russ.]
8. Sinyavets, T.D. The impact of remote work on the state of organizational culture // Vestnik of Voronezh State University. Series: Economics and Management. 2022. Issue 4. P. 103-116. [In Russ.]
9. Terekhova, V.A. Organization of a healthy work-life balance as a way to improve company efficiency // Economics and business: theory and practice. 2016. Issue 11. P. 118-120. [In Russ.]
10. Tonkikh, N.V. The impact of remote employment on different spheres of life: subjective assessments of Russian women // Economic Sociology. 2023. Vol. 24, Issue5. P. 66-92. [In Russ.]
11. Tsekhanovich, A.E. Work-life balance: subjective assessment and impact on labor potential // Vestnik of the University. 2024. [In Russ.]
12. Sheveleva, A.M., Rogov, E.I. Psychological problems of professional development in the context of remote organization of activities // World of Science. Pedagogy and Psychology. 2021. Vol. 9, Issue 3. [In Russ.]
13. Alonchikova, E. How to build a corporate culture in the era of remote work. RBC. November 15, 2024 [Electronic resource]. URL: <https://companies.rbc.ru/news/4LJZqrdriv/kak-postroit-korporativnyu-kulturu-v-epohu-udalennoj-rabotyi/> (access date: May 17, 2025).
14. Russian Public Opinion Research Centre. Working from home as the new normal. March 4, 2025 (hypothetical date) [Electronic resource]. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/rabota-iz-domu-kak-novaja-norma> (access date: 14.05.2025). [In Russ.]
15. Galcheva, A. Executives spoke about the problems and advantages of remote work. RBC. 15.08.2022 [Electronic resource]. URL: <https://www.rbc.ru/economics/15/08/2023/64d5fd819a7947c17eef9146> (access date: 14.05.2025). [In Russ.]
16. Zhandarova, I. Experts: The number of remote vacancies will continue to grow [Electronic resource] // Rossiyskaya Gazeta. 2023. October 24. URL: <https://rg.ru/2023/10/24/kadry-derzhat-distanciui.html> (access date: 16.05.2025). [In Russ.]
17. Barrero J.M., Bloom N., Davis S.J. The Evolution of Work from Home // Journal of Economic Perspectives. 2023. Vol. 37, No. 4. P. 23-50.
18. Felstead A., Henseke G. Assessing the growth of remote working and its consequences for effort, well-being and «work-life balance» // New Technology, Work and Employment. 2017. Vol. 32, No. 3. P. 195-212.
19. COVID-19 and the Workplace: Implications, Issues, and Insights for Future Research and Action / Kniffin K.M. [et al.] // American Psychologist. 2021. Vol. 76, No. 1. P. 63-77.

Информация об авторе / Information about the author

Андрей Евгеньевич Цеханович, аспирант кафедры социологии и рекламных коммуникаций, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российский государственный университет им. А.Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство)», 115035, Российская Федерация, г. Москва, ул. Садовническая, д. 33, стр. 1, e-mail: pli242000@mail.ru

Andrey E. Tsekhanovich, Postgraduate student, the Department of Sociology and Advertising Communications, The Kosygin State University of Russia (Technology. Design. Art), 115035, Russian Federation, Moscow, 33 Sadovnicheskaya Street, Building 1, e-mail: pli242000@mail.ru

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.
The author has read and approved the final manuscript.

Поступила в редакцию 21.10.2025

Received 21.10.2025

Поступила после рецензирования 15.11.2025

Revised 15.11.2025

Принята к публикации 15.11.2025

Accepted 15.11.2025

Научное издание

Ежеквартальный рецензируемый научный журнал «Вестник Майкопского государственного технологического университета».

Том 17 № 4 2025

Издательство ФГБОУ ВО «МГТУ»

385000, Республика Адыгея, г. Майкоп, ул. Первомайская, 191.

Бумага Чайка Бумага А. Печать цифровая.

Гарнитура Times. Усл. п. л. 24,25. Формат 60x84/8

Тираж 500 экз. Заказ 17/04

Отпечатано с готового оригинал-макета

на участке оперативной полиграфии ИП Кучеренко В.О.

385008, г. Майкоп, ул. Пионерская, 403/33.

Тел. для справок 8-928-470-36-87.

E-mail: slv01@yandex.ru



Чтобы убедиться
в подлинности справки, используйте
QR-код, который содержит ссылку на отчет.

Ответ на вопрос, является ли обнаруженное заимствование
корректным, система оставляет на усмотрение проверяющего.
Представленная информация не подлежит использованию
в коммерческих целях.

